

Анна Немеровская

Время течёт по венам

Анна Немеровская:

Я родилась после войны в Баку. Конечно, соблюдала традиции приличного поведения еврейской девушки – хорошо училась в школе, в университете. Как положено, замужество, работа, дети (два сына).

А дальше – столица мира, трудности адаптации, работа на финансовом поприще: в банке.

Написала два рассказа о своих бабушках и дедушках исключительно для своих внуков, чтобы они знали свои корни.

Рассказы им понравились. И я рискнула писать дальше.

Вышли из печати роман "И даровал Всевышний Человеку свободу воли" (получивший престижный международный диплом «Платиновый Дюк» в номинации «Авторская книга» за 2018 г.), повести, рассказы, эссе, пьеса о Шекспире...

А постоянная «вкусная» рубрика в ежемесячном журнале «Здоровый образ жизни» помогла мне издать две кулинарные книги.

Но оказалось, и это не все. Жизнь сводила меня со многими людьми, истории и судьбы которых трогают до глубины души. Невозможно не рассказать о них. Так что... придется писать еще.

Сейчас на пенсии, времени для творчества прибавилось.

=====

«Время течёт по венам» – роман короткий и одновременно длинный. В нем всего около ста страниц, но рассказано так много, как в ином страниц на тысячу. Это роман камерный и одновременно – роман-эпопея. Автор рассказывает, казалось бы, историю жизни нескольких человек, но эта история вплетена в жизнь огромной страны со всеми ее радостями и сложностями. Это – удивительный роман, который читается быстро, а запоминается надолго.

(**Песах Амнуэль** – писатель, астрофизик,
гл. редактор издательства и журнала «Млечный путь»)

=====

Сегодня утром села за ваш роман, от которого не смогла оторваться, пока его не закончила. Столько знакомых имен, названий, мест... какие высокие чувства и какие низкие люди – все встретилось в вашей книге... Прочла с большим удовольствием! Спасибо большое!

Всего вам самого доброго и, прежде всего, здоровья!

Ваша книга крутится у меня в голове, не отпуская. Какая все-таки страшная судьба оказалась у любви Вани и Вики, сколько лет потеряно из-за злобы и лжи...

Невыносимо!

(**Ирина Ротэ** – Председатель правления общества «Our Baku e.V»,
администратор сайта «Наш Баку» (www.ourbaku.com)).

Анна Немеровская

ВРЕМЯ ТЕЧЁТ ПО ВЕНАМ

Баку и бакинцам посвящается.

Анна Немеровская
Время течёт по венам

Редактор Марина Биянова.
Издательство «Млечный Путь»
7/2, Ротшильд, Кфар-Саба,
No. 306278326, 06.08.2007

© «Млечный Путь»
© Анна Немеровская
Все права защищены

Printed in United States of America

ISBN 978-965-7781-98-2

Уважаемые господа.

Я понимаю, что многие мои читатели не знакомы со спецификой жизни в Советском Баку в 50-90 годы, поэтому примечаний и разъяснений в конце книги накопилось немало. Вертеть книгу туда и обратно считаю весьма неудобным, и я решила вставить всю мелкую справочную информацию непосредственно туда, где ей место.

Надеюсь, что эти вставки, выделенные курсивом, не будут особенно мешать тем, для кого эти сведения не новы или не интересны.

О романе Анны Немеровской: «Время течёт по венам»

Нельзя без волнения читать эту сагу об интернациональных бакинских семьях, их близких, друзьях, соседях и других людях, с которыми свела их судьба. Роман богат в литературном смысле. Насыщен энциклопедическими сведениями из азербайджанской (и не только) жизни. Проникнут глубокой симпатией к городу Баку и его жителям, к дружбе и взаимопомощи бакинцев – азербайджанцев, русских, евреев, армян и других, имевших место в советский период.

К достоинствам романа нужно отнести его чёткую сюжетную линию и весь его дух течения времени, времени любых перемен, как в личной жизни людей, так и общества. При его чтении по умолчанию то и дело всплывает бессмертное изречение на кольце царя Соломона: «Всё проходит, и это пройдёт». Да, время проходит, но не монотонно.

Остроту действию романа придают как наличие сугубо отрицательных лиц, так и ужасные картины погромов в Баку на исходе Советской власти.

Большим достоинством романа является его абсолютно внятная литературная лексика, стилистика речи.

Справочный материал, отрывки из воспоминаний, вставки из цитат и стихов – вся дополнительная информация, которую можно назвать нерисованными иллюстрациями, всегда к месту.

Почему роман называется "Время течет по венам"? Наука дает нам такое определение: Время – это фундаментальное свойство бытия, выраженное в форме движения, изменения и развития сущего из прошлого, через настоящее в будущее. Оно течет в одну сторону, необратимо изменяя мир, всех людей в нашем мире и нас с вами.

Я понял это название в момент, когда перевернул последнюю страницу.

Время течет сквозь нас, сквозь наше сердце, нашу кровь, наши мысли, сквозь душу...

А ещё меня роман вдохновил посвятить автору стихотворение о неразгаданной пока тайне времени...

ВРЕМЯ

Анне Немеровской

Можно быть разных наций, можно быть разной веры;
общее – только время, данное нам во всём.
Время в любви признаться, выйти в пенсионеры –
время отторгнуть бремя тягот, что мы несём.

Время течёт неслышно. Время ведёт незримо
к вечно пустому мраку – что перед ним ГУЛАГ!
Время для нас всевышне, время неуловимо,
телу, страстям, дензнаку неодолимый враг.

Время не застывает. Камень его не чувствует...
Но вот момент зачатия, – дивный итог любви,
пусть только миг, – взвевает жизнь, что собой чарует,
жизнь, что дана для счастья, только его – лови!

Жизнь, что идёт, с движеньем времени совпадая,
мыслям и чувствам внемля, дарит друзей, подруг.
Тешит своим рожденьем поросль молодая...
И потому нам время – непреходящий друг.

Зиновий Коровин, поэт,
Президент Литературного Клуба Нью-Йорка

Глава 1

Историю Вики (она же Рива, Ривочка, Ревекка) начнём, как обычно, с её родителей. Отец с редким именем Иван Иванович Иванов, кадровый офицер лет примерно тридцати пяти, в середине войны был ранен. В госпитале полюбил Софочку, студентку мединститута, которая там работала.

После выздоровления Иван не стал отлеживаться в тылу, ушёл на фронт, перед отъездом зарегистрировал брак с Софочкой, чтобы в случае чего она получала его офицерскую пенсию. Ушёл на фронт, не зная, что оставляет жену уже не одну. В положенный срок она родила очаровательную девочку, которую назвала Ривочкой в честь своей мамы.

Иван благополучно вернулся домой. Софа стала педиатром. Лет пять их переводили с места на место, пока не направили в Баку в Управление Пограничных войск (УПВ). Дали скромную квартиру в поселке Баилов. Бакинцы знают этот район города с преимущественно русским населением.

Район был неблагополучный, хулиганистый, задиристый, но особо опасные преступления были редки; случались, правда, драки по пьянке – это да...

Иван Иванович не привык выбивать для себя какие-то блага, ему дали маленькую квартиру временно, пообещали дать другую, побольше, как только освободится квартира в большом доме напротив Главпочты на улице Шаумяна, в котором жили все работники УПВ и КГБ, но так и не дали. Педиатр Софья Семёновна Иванова обслуживала свой посёлок, пользовалась уважением, помнила всех детей своего района. Приходила домой усталая, но не жаловалась – работу свою любила.

Листая семейный альбом, мы видим подрастающую Вику и остановимся на странице первого сентября 1951 года. На фото – нарядная мама, папа в военной форме и счастливая первоклассница в белом фартучке, с огромным белым бантом в длинной чёрной косе и букетом цветов. Во дворе школы суетился фотограф местной газеты "Вышка". Они с директором школы расставляли детей, выбирая из толпы самых фотогеничных (так думали родители). На самом деле фотограф должен был отобразить на снимке интернациональный состав детвory, поэтому он сначала отобрал типичных азербайджанских мальчика и девочку, затем типично русского мальчика Ванечку – курносенького блондина с веснушками и любопытными широко раскрытыми глазами. Рядом поставил Вику и ещё нескольких ребятшек не столь ярко выраженного этноса – это был первый ряд, остальные стояли сзади. Потом фотограф скомандовал всем кричать "Ура-а-а" и защёлкал камерой.

Назавтра в газете "Вышка" на первой полосе красовались фотография и статья о первоклассниках под заголовком "За наше счастливое детство спасибо, родная страна!" Эту газету Софья Семёновна долгие годы хранила в семейном архиве...

Ванечка помахал кому-то в толпе родителей. Иван Иванович и Софья Семёновна посмотрели в ту сторону и увидели недалеко от них паренька, который в ответ потряс кулаком, мол, "держись, дружок". Молодой мужчина с копной чёрных кудрей был слишком молод для должности отца, да и Ванечка совсем не был на него похож.

Фотосессия закончилась. Директор и учителя начали расставлять детей парами. Ваня старался держаться рядом с девочкой, с которой фотографировался, и очень обрадовался, когда учительница, соединив их руки, поставила в формируемую стройную шеренгу.

Торжественно прозвучал первый звонок. Дети ушли в школу, народ начал

расходиться. В толпе родители Вики оказались вблизи чернявого паренька.

– Я заметил, что мой Ванюша стоял в паре в вашей девочкой. Приятно познакомиться: Моисей Борисович Заслевский.

– А я тёзка вашему Ванечке – Иван Иванович.

Софья Семёновна тоже представилась, а потом осторожно спросила:

– А Ванечка кем вам приходится?

– Это мой сын, – рассмеялся Моисей, – все удивляются. Я просто очень молодо выгляжу. Мне уже двадцать пять лет, двадцать шестой пошёл.

Софья Семеновна вспомнила, как она по вызову приходила к Ванечке весной:

– Его дедушка так заботливо за ним смотрел...

– Нет больше дедушки... Так мечтал водить его в школу... А сейчас вот...

– Я приду за Викой, так я могу взять Ванечку и довести до дому, нам по дороге.

– Спасибо большое. Здесь же недалеко, да и соседка ведёт нескольких детей с нашего двора в школу, обещала и за ним тоже по дороге присмотреть. Но вообще-то он вполне всё может сам – дед его приучил к самостоятельности. И до дома сам добежит, и еду возьмёт, и сам сядет уроки делать.

Родители распрощались, пожелав друг другу хороших отметок. По дороге Софья Семёновна высчитывала, сколько же лет было Моисею Заслевскому, когда у него родился сын. Как только школу кончил, что ли?

=====

Глава 2

Действительно, родители Вани поженились к концу войны, сразу после окончания школы. Как могла совершенно неинтересная, костлявая, не очень умная Светка Туркина за одну неделю окрутить одноклассника Моисея – умнейшего парня, лучшего ученика школы, никто точно не знает и уже не узнает. Но факт остаётся фактом, брак был зарегистрирован. Для мамы Моисея это был серьёзный удар, отдать единственного сына этой "шиксе" (девице)!

Жил Моша (так в классе сократили его имя, но это звучало не обидно – его в классе любили и уважали) около маленького, очень уютного скверика под неофициальным названием "Молоканский садик".

Когда-то на небольшой площади была молоканская слободка с базаром, туда молокане привозили на продажу свои продукты. По приказу тогдашнего градоначальника на месте грязного антисанитарного скопища был разбит сквер, который жители называли Молоканским. В 1929 году его переименовали в "Сад 9-го января", затем – имени Хашима Алиева, а после он стал садом Хагани – по имени средневекового поэта, но бакинцы всегда называли его старым именем. И власти, видимо, устали бороться. На современных картах Баку четко значится название "Molokan Bag".

Рядом с садом находился трёхэтажный старинный "доходный дом", на первом этаже которого когда-то располагался магазин игрушек, потом магазин радио- и телеаппаратуры. На втором этаже с одной стороны лестничной площадки в трёхкомнатной квартире жил художник Шмавон Григорьевич Мангасаров с женой-врачом, дочкой и двумя сынишками, а с другой – тоже в трёх комнатах – две сестры с сыновьями. Одну комнату занимал Моисей с мамой Мирой, две другие – мамина сестра Белла и её два сына – Мошины

двоюродные братья. Сёстры Мира и Белла очень дружили, никогда не разлучались, обе выучились на фармацевтов и даже работали в одной в аптеке. Привести жену домой Моисей не мог, поэтому пошёл жить к ней в одну комнату в посёлке Баилов.

=====

Глава 3

Если ехать из Баку на юг вдоль берега моря, – слева плещется Каспий, справа возвышаются холмы. Довольно быстро мы въедем в расположенный на небольшой береговой полосе посёлок Баилов, бывший самостоятельный, а позже слившийся с городом. Посёлок находится в уютной Сабаильской бухточке, которая и дала название посёлку.

[Дополнительная информация о поселке Баилов в приложении 1]

Баиловский старый двор. Двухэтажный дом в плане представляет собой букву П, упираясь «ногами» в склон холма. Во дворе – колонка – источник воды для всего дома и туалетная будка, ею пользовались одиннадцать семей, все жители первого этажа. На втором этаже условия более комфортные – два туалета, а количество семей такое же...

В одной комнате на первом этаже жила Света с папой Тимофеем, в другой – соседка тётя Люба с дочкой Валей. Обе комнаты выходили на общую застекленную галерею. В углу галереи под лестницей была маленькая каморка, служившая Тимофею – мастеру на все руки – складом и мастерской. *(Это имя подходило ему как нельзя более: Тимофей в переводе с греческого – "почитающий Бога", человек добрый, незлопамятный, неконфликтный, выполняющий обещания.)*

Когда Света привела мужа, Тимофей расчистил кладовочку, соорудил там большой ларь, куда переселились все его инструменты, положил на ларь ватный матрас и уверял, что ему очень удобно.

На фронт Моисея не взяли из-за плоскостопия и плохого зрения. Он поступил в университет. Подрабатывал, где мог, учился на дневном, переводился на вечернее отделение, потом обратно на дневное.

Ровно через девять месяцев родился сын. Ночью к ребёнку вставали отец и дедушка попеременно. Через три месяца Света устроилась работать на шинный завод.

Дедушка отлично справлялся с обязанностями няньки. Ванечка рос послушным и болел редко. Говорить Моисею с женой было абсолютно не о чем, а тестя он уважал за спокойствие, мудрость и, конечно же, за заботу и правильное воспитание Ванечки. У них, как ни странно, часто находились темы для разговоров. Бывало, Моисей с сыном сидели у бабушки в каморке и слушали рассказы о его ранении в Первую мировую, о его жизни в деревне, о неурожаях и голоде, о том, как они с молодой женой вслед за соседями-евреями рискнули уехать в Баку, тем и спаслись.

Ванечке еще не было и двух лет, как случилось событие местного дворового масштаба – соседка Валя призналась маме, что беременна. Люба схватила мужской ремень, неизвестно откуда взявшийся – видимо, припасённый для особого случая, – и начала хлестать дочку. Валя орала благим матом. Имя отца будущего ребёнка она не выдавала, держалась, как партизанка. Люба тоже орала – а что она орала, какими словами обзывала дочку, каждый может сам вообразить в меру своей осведомлённости в такого рода лексике. Весь двор сбежался на этот концерт. Света бросилась на защиту подруги. Тимофей положил Ванечку, которого держал на руках, на Светкину кровать и тоже

побежал разнимать – не допустить смертоубийства.

Когда удалось все же вырвать Валю из маминых горячих объятий, её спрятали у бабы Маруси – главной активистки двора. Любу кое-как утихомирили, запихали в её комнату и заперли на ключ.

Тимофей оглянулся и увидел Ванюшу на пороге, тянущего к нему ручки.

– Как ты сам слез с кровати? Не упал? Не разбился?

Ваня еще не разговаривал (мальчики часто начинают говорить поздно), но вопрос понял отлично, потопал в комнату и показал дедушке на кровать, мол, могу показать, как я слез. Тимофей положил его на середину кровати, поближе к стеночке. Ваня подполз к изголовью, перевернулся на живот и стал сползать ножками вперёд, держась за никелированную ножку кровати. Соскользнул на пол, победно посмотрел на деда и сказал: "Так спол", что означало "Так сполз".

За дверью Любиной комнаты крики утихли, и тогда дворовое общество послало к ней бабу Марусю на переговоры. Через дверь Люба дала слово, что буянить не будет. Баба Маруся осторожно вошла и, присев к ней на кровать, начала гладить её и успокаивать, мол, всё не так страшно, это раньше был позор, сейчас на это смотрят иначе. Аборты запрещены, да и рискованно, можно и дочку потерять, всё равно уже все соседи знают. Всё перемелется. Долго говорила, уговаривала.

– Может, поспишь, а там, глядишь, и полегчает?

– Сердце чего-то ноет, да левая лопатка болит.

– Врача бы вызвать.

– Да что ты, баба Маруся, как я причину расскажу, про позор-то мой? Не надо никого вызывать, обойдётся.

А вот и не обошлось...

Валя ночевать домой не пошла, побоялась, на одну ночь попросилась к бабе Марусе. А утром она с подругой и дядей Тимофеем для поддержки вошли к Любе. Поздно, Люба уже была холодная.

Через полгода с хвостиком Валя родила девочку, хотела в честь матери назвать Любочкой, Любовью, но во дворе почему-то, отсоветовали, и девочку назвали Людмилой.

=====

Глава 4

Когда Ванечке исполнилось три года, дедушка его в детский садик не отдал.

– Как я буду цельный день без него? Самое трудное время пережили, а сейчас быть с ним – самая и радость. Неужто за ним там лучше присмотрят, чем я?

Моисей с красным дипломом закончил физико-математический факультет университета – тот самый, где двадцатью годами раньше учился Лев Давидович Ландау. Дальше светила аспирантура. Тимофей гордился зятем и расхваливал Ванечке ум отца, знания, начитанность и другие таланты.

Надо было усиленно заниматься. Моисей уходил домой к маме и занимался, не поднимая головы, часто оставаясь там на ночь. Поступил в аспирантуру. Первой обрадовал маму. И следующими, с кем он поделился радостью, были Тимофей и сын Ванечка, который необычайно гордился отцом. Светке было всё равно.

Вечерами, окончив домашние дела, Света с соседкой Валею садились поболтать, погрустить о своей несчастной женской доле и при этом выпить рюмочку. Иногда удавалось раздобыть на работе немного спирта, чаще пили

дешевую «бормотуху», грамм по двести-триста, но ведь каждый день...

Ванюша в свои пять лет уже читал, писал и считал, был крепким, смелым пацаном. Моисей с дедушкой Тимофеем решили, что можно отправить его в школу в шесть лет. Окружение во дворе было не слишком интеллигентным, прямо сказать, довольно хулиганистым, но к нему ничто плохое не прилипало – и свой иммунитет сильный, и прививки верные.

– На улице ты слышишь много разных слов, не все они хорошие. Есть плохие слова, ругательные, грязные, которые ты никогда не должен повторять.

– А как я узнаю, какие слова не надо повторять?

– Ты слышал когда-нибудь плохие слова от бабушки? А от меня? Можешь употреблять только те слова, которые ты слышишь от нас.

– Вчера мне Эльдарчик сказал что-то по-азербайджански, а я не понял, что это значит.

– Ладно, скажи.

– *Гяль бура*.

– Это значит "иди сюда". Он просто позвал тебя.

– Я уже много слов по-азербайджански знаю.

– Ну и хорошо. Чем больше языков человек знает, тем интереснее у него будет жизнь.

Перед сном Тимофеем купал Ванечку в большом тазу, укладывал спать и уходил в свою каморку. Каждую пятницу по утрам они шли в баню, днём Ванечка повторял выученные за прошедшую неделю стихи, а вечером Тимофеем "сдавал" его отцу чистенького, отутюженного, и они шли к бабушке Мире, тёте Белле, её детям и внукам. Там Ванюша оказывался в совершенно другой обстановке. Он и его троюродные братья по очереди взбирались на табурет и читали стихи, потом они играли в разные развивающие игры. Потом Ванечка помогал расставлять приборы к обеду, знал, где положено быть вилке, где ножу и как ими пользоваться. А потом был вкуснейший обед из блюд с замысловатыми названиями.

Иногда Моисей брал всех ребятшек, и они шли на бульвар или в Молоканский садик, что был под их окнами. Жизнь была прекрасна.

Бабушка Мира обожала Ванечку, *"Майне тайере ингеле "* (мой дорогой мальчик). Она не могла дождаться конца недели, чтобы увидеть внука. Бабушка Мира говорила с сестрой и детьми на идише – языке своего детства, так ей было привычнее, а дети и внуки говорили между собой и отвечали бабушке по-русски. По их ответам смыслённый Ванечка догадывался, каков был вопрос. Неделя за неделей, и он стал понимать некоторые слова и общий смысл, о чем идёт речь.

Как-то бабушка позвала:

– *"Кум цу мир, майне тайере ингеле"* (Подойди ко мне, мой дорогой мальчик)

– Иду, бабуля, – ответил Ванечка.

– Ты понял, что сказала бабушка?

– Да, она сказала *"Гяль бура"*.

Этот пассаж почему-то всех очень развеселил, все долго смеялись.

=====

Глава 5

20 апреля 1951 года, вечером (14 Нисана 5711 по еврейскому календарю) наступил Великий праздник Исхода – Пасха. У бабушки Миры в этот день было необычайно строго и торжественно. И еда была совсем другая, и поведение детей совсем не шаловливое, как обычно. Всем раздали по кусочку

странного и совершенно безвкусного сухарика, который назывался "маца". Ванечка спрятал кусочек мацы в карман.

По дороге Моисей рассказал сыну легендарную историю и значение этого праздника. Привёл Ванечку домой, передал Тимофею и пошёл к приятелю на минутку поздравить с успешной защитой кандидатской диссертации. Засиделся за полночь и оттуда его уже непустили.

Вечером Ваня пересказывал деду эту историю, и оказалось, что дед её знает.

– Почему же ты мне не рассказывал?

Дед только качал головой и горестно вздыхал, видимо, предвидя все проблемы у его доброго и открытого Ванечки в будущем. Перед сном Тимофеем поставил в углу галереи большой таз, приготовил ведро тёплой воды, чтобы, как обычно, искупать Ванечку.

Соседка Валя, уже уложив свою дочку, стояла наготове с початой бутылкой и двумя гранёными стаканами, поджидала Свету. Дед раздевал Ванечку и надо же, чтобы Светка вышла из комнаты в галерею как раз в тот момент, когда из Ваниных брюк выпал злополучный кусок мацы. А Ваня всплеснул руками и совершенно неосознанно воскликнул с интонацией бабушки Миры: "Ой! Беу!"

Что тут началось! Светка кричала в голос.

Скандалы во дворе, конечно, случались, по мелочам переругивались, но не так громко. Соседи высыпали во двор, но зайти не решались. Если три года назад на вопли покойной Любы соседи забежали в их галерею, так это был бытовой скандал. А сейчас Света кричала такие слова, которые могли вызвать политическую дискуссию с национальным оттенком. Две соседки-еврейки, наблюдавшие за перепалкой со второго этажа, были втянуты мужьями назад в комнаты, и плотно закрыли окна. Соседка-осетинка, известная тем, что всегда говорила людям в лицо, что о них думала, в этот раз ничего не сказала, но смачно плюнула в сторону Светки и ушла. Остальные соседи тоже молча разошлись.

Тимофеем кричал дочке, чтобы та закрыла свой поганный рот. Ванюша забился в угол, он никогда не слышал дедушкиного крика. Тимофеем попытался закрыть Светке рот рукой, та его оттолкнула, он чуть не упал, еле удержался на ногах. Этого Ваня не выдержал, он зарыдал, потом его плач перешёл в истерику, которую бросившийся к нему Тимофеем долго не мог остановить.

Тимофеем уложил Ванечку в своей каморке. Ему казалось, что ребенок пылает в жару, а может, это руки у него были холодные?..

А Валя увела Свету в свою комнату и "успокоила" подружку рюмашками так, что та с трудом держалась на ногах. Однако, опьянение не мешало распалать в себе злость:

– Щас поеду к ней и устрою ей весёлую жизнь, чтоб не смела учить моего Ванечку разным еврейским штучкам.

– Так поздно, ночь уж.

– Только десять, до одиннадцати обернусь.

– Иди хоть переоденься, – указала подруга на её грязный домашний халат.

– И так сойдёт.

И Светка тихо прошмыгнула мимо отцовской каморки и выскочила со двора.

Троллейбусная остановка была недалеко от дома, троллейбус почти сразу подошёл.

– Гражданка, а за проезд платить надо.

– Деньги дома забыла, – огрызнулась гражданка.

Кондуктор подошла к водителю посоветоваться – надо бы выставить безбилетницу из салона, но она пьяна, начнёт буянить, одной не справиться.

Водителю не хотелось выволакивать пьяную бабу из троллейбуса.

– Тебе докуда ехать?

Света назвала остановку.

– Ладно, повезём в долг, завтра не забудь отдать, – усмехнулся водитель, понимая, что эта пьянчужка завтра ничего абсолютно не вспомнит.

И вот Света добралась до нужного подъезда, с трудом – её сильно развезло от лишних порций – одолела длинную лестницу и начала колотить в дверь.

– Кто там?

Что орала пьяная Светка я описывать не буду...

Дверь соседей чуть приоткрылась, удерживаемая цепочкой. Жена художника Вера Мангасарова строго сказала:

– Если Вы немедленно не покинете наш подъезд, я вызову милицию.

Услышав неприятное слово "милиция", Светка, матюгнувшись напоследок, начала сползать по лестнице, держась за перила двумя руками. Еле-еле добралась до остановки, влезла в троллейбус. Это был тот же самый, который привёз её сюда, сделал круг и теперь ехал обратно на Баилов. Ни кондуктор, ни водитель не сказали ни слова – говорить было просто не с кем. Светка заснула, но на нужной остановке её всё же высадили, потому что запомнили, где она вошла.

Шатаясь, она добралась до своей двери.

Тимофей увидел ее, но решил, что она выходила в туалет во двор. Он спросил:

– Где укус, надо разбавить и обтереть Ванюшу, у него температура, он весь горит.

Светка махнула рукой в сторону кухонного шкафчика, мол, возьми сам – говорить она не могла – и ушла в свою комнату.

=====

Глава 6

Всю ночь дед сидел с внуком, обтирал, переодевал. Ванечка спал, всхлипывая во сне. Каждый его всхлип отзывался у Тимофея болью в сердце и почему-то ныло в животе. Ваня ворочался во сне, Тимофей боялся класть стеклянный термометр малышу подмышку.

Утром он побежал к безотказной бабе Марусе, попросил пойти в поликлинику и вызвать врача на дом.

– Светка уже на работу ушла?

Тимофей коротко кивнул. Как бы ни прошел вечер, как бы поздно ни легли спать, Света с Валей вставали в пять утра и через полчаса уже уходили на работу.

– За что мне такое горе?! И в кого она такая уродилась? Ты же помнишь, Маруся, мою Лизавету – золотой характер, никто никогда громкого слова от неё не слышал. А эта никого не любит, злостью вся наполнена...Откуда? Почему? Мальчонку жалко. Что будет, когда я помру?

Баба Маруся, как могла, успокаивала Тимофея. Потом собралась и побежала в поликлинику. Тимофей прибрал немного в комнате, застелил Ванечкину кроватку чистым бельём, перенёс его из своей каморки, пропахшей укусом, и стал ждать врача.

Температура на ощупь была заметно ниже. К счастью, ждать доктора Софью

Семёновну пришлось недолго.

– Здравствуйте. Что у вас случилось? Я посмотрела вашу карточку. Мальчик у вас здоровенький. Я вас помню, вы с ним на прививки аккуратно приходите.

Софья Семёновна погрела рукой фонендоскоп прежде, чем приложить его к тёплой спинке ребёнка. Внимательно прослушала, посмотрела горлышко, проверила лимфатические узлы, прощупала животик.

– Вы знаете, я ничего не нахожу. И в лёгких, и в бронхах чисто. Горлышко, правда, чуть-чуть раздражённое, но это не может дать такую высокую температуру, какая, вы говорите, была ночью. Что случилось с ним вчера?

– Да мать его тут скандал затеяла, а он понервничал, – опустил голову Тимофей.

– Понятно... Значит, так, сегодня и завтра кушать не заставляйте. Не хочет – это не беда. Яблочко и стакан мацони будет достаточно. Потом наверстает. Для успокоения купите в аптеке корень валерьянки, сами заваривайте, как там написано, но раза в три-четыре пожиже и пусть попьёт с мёдом. Думаю, этого даже не понадобится. Лучше гуляйте в парке как можно дольше, беседуйте с ним, разглядывайте муравьёв, божьих коровок, смотрите, как почки распускаются. Вызывайте его на разговор, задавайте вопросы, чтобы он не молчал, не замыкался в себе. А родители где?

– На работе.

– Вы извините, но мне не нравится ваш цвет лица. У вас же раньше не было лицо такое красное. Давайте я вам измерю давление.

Всё время осмотра Ванечка то открывал глазки, то снова, как в дрёме, закрывал, а тут его заинтересовало, что это доктор делает с его дедушкой. Он широко открыл глаза и даже сел на кровати. Это обрадовало Тимофея, и он безропотно подставил руку.

– Как я и думала, давление повышено. Подойдите к терапевту, пусть ваше сердечко проверит и лекарство назначит.

– Да куда я с дитём пойду?

– Ничего страшного, он уже большой. – И, обращаясь к мальчику, сказала: – Ты должен привести дедушку к доктору. Вот как сам поправишься, возьми его за руку и поведи в поликлинику. Ему обязательно нужно. Понял?

Ваня серьёзно кивнул.

– Вот и молодец.

=====

Глава 7

Да, тяжело отозвался на здоровье Тимофея скандал, учинённый дочерью!

У него сильно повысилось давление, болела голова, но он держался из последних сил. Вернее, его держала забота о Ванечке. Действительно, "мальчонку жалко, что будет, когда я помру?"

Ванечка вытащил его в поликлинику. Дед получил рецепт, заказал лекарство, но пил нерегулярно – то ли не верил в его действенность, то ли забывал...

У бабушки Миры тоже дрогнуло сердце от этого жуткого скандала. После ухода Светы соседка доктор Вера Мангасарова зашла к Мире, померила ей давление, сделала укол и в обязательном порядке велела завтра же лечь на обследование. Мира все советы проигнорировала – сама фармацевт – всё пройдёт. Но давление зашкаливало, несмотря на лекарства, и через день сестра всё-таки уложила Миру в больницу. Всей семье строго-настрого было запрещено рассказывать Моисею о скандале. Он каждый день после работы

навещал маму и по некоторым случайно оброненным фразам понял, что от него что-то скрывают. Взрослые члены семьи держались стойко – раз тётя Мира велела. А самый младший любимый племянник не удержался и через несколько дней выдал Моисею семейную тайну:

– Приходила мама Ванечки, ругалась на бабушку Миру и ещё ругалась на мацу, которую ел Ванечка. Ещё эта тётка кричала, что больше не пустит к нам Ванечку, вот бабушка и боится, что Ванечку не увидит. А наша соседка тетя Вера её прогнала, вот. Потом пришла и сделала бабе укол. Только ты меня не выдавай.

Моисей помчался домой и молча, кипя от злости, стал складывать свои вещи. Светка, ещё трезвая, стояла у косяка двери, сложив руки на груди.

– Ты чо? – наконец спросила она.

– Ничего! Из-за тебя моя мама попала в больницу. Какое право ты имела придти к нам домой и устроить скандал?

Тимофей понял, что Светка устроила скандал свекрови – Когда это она успела? – но сейчас он думал только об одном – хорошо, что Ванечка во дворе играет с пацанами, хоть бы ещё немного поиграл и не заходил домой, нового скандала они с внуком не перенесут. А Светка смутно припоминала, что ехала куда-то на троллейбусе, и больше ничего не помнила – в голове было пусто.

– Какая же ты дрянь поганая! Ничего у тебя нет – ни сердца, ни души, ни жалости, ни совести.

Она вышла в коридор и демонстративно села спиной к двери.

Тимофей увидел, что Моисей перебирает детские вещи, и кровь отлила от лица.

– Ты... ты заберёшь Ванюшу?

– Нет, Тимофей Васильевич. Поеду с ним к маме в больницу, она очень хочет его видеть. Переночуем у себя, а завтра утром привезу его вам. Просто не представляю, что бы я без вас делал. Вы для него самый близкий человек. Мы со Светой давно чужие люди. Я уйду совсем, но о Ванечке мы с вами будем заботиться вместе.

Всё застыло в каком-то неустойчивом равновесии, в ожидании чего-то. Ванечка, конечно, ничего не знал, но настроение чувствовал тонко. Походы к бабушке были какие-то напряженные. На идише при Ване не говорили. Бабушка болела, почти всё время сидела в кресле, все за ней ухаживали, старались её отвлечь от грустных мыслей.

Тимофей страдал и за Ванюшу, и за дочь, видя как она спивается, какое у неё злое сердце.

Надо объяснить, что бабушка Мира и дедушка Тимофей никогда не встречались. Свадьбы у их детей, на которой могло бы произойти знакомство, не было. Хотя Моисей часто приглашал Тимофея Васильевича в гости к маме, но тот отказывался, полагая, что его присутствие в интеллигентном доме зятя будет не к месту. Заочно они относились друг к другу очень тепло. Была какая-то неясная, эфемерная связь этих таких разных людей, замешанная на любви к внуку, на рассказах Ванечки о любимой бабушке и дорогом дедушке. И сколько у них было общего – доброта, отзывчивость, деликатность! Они оба проявляли трогательные знаки внимания друг к другу. Например, Мира иногда передавала с внуком какие-то вкусности для деда, а тот покупал у рыбаков свежую рыбку, сразу засаливал (холодильника же не было) и передавал бабушке. Ванечка с большим удовольствием, очень гордо носил эти передачи от одного к другому.

И даже беда пришла по одной и той же причине – Светкин скандал. И ушли они почти одновременно, в начале лета, с недельным интервалом. И диагноз одинаковый – перенесённый на ногах инфаркт...

=====

Глава 8

Психологи, разбирая личность человека, рекомендуют заглянуть в его детские годы, считая, что все проблемы оттуда. Какие отношения были у родителей? Видел ли он агрессию у родных людей? Кто был для него авторитетом? Принуждали ли его к чему-то? Приходилось ли ему врать, спасаясь от наказания, и так далее, и так далее? И что после этого анализа можно сказать о человеке?

Пойдёт ли он с автоматом убивать невинных детей в школе? Или подберёт бездомного котёнка с поломанной лапкой? Заранее специалисты ничего сказать не могут. Только потом, много лет спустя они вам объяснят что угодно, подведут научную базу под любой поступок.

Что эти высоколбые психологи скажут о детстве Ванечки? Пьяница мать, отец – кандидат наук, босоногая ребятня в друзьях и обед со столовыми приборами и накрахмаленными салфетками, *"вода и камень, лёд и пламень не столь различны меж собой..."* Такое раздвоение кого угодно может выбить из колеи, а тут шестилетний малыш. И в довершение всего подряд две смерти самых дорогих людей. Можно себе представить, как переживал Моисей и собственное горе, и за Ванечку, который молча смотрел на всех печальными глазами с застывшими слезами, как будто спрашивал: "Что же это происходит в вашем взрослом мире?"

Моисея тревожило молчание сына. Как проникнуть в его мысли? Как узнать, о чём он думает? Психологи считают, что человек не должен остаться в одиночестве, с ним надо говорить и надо дать человеку выговориться. Они укладывают человека на диван, чтобы он максимально расслабился и смог рассказать о всех своих проблемах. Человеку должно полежать, даже если ситуация тупиковая.

Никакой теории Моисей не знал, но интуитивно понимал, что замалчивать тему смерти не надо. Обратил внимание сына на смену времён года. После лета – расцвета всех растений, всего живого и созревания плодов наступает осень – это старость, а потом листочки умирают, опадают с деревьев. Но дерево живёт и весной оживает вновь.

– А как это? Дерево оживает, листочки вырастают, а дедушка и бабушка не оживают?

И тогда Моисей, абсолютно непробиваемый атеист и материалист, рассказал ребёнку о реинкарнации.

Реинкарнация – переселение душ, перевоплощение – религиозно-философское представление, согласно которому бессмертная сущность (душа) живого существа (в некоторых вариациях – только людей) снова и снова перевоплощается из одного тела в другое. Индуизм и буддизм считают, что после смерти тела душа переселяется в другие тела, в зависимости от её деяний в предыдущих воплощениях, и при этом претерпевает определённую эволюцию.

Идея переселения душ принималась древнегреческими философами – Пифагором, Сократом, Платоном. Вера в реинкарнацию присуща и некоторым современным языческим традициям, последователям спиритизма, не-

которым африканским традициям, приверженцам таких эзотерических философий, как гностицизм и эзотерическое христианство, и даже в отрыве от какой-то религиозной системы, например, в личном мировоззрении.

Как физик, Моисей подвёл научную базу:

– Понимаешь, энергия не исчезает, а из одной формы превращается в другую. Так и душа, то есть душевная энергия, не исчезает и через некоторое время попадёт в другое, новое тело.

И хоть Ванечка не всё понимал из папиных объяснений, но слушал внимательно и, конечно, верил без тени сомнения во всё, о чем говорил его всезнающий папа.

– А что такое душа?

– Вот смотри, у человека внутри есть сердце, оно, как насос, качает кровь по всему телу. У человека есть глаза, нос, желудок, который переваривает пищу... Всё понятно, зачем эти органы. А душу не видно, но это не значит, что её нет. Вот мы радиоволны тоже не видим и не чувствуем, а радиоприёмник ловит их и превращает в звук. Помнишь, как мы с тобой спасли маленького воробышка от кошки? Как ты тогда радовался?

– Да, помню, – у Ванечки даже лицо посветлело.

– А где эта твоя радость сидела? В животе? Может, в ухе? Так же и доброта, и печаль, и другие чувства где-то находятся. Вот они все живут в душе, хотя её нельзя увидеть, потрогать, пощупать, услышать, но она главное в человеке. У дедушки Тимофея была очень добрая душа. И бабушка Мира была такая заботливая...

– А как я узнаю, что их души уже попали в новое тело? – теребил Ванечка папу. Он хотел знать всё и сразу.

– Это, конечно, не просто, но можно попробовать определить.

Моисей увлёкся объяснением этой весьма соблазнительной теории так, что самому захотелось поверить.

– Ну вот родится, например, у Сёмы и Фиры (двоюродный брат Моисея) скоро ребёнок. Предположим, мальчик. Мы ещё ничего о нем не знаем и не видим в нём ничего похожего на дедушку Тимофея. Надо подождать хотя бы шесть, семь или восемь лет, чтобы увидеть, похож ли его характер на характер дедушки. Будет ли он тихий, спокойный, справедливый, как дед, и очень мастеровитый – ведь руки у деда были золотые, всё мог построить, починить – тогда можно будет думать, что это дедушкина душа. А ещё, самое главное, он будет тебя очень любить, а ты – его.

– А про бабушку расскажи.

– Она тоже была добрая и мудрая, была очень преданная близким людям. Ты же знаешь, что мой папа погиб на войне, и бабушка стала вдовой. Так называются женщины, у которых умерли или погибли мужья. Прошло уже много лет, и многие вдовы вышли замуж за новых мужей, а она не соглашалась, хоть были разные люди, которые хотели на ней жениться. Я ей говорил: "Мама, я не против, поступай, как тебе лучше". Но она не хотела. Была очень верна покойному мужу, сестре, семье, обычаям, традициям. И тебя она очень любила. Вот пройдёт несколько лет, и мы будем наблюдать за детишками, приглядываться... Может, и узнаем кого-то...

Ванечка глубоко задумался, переваривая полученную информацию. Моисей почувствовал, что сыну стало чуть легче, и похвалил себя за этот разговор.

Через несколько дней Ваня вернулся к этой удивительной теме.

- Папа, а может быть, я – твой папа?
- Это ты о чём? – не сразу сообразил Моисей.

Он был в отпуске, оформлял Ванечку в детский сад на летние месяцы, оставшиеся до школы, обдумывал совет сотрудника поехать с сыном хотя бы на две недели в посёлок Мардакяны на побережье.

- Расскажи мне о твоём папе, который погиб на фронте.

– А-а, – Моисей понял, что тема реинкарнации ещё ворочается в детской головке. – Мой папа был честный, справедливый, храбрый. И добрый. Он очень любил мою маму. А погиб он как герой.

Потом он постарался отвлечь сына, надеясь к теме реинкарнации не возвращаться. Да, сотрудник прав, поездка на дачу и отвлечёт Ванюшу от горьких размышлений, и для здоровья полезно – солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья...

Глава 9

Моисей поехал с сыном в посёлок Мардакяны недалеко от Баку. Каждый день они купались в море, бродили по берегу, собирали ракушки, ходили в центр посёлка на базар.

Моисей узнал, что в посёлке есть очень древняя крепость с четырёхугольной башней постройки 1187 года. Еле нашли. Крепость совсем маленькая, расположена между жилыми домами, узкими улочками. Указателей нет. Но местные жители с гордостью показывали им дорогу.

Видели они и крепость с круглой башней 1232 года – более высокую и заметную. Моисей рассказал сыну о том, как в те стародавние времена на круглой башне день и ночь дежурили смотрящие и, если замечали приближение врагов (обычно, с моря), зажигали нефтяной факел, и все жители посёлка бежали прятаться в крепость. Совсем как воздушная тревога во время войны...

Кроме старинных башен они видели и другие достопримечательности.

В 1890 г. бывший нефтепромышленник, изобретатель, миллионер Муртуза Мухтаров построил себе в Мардакянах двухэтажную виллу – белокаменный дворец в мавританском стиле с огромным парком экзотических растений.

[Дополнительная информация о даче М.Мухтарова в приложении 2]

Моисей с Ванечкой часто гуляли в этом красивейшем парке, окружавшем виллу, любовались пальмами, соснами, кипарисами, старинными колодцами. В этом уникальном уголке в 1925 году на вилле жил Сергей Есенин. Здесь ему хорошо работалось, и за короткое время им были написаны стихи знаменитого цикла "Персидские мотивы". Это был его последний приезд в любимый им Баку. Моисей читал Ванечке стихи:

*Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильнее простое слово: друг.
Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.
Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.*

Обратите внимание – это был 1951 год – широкая публика не была знакома с поэтами декадентами, имажинистами, футуристами и др. Их не упоминали, не печатали, их как бы не было. Вера Мангасарова дружила с соседкой Беллой, тётей Моисея, они делились переписанными в тетрадки довоенными стихами времён своей молодости. А для конспирации в этих тетрадках авторство было приписано то А.М. Жемчужникову, Г.Р.Державину, К.Н.Батюшкову или Е.А.Баратынскому – поди проверь. Эти стихи часто звучали дома у тёти Беллы. Все дети любили, тонко чувствовали высокую поэзию.

Через двенадцать лет, в период оттепели, когда некоторых из забытых поэтов снова вспомнили и начали осторожно печатать, старшая дочка Мангасаровых, Таня, которая училась со мной в одном классе и с которой мы дружили, принесла и разрешила переписать многие стихи из заветной маминной тетрадки с расшифрованными именами авторов. Столько замечательных стихов А.Ахматовой, О.Мандельштама, С.Есенина, В.Брюсова, К.Бальмонта... А некоторые имена я тогда узнала впервые: З. Гиппиус, Д.Мережковский, Н. Гумилёв, А. Белый и др. Я часто бывала у Танечки Мангасаровой дома, но с соседями её тогда не была знакома...

Центральная улица Мардакян теперь носит имя знаменитого русского поэта Сергея Есенина. На вилле – музей, а на воротах – мемориальная табличка...

Времена меняются...

=====

Глава 10

Наконец, наступил важный день ответственности и взросления – Первое Сентября. Помните, да?

"В первый погожий сентябрьский денек

Робко входил я под светлые своды..."

Ваня был в восторге от первого школьного дня, он первый раз в жизни держал за руку девочку, да ещё такую красивую. У них во дворе девочки играли в "классики" или прыгали через верёвочку, а мальчики – в "альчики", игры с мячом или в войну. То есть они особенно не общались, играли рядом в одном дворе, но не вместе. А тут он был с такой милой девочкой всё время. Все четыре урока сидел с ней рядом, за одной партой, она улыбалась и даже угостила его конфетой.

После школы за Викой пришла мама. Вика подбежала к маме и стала щебетать: какая хорошая учительница, и вопросы были совсем несложные, и что в классе только пятнадцать учеников знают буквы и только пять могут читать, в том числе и она. Ваня молча стоял рядом.

– Я помню тебя, Ванечка, ты молодец, редко болеешь, меня к тебе нечасто вызывали. С кем ты пойдёшь домой?

– Папа пошел на работу, а я сам дойду, я всегда сам здесь бегаю, – Ваня первый раз за весь день открыл рот и опять замолчал.

– Ну пошли, пока нам по дороге.

Ваня молча пошёл рядом, слушая щебетанье Вики.

Проницательный читатель понял, что стрела Амура пронзила Ванино маленькое сердечко и осталась там навсегда. Он проводил Ивановых до подъезда и, ошалевший от радости, побежал домой.

Оказалось, что в классе не только пять человек умеют читать, а молчаливый Ваня тоже, – значит, всего шесть. Ваня постепенно освоился, освободился от своей стеснительности и, наоборот, уже не мог сидеть спокойно, вертелся, всем подсказывал, тянул руку, сразу отвечал на вопросы. Только Вика могла успокоить Ваню, слегка коснувшись его локтя.

С тех пор каждый день он утром встречал Вику с мамой около её дома и молча шёл с ними рядом. После школы обычно Вика шла с соседкой, которая вела, кроме своей дочки, ещё нескольких ребятишек – Ванечка шёл с ними, доводил подружку до дома и потом бежал к себе. Изредка, в те дни, когда Софья Семёновна была не очень занята на работе, она сама встречала дочку.

Как-то в дождливый, ветреный день Ваня, по обыкновению, проводил Вику и Софью Семёновну и рванул было к своему дому, но они его остановили:

– Идем, Ванечка, к нам, познакомишься с папой Вики, пообедаешь с нами, – пригласила Софья Семёновна.

Ванечка поблагодарил, тщательно потоптался на коврик у двери, потом всё-таки снял сандалии.

– Вика, проводи Ваню в комнату, познакомь его с папой, а я на кухню.

– Папа, это Ваня – мой друг. Мы сидим за одной партой.

– Ну здравствуй, тёзка. Я – Иван Иванович. А ты, я знаю, Иван Моисеевич.

В круглых глазах застыл вопрос "Откуда вы знаете?"

– Мы познакомились с твоим папой первого сентября, когда он тебя привёл в школу. А где твоя мама?

– Мама на работе. Она работает на шинном заводе.

Ваня стоял по стойке смирно – так дедушка Тимофей учил: когда разговариваешь со взрослым, надо стоять ровно и отвечать чётко.

– Всем мыть руки и марш на кухню, – позвала Софья Семёновна.

Взрослые обратили внимание, как Ванечка умело пользовался ножом и вилкой, как красиво и аккуратно ел. Когда всё было съедено, Вика кусочком хлеба вытерла тарелку, а Ваня завистливо смотрел на неё. Ему тоже хотелось, но дедушка Тимофей говорил, что это можно делать только дома, а не в гостях.

Да...много полезных уроков усвоил Ваня за свою короткую жизнь – и от дедушки, и от бабушки.

После еды Софья Семёновна ушла на работу, дети быстро сделали уроки, и началось самое интересное – Иван Иванович стал учить их играть в шахматы.

Вечером Ваня бежал домой совершенно счастливый. Этот первый день в квартире Вики остался с ним на всю жизнь.

Мудрая Софья Семёновна заметила отношение мальчика к её Вике. Если о любви было говорить рано, то преданность и верность были налицо. Впереди – десять лет дружбы, дети растут быстро... А "любви все возрасты покорны", даже такие юные... И по заведённому порядку Ваню приглашали только, когда

в доме были или Иван Иванович, или Софья Семёновна, а без приглашения хорошо воспитанный Ваня никогда не приходил.

=====

Глава 11

Счастливые годы, как известно, пролетают быстрее плохих лет. Они легче и летят быстро-быстро, а проблемные времена – тяжёлые – тянутся медленно, со скрипом (слёзы – плохая смазка).

Время... Вообще, у Вани было своё, не совсем обычное понимание, что такое время?.

Маленькие дети, вырастая, воспринимают время как данность – "время спать", "поторопись, мы опаздываем". Потом они учатся понимать расположение стрелок на часах и вопрос "что такое время?" никогда не задают. Есть люди, которые постоянно опаздывают, есть люди, которые чётко чувствуют течение времени, никогда не опаздывают и даже просыпаются точно в назначенное самому себе время. Ваня был из их числа. Но в этом нет ничего необычного – этим свойством обладают многие.

Как-то его торопил дед:

– Скорее пошли, время уходит.

– А куда оно уходит?

– Ах ты Боже мой, какие странные вопросы ты задаёшь. Уходит время и всё. Тает оно и исчезает. Вот папа придёт с работы, его и спросишь.

В детстве, когда Моисей объяснял сыну понятие времени, часы, минуты, стрелки, циферблат, он заметил, как тот внимательно слушает. Вообще Ванечка всегда очень внимательно слушал папу, но в этот раз его интерес показался Моисею немного необычным. Тогда Ваня сказал фразу, которую Моисей даже записал: "Время спряталось в часы и тихонько там тикает". Эта фраза была бы красивым литературным оборотом, если бы не была сказана шестилетним пацаном. Через некоторое время он нашёл в ларе среди дедушкиных инструментов старые песочные часы.

*Эти песочные часы
и удивительная
ракушка, привезенная
с Мардакянского
пляжа, были самыми
ценными его
сокровищами.*

Как замороженный смотрел он на "течение времени" и сказал отцу, что "песчинки – это кусочки времени". Интерес к проблеме времени в сердце, душе и голове Вани не остыл, а только затаился...

Моисей, с того давнего скандала, жил у себя дома, развод не оформлял. Деньги Светке не давал, а покупал Ване одежду и раз в неделю приносил запас картошки, лука, капусты, моркови (Света иногда готовила борщ – дня на 4), хлеба, сахара, колбасы и сыра. Ванечка после смерти деда стал спать в его каморке. Света ему не досаждала. Трезвомыслящая подруга, соседка и

собутельница Валя (редкое сочетание: *трезвомыслящая собутельница*) объяснила, что очень выгодно сохранять всё, как есть. Ванечка хорошо учится, в школе нет проблем, Моисей его одевает-обувает, да и жратва хоть какая в доме есть. Поэтому Света при Ване бывшего мужа не ругала, только с Валею и отводила душу. Вся её забота о сыне сводилась к стирке его белья. Да и то это было благодаря заботливой бабе Марусе, которая после смерти Тимофея громко сказала на весь двор так, чтобы Светка слышала:

– Бедный Ванечка, как он теперь без Тимофея жить-то будет? Раньше всегда чистенько был одет, а теперь что? Смотреть стыдно.

Вот Света и вывешивала теперь во дворе каждую неделю выстиранные рубашки, маечки, трусики сына и зыркала злыми глазами в сторону бабы Маруси.

=====

Глава 12

В зимние каникулы Вика с Ваней бегали по клубам на ёлки. Пригласительные билеты от заводского профсоюза приносила Света, Моисей – от Академии Наук. Софья Семёновна приносила билеты в клуб медработников и ещё в разные другие клубы – билетами её "угощали" бездетные медсёстры или благодарные пациенты. Но билеты, которые приносил Иван Иванович, считались самыми ценными. В клубе КГБ им Ф.Э. Дзержинского были самые весёлые представления – массовки, игры, танцы парами, конкурсы, викторины, на которых можно было что-то выиграть (что Ваня успешно делал), а затем в большом зале показывали интересный спектакль с настоящими артистами, а потом давали подарки – тоже самые лучшие. В пакете, кроме хороших конфет, была всегда ещё мандаринка. В подарках, которые выдавали в других клубах, попадались побелевшие от старости конфеты, а мандаринов не было никогда.

В школьные годы Вика с Ваней были неразлучны...

– А вас не дразнили? – спросила я Вику, вспомнив стихотворение: *Нас мальчишки называли "женихами" / Пели хитрые мальчишки злую песню. / Говорилось в ней о тесте и невесте. / Мы шагали через двор, двора не видя...*

– Да что вы, ерунда какая. Было пару раз, Ваня хотел броситься в драку... Как там дальше у Рождественского: *Но потом мы «исполнителей» ловили! / Заводили их в подъезд / и терпеливо / совершали суд / святой и справедливый...* Я его остановила и говорю:

– Покричат, покричат, надоест и перестанут. Но Ваня не успокоился, позвал самого задиру: «Подойди поближе, обещаю – бить не буду» – и говорит: «А тебе завидно, что у тебя нет такой красивой невесты? А?»

Тот долго чесал затылок, не знал, как бы поумнее ответить, но ничего не придумал и после этого еще пару раз подразнил и перестал.

В 1958 году в посёлок был перенесен Бакинский зоопарк. Детей водили туда целыми классами. Вике с Ваней, в отличие от других детей не понравилось, им было грустно смотреть на зверей в клетке. "Жалко зверушек". Одноклассник Толик тогда удивился: "Вы даже одинаково чувствуете..."

«Каждый раз в зоопарке Герман думал о том, что он находится в концлагере, который род человеческий выстроил для живых существ. Воздух был полон тоски по древним лесам, пустыням, горам, долинам, покинутым норам и оставленным семьям. Их согнали сюда со всех концов света, подобно евреям в Европе, и обрекли на гибель от изоляции, скуки,

недостатка любви и дружбы. Некоторые животные кричали о своей беде, другие страдали молча.»
(Исаак Башевис Зингер. Враги)

Иван Иванович хотел, чтобы дочь стала инженером или архитектором, покупал ей разные конструкторы, учил пользоваться инструментами, чтобы не была белоручкой. А так как с ней всё время рядом был Ваня, у которого был технический склад ума и руки умелые (было в кого...), то Иван Иванович с удовольствием занимался с обоими. Ему очень нравился этот смышлёный паренёк. Вика воспринимала все папины уроки с интересом, но все равно мечтала стать медиком, как мама...

Сколько лет прошло, а она до сих пор помнит все папины объяснения и даже, как надо паять. Ване это пригодится в жизни, а ей-то зачем. Но всё равно папины уроки не забываются, особенно чувство удовлетворения и даже счастья, когда она сама починила электрический утюг – просто запаяла два проводка, и утюг заработал.

Когда стали постарше, Иван Иванович взял Вику и Ваню на ипподром, там тренером был его давний приятель. Они ездили на тренировки по выездке полгода, потом мама запретила, а Ваня, что же, он как Вика...

После конного спорта была секция фехтования, это так красиво и элегантно, но мама ворчала, была недовольна. Потом был большой теннис, против которого мама не возражала, но оттуда Вику потихоньку выставили сами тренеры. Они сказали, что она не перспективная, что у неё нет спортивного азарта и спортивной злости. Чего-чего, а злости в ней действительно никогда не было. Она просто махала и рапирой, и ракеткой для собственного удовольствия и в чемпионы не стремилась. Вика обиделась и ушла из всех секций, кроме шахмат. Вернее, Вика с Ваней ушли.

Летом Вика с мамой уезжали или в санаторий на Чёрное море, или в Кисловодск, Ессентуки – популярные места отдыха бакинцев.

А Ваню отправляли на три смены в пионерский лагерь. После седьмого класса он ехать в лагерь отказался. Ездил с пацанами на пляж, много читал, "съедал" в день по книжке, подружился с библиотекаршей, приносил ей лавровые листья, которые в изобилии росли на Шиховском пляже. В конце лета каждый день пробегал мимо дома Вики и смотрел на окна, чтобы не пропустить момент их возвращения.

Ваня запойно читал, особенно увлекался научной фантастикой. Многие научные проблемы, описанные фантастами, обсуждал с отцом. Особенно его интересовало время и все проблемы, с ним связанные.

– Время течёт, движется. Для движения нужна энергия. Какая энергия движет, толкает время? Постоянна ли скорость времени? А где же его начало, исток? Как оно началось? Кто, образно говоря, завёл часы, запустил время? Кто и как разделит сутки на часы, минуты, как измерили их длительность до создания часов?

Моисей объяснил сыну теорию большого взрыва, начиная с которого, предположительно, начался отсчет нашего времени, искривление пространства-времени и очень осторожно (наука только-только освобождалась от руководящей роли партии) гипотезу Николая Козырева о сути времени и причинно-следственных связей, которая впервые была изложена в статье «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении», вышедшая к X Генеральной ассамблее Международного астрономического союза (Москва, август 1958 года).

[Дополнительная информация о Николае Александровиче Козыреве в приложении 4]

Ваня осмысливал услышанное.

*И поступь и голос у времени тише
Всех шорохов, всех голосов.
Шуршат и работают тайно, как мыши,
Колёсики наших часов. (Самуил Маршак)*

=====

Глава 13

Лето 1960 года. Позади девятый класс, впереди десятый, выпускные экзамены и... вся жизнь. Вика с мамой – в Кисловодске, Ваня с книжкой – на диком каменистом пляже.

Там он познакомился с интересным человеком.

Молодой парень лет 25-27. Разговорились. Виктор Квачидзе – историк. Оба обожали пляж, море. Вода чистая, тёплая, жаль камни вокруг, не сравнить с пляжем в Мардакянах. О, Мардакяны! На всю жизнь у Вани остались в памяти те две недели, проведённые там с папой.

Оказалось, что в том же посёлке Мардакяны, в те же годы Виктор Квачидзе преподавал историю в школе-интернате № 3, организовал там исторический кружок. Тоже приятные воспоминания...

Виктор плавал в ластах и с аквалангом – тренировался. Он рассказал Ване в перерывах между своими заплывами о том, что на дне Каспия много затонувших кораблей. Ваня сказал Виктору, что у некоторых пацанов есть старинные монеты, найденные ими в море. Виктора взволновало это сообщение:

– Ты спроси у ребят, я бы купил у них монеты. Это важно для истории. Археологи копают землю, а я решил копать море, – улыбнулся Виктор. – Вот здесь недалеко есть подводная крепость, я видел, когда мы студентами проплывали на катере.

Он рассказал любознательному пареньку – ведь так приятно увлечённому человеку встретить благодарного слушателя – о Сабаильском замке 1235 года, о том, что на Каспии всегда было весьма активное судоходство, даже были пираты, "раскопал" в Российском Географическом Обществе в документах XVII века много интересных историй о большом количестве затонувших кораблей. На дне Каспия их много, а в прибрежной зоне глубина небольшая. Такое поле для исследований! А ещё факт, что уровень моря меняется с циклом 200-250 лет, и есть много прибрежных поселений, которые постепенно полностью ушли под воду. Вот их-то исследовать самое интересное. Нужны археологи-аквалангисты.

– Вот пока я сам тренируюсь.

Говорили они часто о разном, с наукой не связанном. Вдруг неожиданно, видимо, это была наболевшая тема, Виктор стал говорить о том, что человеку с детства важно иметь свой угол, свою норку, берлогу, куда можно залезть, спрятаться ото всех, быть наедине только с собой.

– У моих детей обязательно будут свои комнаты, пусть маленькие совсем, но обязательно отдельные, свои.

– А у нас с мамой одна комната, ещё есть большой коридор, а под лестницей каморка, там дедушка спал, а теперь она моя.

– Счастливчик...

Через некоторое время разговор опять вернулся к подводным находкам.

– Давайте сейчас туда поплывём. Хоть одним глазком посмотрим на подводную крепость. Я хорошо плаваю и ныряю, – попросил Ваня.

– Ни в коем случае. Я сам пока туда не плаваю и не могу никак рисковать. Вот будет у меня катер, оборудование, водолазы, аквалангисты... Музей истории обещал выделить мне фонды и даже водолазов для изучения затонувших поселений.

Размечтался...

Долго ворочается бюрократическая машина. Только в 1968 году Совет Министров и Президиум Академии Наук Аз. ССР поручили Музею истории Азербайджана приступить к изучению подводных историко-археологических памятников Каспийского моря. А музей, в свою очередь, поручил практические работы В. А. Квачидзе, научным консультантом был назначен доктор исторических наук З. И. Ямпольский.

В очередной раз пересекаются жизненные пути героев с моими. Я была знакома с Виктором Александровичем Квачидзе. Мы были соседями, жили в одной коммунальной квартире на втором этаже трёхэтажного дома на улице Узеира Гаджибекова (угол Самеда Вургунa).

Семья Квачидзе жила в этой квартире задолго до нашего переезда туда. Когда мы въехали, соседи сразу ввели мою маму в подробности жизни коммуналки, чтобы новая соседка (то есть моя мама) знала ху из ху. И всезнающие соседи рассказали моей маме, что дядя Саша Квачидзе женился на тётке Зине и пришёл со своим сыном Виктором жить к ней в её полторы комнаты в коммуналке. У тётки Зины была дочка от первого брака – Римма. А дочка Женя у них общая. И ещё начали рассказывать о предыдущих браках этой семьи. Я, как все маленькие девочки, наострила ушки, внимательно прислушиваясь к разговорам взрослых. Но моя мама эти разговоры сразу пресекла: "Не стоит обсуждать чужую жизнь, и, вообще, это не наше дело."

Дядя Саша был интересный мужчина, спокойный, вальяжный, интеллигентный. У него было много книг. Он любил готовить, часто, приходя раньше жены, становился к плите, а Женя ему помогала. Любитель изысканной кухни, он тщательно готовил и украшал не только праздничный стол, но даже ежедневную обеденную трапезу. Помню, как он тоненько срезал красную кожицу с маленьких редисочек. Я шёпотом спросила Женю, почему он это делает, она объяснила: кожица чуть-чуть горчит, а так салат получается нежнее. Вот это гурман!..

Виктор спал в проходной узкой комнате, больше похожей на коридор, а в большой комнате за ширмой обитали родители, в другом углу комнаты спали девочки – Римма и Женя. (О скученности жизни в коммунальной квартире трудно рассказать тем, кто это не испытал сам...) Виктор молча проходил по общему коридору, вежливо здоровался с соседями. Разговаривал очень мало. О том, что он поступил в институт, о том, что успешно окончил его, мы узнали от Жени, которая, естественно, гордилась братом.

Прошло несколько лет, и Женя рассказала мне, что Витя сделал великое открытие – нашёл на дне моря целый город! Про него писали в газетах и научных журналах, о его открытии даже знает Тур Хейердал и другие ученые-географы мира (Когда Тур Хейердал приезжал в Баку, то всегда просил, чтобы его сопровождал Виктор). Других соседей карьерный рост Виктора не интересовал, более актуальной была новость, что дядя Саша после многих лет

совместной жизни ушёл к новой молодой жене. И Виктор, конечно, тоже исчез с нашего горизонта. Римма вышла замуж за военного и уехала из Баку. Тётя Зина осталась с Женей. В коммуналке стало посвободнее.

Несколько лет спустя стали известны подробности. Женя не преувеличивала.

Виктор Александрович Квачидзе с руководимой им группой открыл «Каспийскую Атлантиду» – подводные городища Бандован¹, Бандован 2, средневековые города – Гуштасфи, Мугань, в которых было сосредоточено производство керамики. Там археологи-подводники обнаружили гончарные печи, собрали большое количество глазурованной керамики.

Ещё один, последний, раз я встретила Виктора – он уже был старшим научным сотрудником Музея истории, подводник и известный ученый – в больнице. Наши папы лежали в соседних палатах. Я подняла папу – он был ходячий, и мы зашли в палату к дяде Саше. Встреча была тёплой, много воспоминаний.

– У меня цирроз печени, – вдруг грустно сказал дядя Саша.

Мой папа стал его утешать... А я, просто чтобы не молчать, сказала, что читала недавно статью о том, как полезны для печени творог с мёдом. Я действительно читала статью о пользе для печени этой смеси, хотя там не говорилось о циррозе. Дядя Саша посмотрел на сына. Он ещё ничего не сказал, не попросил, но Виктор всё понял:

– Я принесу тебе творог и мёд. С утра на базаре возьму свежий крестьянский творог и мёд с пасеки. Не волнуйся, папа.

Большой учёный, достойный человек...

А насчёт того, что жизненные пути моих героев пересекаются с моим, так это не столь удивительно – в одном же городе жили...

Много хочется рассказать о Музее истории Азербайджана, об удивительных находках. Отсылаю любознательных читателей к статье "Каспийская Одиссея Виктора Квачидзе" (<http://vyshka.azeurotel.com/arxiv/2008/01/2.htm>)

=====

Глава 14

Пора вернуться в тёплое лето 1960 года, к молодому, полному идей, надежд и энтузиазма Виктору, который приезжает на дикий пляж, тренируется и с удовольствием общается с любознательным пареньком.

В основном, говорили о Мардакянах. Ваня с удовольствием вспоминал, как они были там с папой. Крепость была закрыта, но, увидев посетителей, смотритель открыл для них ворота, погладил Ванечку по голове и денег не взял. Подниматься на крышу надо было осторожно из-за дырок в полу, но вид сверху потрясающий – степь и море.

Виктор сокрушался, что эта старина совсем не подготовлена для туристов и что постепенно всё ветшает.

Ещё Ваня вспоминал дворец и парк Мухтарова. А Виктор рассказал много интересного, что тогда не было известно широкой публике. Например, о пребывании Сергея Есенина в этом дворце.

В Баку у поэта был друг Пётр Чагин – редактор газеты «Бакинский рабочий», второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана, заместитель С. М. Кирова.

С. Есенин всегда мечтал попасть в Персию. Фирдуси, Хаям, Низами, Насими, Саади и Хафиз – имена восточных поэтов звучали волнующей музыкой. И он попросил Петра Чагина – своего довольно влиятельного друга организовать эту поездку. С. М. Киров в дореволюционном прошлом литератор и литературный критик тепло общался с поэтом, с удовольствием слушал его стихи. Но, как первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, не мог отпустить Есенина в капиталистическую страну с суровыми догмами ислама. В 1924 г. в стихотворении "Свет вечерний шафранного края" поэт писал: *"Мне не нравится, что персияне / Держат женщин и дев под чадрой"*. Попробуй отпустить такого в Персию... А если Есенин там выскажет это своё мнение?..

Киров знал вспыльчивый нрав и не слишком скромное поведение поэта и понимал, какие неприятности могут произойти... Все помнили историю массового убийства фанатиками в 1829 году в Тегеране сотрудников русского посольства вместе с главой дипмиссии Александром Грибоедовым и укрывшихся в посольстве армянских беженцев...

Чтобы не разочаровывать поэта, С.М.Киров решил схитрить и придумал, как создать Есенину иллюзию "Персии" в Баку. Есенина два часа возили по морю и высадили у поселка Мардакяны. Там поэт увидел женщин в чадре и поверил, что он в Персии. Его поселили на той самой роскошной даче Мухтарова с огромным садом, фонтанами и всяческими восточными изысками, что ещё больше ввело его в заблуждение. Но долго врать Пётр Чагин не мог и обо всём рассказал другу.

В июле 1925 года Есенин снова, в последний раз, приезжает в Баку с женой Софьей Толстой (внучка Льва Николаевича Толстого). Здесь, в Мардакянах, они провели медовый месяц.

Недалеко от Мардакян был посёлок Шагана. Звучание этого названия напомнило ему Шаганэ Тертерян (Тальян) преподавательницу арифметики в армянской школе, с которой он познакомился в Батуми зимой 1924 года. "Шаганэ ты моя, Шаганэ"...

=====

Глава 15

Жизнь у Ванечки была по настоящему счастливая. Успехи в школе, верный друг – лучшая девочка школы, кружки в Доме пионеров. Беседы с самым умным папой. Расположение Софьи Семёновны и Ивана Ивановича.

Пьяная мама не в счёт. Ваня не обращал на неё внимания, когда она была выпивши, разговаривал с ней только, когда она была трезвая.

Света с подругой продолжали часто перед сном утешать себя рюмочкой. После этого Валя звала дочку и начинала её воспитывать:

– Ты видишь, какая у меня собачья жизнь? А всё по-тому, что без мужа. Поверила одному мерзавцу – он уговаривал, что скоро поженимся, а как узнал, что я беременна, сразу смылся. Запомни и заруби себе на носу, а ещё лучше на всех других местах – без штампа в паспорте никаких отношений!

Поняла? – При этом она трясла ремнём, тем старым ремнём, которым её саму "воспитывала" когда-то мама. – Убью, если ребёнка в подоле принесёшь. Точно говорю – убью! Пусть потом в тюрьму сяду, всё одно – жизни нет и не будет, но тебя убью! Ты мне веришь?

– Верю, верю, отстань.

Людочка была весёлая девочка, с мальчишками дружила, но в угрозу мамину верила, ремня мамино боялась и себя блюла.

А то, бывало, Светка заводила свою гармонь.

– Что из того, что у меня штамп в паспорте. От него ни холодно, ни жарко. Замуж надо не просто так выходить, абы за кого, а за своего, за русского. Ну не люблю я жидов, честно признаюсь. Слишком грамотные... Вот возьми моего Мошку – такой умный, просто поговорить с ним не о чём, а родня его – все такие,.. такие, аж противно. А как к доктору какому пойдёшь, так опять же на еврея напорешься.

Однажды Ваня не выдержал:

– Так что же, раз ты их не любишь, так их всех убить надо?

– Да нет, убивать не надо. Отселить их всех, пусть себе где-нибудь в отдельном месте и живут.

– И меня Ивана Моисеевича Заслевского туда же с ними?

Тут Светка взорвалась:

– Ты русский, русский! Вот паспорт пойдёшь получать, надо записать Иван Михайлович Туркин – русский.

=====

Глава 16

– Папа, давай поговорим. Я недавно новый рассказ прочёл...

– Опять научная фантастика?

– Да. Но это ещё и детектив. Ух, как закручен... Так интересно... Человек умер или убит, в комнате труп, никто ничего не знает. В комнате большое зеркало, в котором отразилась сцена убийства.

– Ну и что? Как же этот детектив-следователь что-то найдёт? Зайдёт в Зазеркалье, как Алиса? Кстати, ты читал "Алису в стране Чудес"?

– Читал... Вернее, не дочитал... Мне не понравилось. На каждой странице надо по три раза лазить в конец книги за пояснениями. Я хочу поговорить о связи зеркал и времени. Вот смотри, в зеркале отражается какой-то образ, потом человек уходит из комнаты, но тот образ остаётся, зафиксированный в зеркале в том времени.

– Нет, у зеркала нет памяти. Оно отражает только то, что перед ним в настоящий момент времени.

– А почему завешивают зеркала, если дома покойник?

– Это обычай такой.

– А почему разные гадалки, глядя в зеркало, рассказывают человеку о его прошлом? Что они видят там, чего не видим мы?

– Не знаю, сынок.

– Я не могу объяснить, я ещё подумаю как следует, но мне кажется, что время как-то связано с зеркалами.

=====

Глава 17

Обычно перед ответственными контрольными в конце четверти Иван Иванович гонял Вику с Ваней по всему материалу, но иногда отвлекался от главной темы и рассказывал им много интересного из того, что не входило в

школьную программу, а рассказчик он был замечательный.

Например, он рассказал, что генерал Бенкендорф – шеф жандармов и временно Главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, знал о дуэли А.С.Пушкина (такая должность у него была – знать всё обо всех) и, конечно, хотел предотвратить дуэль. Во-первых, дуэли официально были запрещены с 1715 года императором Петром I, хотя реально они часто проводились. (В 1894 году поединки были официально разрешены.)

Во-вторых, Бенкендорф прекрасно понимал **кого** на этой дуэли – может потерять Россия. Он отправил жандармов на Черную речку предотвратить дуэль. Но около Санкт-Петербурга было несколько речек с одинаковым названием. Дуэли чаще всего назначались на Чёрной речке в Екатерингофе. Туда и помчались жандармы, а роковая дуэль состоялась в другом месте...

*Итак, оглашены
Условия дуэли,
И приговор судьбы
Вершится без помех...*

*Пока он тут стоит,
Один во всей России,
Рассеянно молчит
И щурится на снег...*

*А Пушкин – точно он
Забыл о страшном деле –
Рассеяно молчит
И щурится на снег...*

*Мучительнее нет
На свете наказания,
Чем видеть эту смерть,
Как боль свою и грех...*

*Куда ж они глядят,
Те жалкие разины,
Кому, по их словам,
Он был дороже всех,*

*Он и теперь стоит
У нас перед глазами,
Рассеяно молчит
И щурится на снег...
(Леонид Филатов)*

Иван Иванович интересовался дуэлями, знал все правила, которые долгое время были негласными. А в 1912г. был разработан генерал-майором И.Микулиным кодекс дуэлянтов – «Пособие для ведения дел чести в офицерской среде».

– Подумать только, начало XX века, почти во всех армиях мира, за исключением Германской, дуэли запрещены, а тут на тебе, разрешили и правила узаконили, стреляйтесь, пожалуйста, убивайте элитный генофонд нации, – возмущался Иван Иванович.

Когда они разбирали сцену дуэли Онегина и Ленского, Иван Иванович указал на нарушения, которые противоречили кодексу, и которых Пушкин не мог не знать.

У каждого должно было быть по два секунданта, а у героев романа было по одному. Слуга Онегина, француз Гильо, не мог быть секундантом по причине неблагородного происхождения.

Опоздание более, чем на 15 минут одного из участников позволяет отменить дуэль. Зарецкий, секундант Ленского, мог возмутиться опозданием Онегина и отказаться от поединка. Но он этого не сделал, и даже не попытался помирить участников дуэли.

И ещё Ваня запомнил рассказ о графе Михаиле Семёновиче Воронцове, новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе, светлейшем князе. Он

был очень достойный человек. Получил английское воспитание (был сыном русского посла в Лондоне). В 21 год при штурме крепости вынес с поля боя раненого товарища. В Бородинском сражении первый из русских генералов был ранен. Трижды Георгиевский кавалер. В.А.Жуковский воспел его в стихах. А Пушкин написал на него очень обидную и, главное, несправедливую эпиграмму: "Полу-милорд, полу-купец..." и так далее...

Конечно же, Воронцов не любил Пушкина за то, что тот волочился за его женой. Кому бы это понравилось?..

=====

Глава 18

У Ивана Ивановича было хобби – он собирал виды городов – старинные дореволюционные открытки. С удовольствием показывал детям, рассказывал о тех зданиях, историю которых знал. Софья Семёновна переживала, что среди открыток было много с изображением старинных храмов или церквей – совсем не в духе времени и идеологии. Иван Иванович убеждал её, что эти открытки – дань нашей истории, и они заслуживают бережного отношения и сохранения.

Чтобы успокоить её, он держал виды церковных храмов в отдельной коробочке и никому из посторонних не показывал.

Вика и Ваня были в числе приближённых...

Однажды Ваня сделал уважаемому Ивану Ивановичу роскошный подарок. Он выпросил у бабы Маруси старую и даже немного потрёпанную открытку с изображением бакинского Александро-Невского собора, который уже около четверти века как не существовал. (1898-1936)

– Зачем тебе это?

– Надо, баба Марусенька, для... для школьного музея...

– Да тебя ж погонят с ентотой карточкой. Нынче храмы не в чести. Вот в церкви Св. Архистратига Михаила голые мужики кувыркаются. *(Она имела в виду гимнастов. В помещении Михайло-Архангельской церкви при Сальянских казармах в военном городке, которая в 1920 году была закрыта одной из первых, а ее настоятель убит, находился склад и спортзал для военнослужащих. Сейчас это восстановленное здание – Кафедральный Собор Святых Жен Мироносиц.)*

– Хорошо ещё другую, Михайло-Архангельскую церковь, не порушили. Я туда раньше ходила, а вот в собор Александро-Невский не очень-то. –

Старушка разговорилась, ей льстило внимание.

А Ваня впитывал подробности, чтобы, отдавая открытку Ивану Ивановичу, рассказать всё слово в слово.

– Почему? Он же такой красивый, – спросил Ванечка, разглядывая снимок.

– Ох, миленький ты мой, – заохала баба Маруся, – с самого начала-то всё было не так. Я тогда девчонкой была, когда его начали строить. Сам император Александр III и цесаревич Николай приезжали. Пока его строили, слухи разные ходили, что кладбище там было мусульманское раньше. Кто верил, кто отмахивался... Но слухи про кладбище упорные шли, даже некоторые бежали на раскопки смотреть, видели-то погребения. Я сама не видела. Потом объявили, что, мол, денег не хватает и стали среди жителей собирать.

А когда открыли его... Красота там неземная... Всё в золоте сверкает, все лики святых, как живые на тебя глядят. Но не лежала душа туда ходить, вот и отговаривалась сама перед собой, мол, далеко туда ходить, на конке тоже часто не наездишься.

А ещё помню, твой дед Тимофей с молодой женой Лизаветой только поселился здесь, заходит к нам во двор странник мусульманский – дервишем зовут – и просит испить водицы. Тимофей домой сбежал, принес ему хлеба да помидор и говорит: "Прости, уважаемый, больше нечем тебя накормить, вот вода в кране, пей сколько душе угодно." Стали они беседовать, а я любопытная, всё вокруг хожу, да прислушиваюсь.

Странник шёл в какое-то святое место на богомолье, название я не упомянула.

– Наверное, в Мекку, – подсказал Ваня.

– Да, да, вот в эту Мекку и шёл. Так самое важное я и запомнила. Он сказал, видел, мол, красивую вашу главную мечеть – это он собор-то наш православный так назвал – но место вы плохое для нее выбрали, 40 лет ей не простоять... Поклонился, поблагодарил и ушёл. Потом он даже снился мне, не часто, но снился. А как собор порушили, так я всё ждала, придёт во сне и скажет: "Вот, что я вам говорил", но он с тех пор больше не снился.

Иван Иванович был очень рад подарку и в одно из свободных воскресений взял Вику с Ваней погулять по городу. Они подошли к школе, которая была построена на фундаменте, оставшемся от взорванного храма. Недалеко был дворец Счастья – главный дворец бракосочетаний в Баку. Ваня, уловив момент, когда Иван Иванович смотрел в другую сторону, шепнул Вике: "Через три года мы с тобой здесь будем."

У Ивана Ивановича в коллекции были даже три открытки с этим красивейшим зданием. Он рассказал детям, что этот дворец построил изобретатель,

нефтепромышленник, богач Муртуза Мухтаров, который не сидел как сын на своём богатстве, тратил его на строительство и благотворительность.

В свадебном путешествии по Европе архитектура Венеции очаровала его жену – осетинку Лизу Мухтарову. И вернувшись, Муртуза построил для неё в Баку такой же дворец (в 1912). Зодчим был талантливейший бакинский архитектор – поляк Иосиф Плошко, на счету которого много прекрасных зданий в различных стилях: европейская классика, венецианская и французская готика, модерн начала XX века.

[Дополнительная информация о дворце М.Мухтарова в приложении 3]

Ваня с воодушевлением рассказал, как был с папой на даче в посёлке Мардакяны и видел летний дворец и парк М. Мухтарова.

Они возвратились домой такие усталые и счастливые... Какой прекрасный был день!

=====

Глава 19

В конце осени 1960 года Моисей официально поменял имя на Михаил. Сказал, что к концу года или к началу следующего он ожидает важное известие, которое, возможно, многое поменяет в их жизни.

– Изменение имени связано с этими новостями? – спросила мудрая тётя Белла.

– Да. Меня обещали взять на работу в очень закрытое место, и там я должен зваться Михаилом Засленко. Я согласился. Уж очень эта тематика меня привлекает.

– Ну что же, подождём до Хануки.

В последний день Хануки, который по традиции скромно отмечали у тётки Беллы, Моисей рассказал, что получил приглашение работать в новом секретном отделе, который создаётся при Новосибирской Академии Наук. Он сильно переживал, что оставляет сына на полгода, но упустить такое заманчивое предложение не смог, и вот – согласился. Переезд будет в начале следующего года. Полгода осталось Ванюше до окончания школы, потом армия... А там он заберёт сына к себе.

В Академгородке Новосибирска был создан совершенно секретный отдел под строгим контролем соответствующих органов по изучению необычных способностей некоторых людей, телепатии, гипноза, телекинеза, предвидения, ясновидения и др. После сталинских шарашек наука всё ещё была под неусыпным контролем Партии и Правительства. Люди, там работающие, жили в хороших условиях: прекрасные лаборатории, библиотека – научные новости со всего мира, замечательное питание, в магазинах изобилие (а если чего-то нет, то можно заказать). Работать в засекреченных научных институтах, в закрытых лабораториях, связанных, в основном, с военными ведомствами, не позволялось людям с еврейскими фамилиями, а мозги их были очень даже затребованы. Поэтому хорошим ценным специалистами, но с подозрительными фамилиями давали новые имена, обязательно звучащие как фамилии титульной нации, а не какие-то инвалиды по пятой графе. Моисей получил новые документы. Теперь он – Михаил Борисович Засленко.

(Прошло много лет, отдел выплз из подполья и в наше время существует под именем Международного НИИ Космопланетарной Антропозкологии им. Академика В.П. Казначеева (МНИИКА).

=====

Глава 20

В соседнем дворе долго выла собака и соседи сразу стали обсуждать, что бы это значило. Вспомнили, что в январе 1951 года собаки были перед землетрясением. И опять Ваня затеял разговор о времени.

– А как собаки предчувствуют беду? Они заглядывают в будущее? Забегают вперёд событий?

В старинных легендах говорится о пророках, оракулах, шаманах, которые могли предвидеть будущее. Скажи, а есть лаборатории, где их изучают?

– Я не знаю, почему и как некоторые люди обладают странными, необъяснимыми способностями предвосхищать события. Когда-то, на заре человечества, может быть, все люди, как и животные, умели это – было необходимо для выживания, а потом уже, с развитием цивилизации, стало необязательным. Это очень интересный вопрос, но я, сынок, не могу ответить. Время, гадание, предвидение, колдовство – самые непонятные, непостижимые явления. Я не могу ответить на твой вопрос. Я не знаю, как собаки предчувствуют беду.

*Мне кажется, как всякое другое,
Ты, время, незаконно. Как мальчишка
За взрослыми в морщинистую воду,
Я, кажется, в грядущее вхожу,
И, кажется, его я не увижу... (О.Э.Мандельштам)*

– Мы не знаем, как устроено время, как оно работает, как течёт и как соотносится с нашим трёхмерным пространством. Возможно, в 4-х или 5-ти или 6-мерном, о котором писал Эйнштейн, всё происходит иначе. Пока гипотеза Козырева остаётся только гипотезой...

– Вольф Григорьевич, а вы сами можете объяснить свою способность предвидения? Как это происходит?

– Не знаю. Просто концентрируюсь и внезапно вижу конечный результат потока событий. Минуя всю цепь. Я называю это «прямым знанием». Объяснить невозможно. Что мы знаем о времени? О его воздействии на мозг? Думаю, есть какие-то точки пересечения будущего, прошлого и настоящего. Возможно, в моменты транса мой мозг способен настраиваться на них. И тогда это, как прыжок в иное время, в другую точку пространства. Большого я сказать не могу.

(Владимир Кючарьянц. Из интервью с В.Г.Мессингом)

– Письма и деньги я буду посылать тебе на Главпочтамт до востребования – паспорт у тебя уже будет. Вместо адреса у меня номер почтового ящика, как у военных – номер части. Посылки для тебя буду присылать на адрес тёти Беллы, ты к ней захаживай. А как школу окончишь, да после армии, думаю, жениться захочешь, так приезжайте вместе, я вас в Новосибирске обязательно пристрою. Там знаешь какие вузы!

Папа уехал.

Ваня получил паспорт на имя Ивана Михайловича Заслевского, еврея и спрятал его среди инструментов в дедушкином ларе. Через месяц Светка, порывшись в его ящике, когда его не было дома, нашла паспорт и изорвала в клочья. Молча ждала скандала. Ваня заметил клочок изорванного паспорта, всё понял, пошёл в паспортный отдел за повторным взамен потерянного, как

он объяснил. Заплатил штраф, получил новый и спрятал его у Вики. Тоже молча...

Как утверждают авторы научно фантастических произведений, время имеет разную скорость, и этот постулат фантасты используют очень активно. А время в художественном произведении полностью зависит от воли автора, и мы со скоростью нескольких страниц в месяц (или нескольких месяцев в одну страницу?..) перенесёмся в самое начало 1961 года – выпускной год для наших героев, печальный, памятный год...

На новогодние ёлки в клубы Вика с Ваней уже не ходили – слишком взрослые, да и время жалко тратить – они усиленно занимались. Вика "шла" на золотую медаль, а Ваня – на серебряную. Он не любил химию и больше чем на четвёрку не рассчитывал.

Очереди за продуктами, кукурузная кампания, после которой Н.С.Хрущёв обещал изобилие и базу для построения коммунизма. А начался этот сложный год с денежной реформы(!)

Простой народ не понял, что это девальвация.

Золотое содержание рубля уменьшилось в 2,25 раза.

Денежная реформа в СССР была проведена с 1 января 1961 года в форме деноминации с девальвацией. Денежные знаки, введённые в 1947 году, обменивались в течение трёх месяцев – первого квартала 1961 года – без ограничений на новые денежные знаки уменьшенного формата в соотношении 10 к 1. Почитайте интересный материал: Виктор Бурназов. «За один "хрущевский фантик" давали десять "портянок Сталина"».

(http://publicistik.blogspot.com/2011/03/blog-post_6054.html)

Народ вспоминал предыдущую реформу 1947 года и торопился потратить деньги, скупая кто побогаче – ювелирные изделия, кто – рулоны тканей, а кто на последние копейки – соль, мыло, спички и уксус. Кто-то бежал в сберкассу вкладывать деньги, кто-то, наоборот, забирать. Хотя в конце предыдущего года в газетах всё было подробно описано... да кто же ИМ верит? Но в этот раз обмен денег длился три месяца и проходил весьма достойно, за что народ был благодарен родной партии и дорогому правительству. Некоторые подпольные богачи побаивались нести сразу в обменный пункт большую сумму денег, а вдруг спросят: "Откуда у тебя столько денег? Спекулянт, наверно?" Носили понемногу в разные обменные пункты в разных районах города. Подключали родных и знакомых, кто победнее, но при этом честен – не обманет и не донесёт...

(4,5% общей массы старых денег во время реформы к обмену советские граждане не предъявили.)

Больше всех на этой реформе заработала баба Маруся. Ей доверяли соседи, родные соседей, затем по цепочке и друзья, и знакомые соседей. Она несла по 5000 чужих старых рублей в разные дни недели к разным кассирам. Протягивая пять тысяч старых рублей в кассу, объясняла, хоть её никто ни о чём не спрашивал, мол, собирала по двадцать пять рубликов в месяц себе на похороны, вот они все деньги и есть. А как вы думаете, теперь новыми на последний путь хватит?

Приносила заказчику пятьсот новыми и получала за работу 1% = пять новеньких рублей.

=====

Глава 21

В конце школьных зимних каникул неожиданно умер отец Вики. Такое огромное неожиданное горе! Ивану Ивановичу было только пятьдесят пять лет.

*Меня волнует оклик этот вещей.
Доверено часам – бездушной вещи
Участвовать во всех делах людей
И, возвещая время с площадей,*

*Служить работе, музыке, науке,
Считать минуты встречи и разлуки.
И всё, что нам не удалось успеть,
На полуслове прерывает медь.* (Самуил Маршак)

Не только фронтовые раны были тому виной. Видел он все несправедливости и недостатки Системы. Близкому, ещё с войны, другу Степану не всегда удавалось удержать Ивана от споров и высказываний, не подходящих в военной иерархии и в данной организации, где они служили...

Ваня очень любил этого большого и доброго человека, который мало говорил, но всё видел своими умными глазами через круглые старомодные очки. Он чувствовал, как Иван Иванович хорошо к нему относится, и Ванечку переполняло чувство благодарности и радости от того, что он близок и будет ещё ближе к этому прекрасному человеку. Но все чувства меркли перед состраданием к Вике и Софье Семёновне. Такое страшное горе, такой удар!

Ваня не отходил от них ни на шаг.

Он помнил, что бабушку Миру похоронили на следующий день (Почему так торопились?), а дедушку Тимофея через дня три. Похороны Ивана Ивановича состоялись тоже через дня.

И традиции, и проявление эмоций у разных народов различны в такие трагические моменты жизни. Русские громко причитали: "Ах ты мой Соколик, на кого ты нас оставил?" – выговаривали, выплакивали, выкрикивали своё горе.

У азербайджанцев была традиция плакальщиц, нанимали специальных женщин, чтобы они голосили у гроба всю ночь (если смерть наступила вечером) или весь день (если смерть наступила поутру). Многие, не понимая глубинных причин этой традиции, относились к ней с некоторым осуждением. Мол, истинное горе негромкое, зачем нужна эта показуха...

Исторически так сложилось, что в южных странах полагалось хоронить в течение суток (из-за быстрого разложения трупа и появления трупного яда). Но с другой стороны, люди опасались летаргического сна и страха похоронить близкого человека заживо.

Вот и орали голосистые плакальщицы покойнику в уши. Авось, удастся разбудить...

[Дополнительная информация о летаргических снах в приложении 5]

Софья Семёновна и Вика сидели, обнявшись, и плакали тихо – были слышны только всхлипы – но так горько, что сердце разрывалось, глядя на них.

Все заботы и хлопоты взял на себя Степан Юрьевич.

Таких похорон Баиловский район ещё не видел.

Народу было огромное количество: вся поликлиника Софьи Семёновны, вся

Викина школа, всё УПВ (Управление пограничных войск). Военных было так много, что жители района не понимали, что происходит. По главной улице шёл военный оркестр, солдаты шли чеканным шагом – несли подушечки с орденами и медалями, на артиллерийском лафете везли гроб. Жители посёлка высыпали из своих домов посмотреть на это действо... Степан Юрьевич организовал в соседней столовой поминки за счет управления. Квартира Ивановых была маленькая. Когда высокие начальники зашли в квартиру, им на минуту стало стыдно, они пообещали, что не оставят без внимания вдову и дочку. Потом, после похорон и поминок, все разошлись и, конечно, забыли. Теперь им двоим и двух комнат хватит.

После похорон Софья Семёновна могла взять отпуск, а директор школы передал с Ваней, что Вика может неделю не ходить в школу. Но Софья Семёновна сказала, что сидеть дома они не смогут и через день вышла на работу, и Вика пришла в школу с чёрным бантом в длинной косе.

Жизнь пошла своим чередом. Только верный друг Степан Юрьевич не забывал, время от времени заходил, интересовался, не надо ли чего...

Прошло несколько лет, Вика уже училась в мединституте, когда у соседей во дворе кто-то умер. Тогда Софья Семёновна подробно объяснила Вике суть проблемы летаргического сна, так как на лекциях этот вопрос проходили бегло как не очень важный.

=====

Глава 22

Весна и праздник Пурим в этом году пришли рано.

День 13 адара 5721 по еврейскому календарю попал на 1 марта 1961 г. Хотя наступила оттепель, но не все ей верили. Слишком страшно было вспоминать недавнее прошлое...

«... когда был убит Михоэлс, а затем разогнан Еврейский антифашистский комитет, и большинство тех, кто входил в него, погибли в подвалах КГБ, я уже знал всё, о чём говорили взрослые. Потихоньку и на идиш, чтобы дети не поняли. А говорили они о страшном, таком страшном, что сами боялись выходить на улицу, ходить в гости или о чём-то высказываться вслух... Помню, как закрыли газету «Дер эмес» («Правда»), потом издательство «Эйникайт» («Единение»)...

Еврейскую культуру уничтожали под корень, планомерно и грубо. Закрыли театры, перестали выступать еврейские певцы, ясно было, к чему идёт дело: нет культуры – нет народа. Убили целую группу, плеяду еврейских писателей разом... Евреев надо было уничтожить физически и духовно... То, чего не смог Гитлер, хотел доделать Сталин.»

(Писатель Михаил Садовский)

[Дополнительная информация о еврейской жизни в Баку в приложении 6]

И всё равно евреи Баку не забывали о своих традициях, даже под гнётом суровых властей тихо, за закрытыми дверями рассказывали детям историю своего народа и готовили любимые блюда.

А уж когда, слава Всевышнему, на светлый праздник Пурим 5713 года "великий кормчий и верный ленинец" отправился на высший суд, дышать стало легче...

На пурим евреи пекли сладкие треугольные коржики, которые очень смешно назывались "уши Амана", начинённые маком или сливовым джемом, и угощали соседей по двору. Света демонстративно закрыла входную дверь, которая

обыкновенно была открыта. Знак был понят, и к ней никто не заглянул.

В ближайшее воскресенье Ваня зашёл к тётке Белле поздравить её с праздником, по традиции был сытно накормлен и получил с собой коробочку со сладостями.

И сразу же, конечно, направился к Вике. Коробочку эту он торжественно вручил Софье Семёновне:

– Поздравляю Вас с праздником. Пусть все Аمانы сдохнут! – Он знал значение и историю всех праздников, которые ежегодно скромно отмечали в доме тётки Беллы.

– Какой же ты славный, Ванечка, – улыбнулась Софья Семёновна слабой улыбкой впервые за последние два месяца.

19 марта 1961г., воскресенье – памятный день для наших героев. В воздухе пахло не только весной, которая в Баку очень красивая и очень короткая, быстро и незаметно переходящая в жаркое лето. Во всех дворах опять пахло вкусной выпечкой. Хозяйки готовились ко дню весеннего равноденствия, к азербайджанскому празднику Новруз-байрам. Соседи будут угощать друг друга вкуснейшими шекер-бура, шекер-чурек, шор-гогал (у бакинцев, читающих эти названия, я уверена, на лицах появится блаженная улыбка, а рот наполнится слюной).

Вечером 31 марта (14 Нисана 5721) наступит еврейская, за ней через несколько дней русская и армянская Пасхи. Евреи запасались мацей. В Баку выпечка мацы к празднику Песах не прекращалась никогда. Даже в тяжёлые и голодные военные годы за невероятные деньги доставали муку и выпекали мацу секретно в домашних печах по всем правилам.

=====

Глава 23

Слава Богу, на дворе уже была оттепель...

Несколько лет назад какой-то очень деловой директор городской пекарни №18 добился разрешения печь мацу, и, вполне официально, по согласованию с властями, в некоторых хлебных магазинах продавалась маца по установленной цене девять рублей тридцать копеек за килограмм. (В 1954 г. в Баку выпекли около сорока тонн мацы.) Это же так выгодно для выполнения плана – если сравнить со стоимостью одного кг хлеба, который стоил в три раза дешевле.

И лежала эта маца на одной полке с "хомец" – квасным хлебом. При этом абсолютно запрещенном соседстве она сразу стала некошерной, но не все это поняли в силу своей наивности, религиозной необразованности, не знания законов кашрута (*Кашрут – система ритуальных правил еврейского Закона, связанная с пищей*)...

Кроме того, была она толстой и твёрдой. А грузинские евреи, к зависти бакинцев, привозили тончайшую и очень вкусную мацу из Кутаиси – центра грузинских евреев. Некоторые бакинские евреи сами покупали с рук грузинскую мацу для себя, а грубую бакинскую отправляли родственникам в другие города нашей необъятной Родины, не акцентируя внимание на степени её некошерности. Те были довольны любой. Неевреи тоже иногда покупали мацу, грызли, как сухарики, и удивлялись: "совершенно пресная, ну что стоило посолить – было бы вкуснее..."

Через несколько лет мацы в магазинах уже не было, несмотря на экономическую выгоду. Но, как известно, свято место никогда не пустует, тем более экономическое место.

В Сабунчах – пригороде Баку с конца XIX века действовала синагога горских евреев. При этой синагоге несколько предприимчивых горских парней открыли пекарню. Желаящие приезжали, привозили свою муку, а пока отдыхали в соседнем скверике – пеклась их маца. Сколько муки привёз, столько мацы и получишь, естественно, не бесплатно. Это был полуподпольный бизнес. Участковый милиционер был в доле. *(Помните незабвенного Паниковского: "Я платил городовому на углу Крещатика и Прорезной пять рублей в месяц, и меня никто не трогал.")*

Мой папа тоже ездил в те годы с приятелем в Сабунчи и очень довольный привозил три-четыре кг. мацы.

После развенчания "отца всех народов" бакинские евреи сумели получить разрешение открыть скромную пекарню при своей маленькой функционирующей синагоге. И начали печь кошерную мацу по всем правилам, коробки по три, пять и десять кг. стояли уже готовые к продаже и даже со штампом кошерности.

Хорошие времена пролетели очень быстро и наступили незабываемые времена дефицита муки. В магазинах не было ни муки, ни круп, за хлебом стояли длинные очереди – занимали с ночи. Зато целый год в магазинах было вдоволь мяса (так как не было кормов для животных, их забивали в большом количестве). А потом мяса тоже не стало. Не буду подробно описывать экономическое положение в стране – кто помнит – тот знает, а молодёжь всё равно не поймёт.

Была закуплена канадская пшеница, сделан упор на кукурузу, все худо-бедно выжили, не особенно роптали – "лишь бы не было войны". А если и роптали, так тихо, чтобы никто не слышал – все помнили сталинские времена.

В Баку все евреи – и верующие, и соблюдающие, и неверующие, и не соблюдающие, и даже евреи-коммунисты делали сыновьям обрезание и на Пасху покупали мацу. Традиция!

Но человеку, занимающему высокую должность, или коммунисту пойти в синагогу было как-то неприлично, не комфортно, спина ёжилась от глубоко въевшегося страха прошлых лет. Просили соседей, знакомых, друзей, кто шел туда всё равно.

У Софьи Семёновны на работе был знакомый врач-травматолог, который ежегодно покупал для неё два-три кг. мацы. Иван Иванович не возражал, но Софья Семёновна сама боялась повредить карьере мужа. Поэтому это никогда не афишировалось.

Отец знакомого врача – Беньямин Яковлевич – дядя Беня – жил в непосредственной близости от синагоги в старом трёхэтажном доме с проходным двором. Дядя Беня, бывший сапожник, потом пенсионер, добрейшей души человек был известен всей округе. Когда он выходил из дому, к нему, как голуби на крошки, сбегалась босоногая ребятня.

– Дядя Беня, *конфет вар?* (*конфеты есть?*)

– *Вар, вар,* – отвечал дядя Беня и при этом прищёлкивал пальцами и напевал известный дуэт из азербайджанской оперетты "Аршин мал-алан" (весёлая сценка – одна бойкая дамочка, спрашивает жениха: "Деньги есть?". Он отвечает: "Есть, есть". Она очень довольная: "Деньги есть, тогда пойду за тебя.")

Дети заливались смехом. Потом дядя Беня доставал из кармана горсть леденцов и раздавал малышам. При этом он их ещё и воспитывал:

– Ты, дружок, взял две, а вот этому маленькому не досталось. Разве это

правильно?

- Посмотри, вот идёт женщина с тяжёлой сумкой. Кто её знает?
- Это тётя с нашего двора.
- Так иди и помоги ей нести сумку.
- А ты новенький, я тебя раньше не видел – что надо сказать?
- *Təşəkkür edirəm (надо поблагодарить)*, – подсказывал кто-то шёпотом.
- *Çox sağ olun (большое спасибо)*
- Молодец, хороший мальчик.

Беньямин Яковлевич не мог отказать друзьям, знакомым, бывшим клиентам, друзьям и знакомым бывших клиентов, сотрудникам сына и так далее, так далее, когда они просили его купить мацу. Он даже гордился важностью своей миссии. Днём он покупал 1-2 коробки мацы, заносил домой, а вечером приходили посетители, забирали коробки и выходили через другой выход на параллельную улицу.

Конспирация была шита белыми нитками. Весь двор знал, что Беньямин Яковлевич покупает мацу для знакомых. Он объяснил соседям, что работающие люди заняты днём, могут прийти только вечером, а соседи думали, что Беньямин Яковлевич делает свой *гешефт*, имея с каждой коробки некий навар. В Баку никто не осуждал человека, который делает свой маленький бизнес. Но дело было в том, что добрейший и честнейший Беньямин Яковлевич не имел от этого ни копейки. А в этом году даже был в убытке. Ему становилось всё тяжелее таскать коробки на второй этаж – хорошо, что не на третий – и он привлёк соседского пацана Али и платил ему за коробку по десять копеек (новыми), естественно, из своего кармана.

Глава 24

Вернёмся, наконец, к нашим героям.

Неделю назад Ваня получил письмо и перевод от папы. Папа писал, что послал Ване посылку с костюмом на выпускной вечер на адрес тёти Беллы, а туфли купить не рискнул. Пусть Ваня сам купит – их надо примерять – денег должно хватить. Кроме этого он посоветовал Ване почитать определённые статьи в реферативных журналах по современной физике, и ещё он написал, что проблема плотности времени – сжатия и растяжения – теперь подвергается осторожным сомнениям. А информация о зеркалах Козырева, исследованиях Левашова, о «парадоксальном течении времени выше 73-й параллели и изменении там плотности времени» и командировке в связи с этими исследованиями была тщательно замазана в письме секретными службами.

"Север – это особое место, где встречаются иные миры."

(М. Нострадамус)

Всю третью четверть дети занимались, не поднимая головы, и, чтобы немного проветрить мозги, пошли в чудесное весеннее воскресенье прогуляться. Ещё надо было зайти к тёте Белле за посылкой и заодно за мацой к Беньямину Яковлевичу. Его сын попросил папу купить мацу для Софьи Семёновны, но сам уехал в отпуск и принести, как обычно, не смог.

Вика с Ваней доехали на троллейбусе до центра, дошли до синагоги и дома Беньямина Яковлевича, поднялись и вошли в приветливо распахнутую дверь.

– Здравствуйте, Беньямин Яковлевич, я пришла за мацой, как мама с Вами договаривалась. Вот деньги. А это мой друг Ваня.

– Здравствуй, красавица. Как ты выросла. – При этом он смотрел на бело-брысого, явно русского паренька рядом с ней, пытаюсь понять, как себя вести.

Дядя Беня знал Вику, но присутствие рядом с ней Вани его озадачило. Не то что он подозревал какую-то провокацию, но неясность положения настораживала. Тем более, когда тот спросил:

– Скажите, пожалуйста, Беньямин Яковлевич, а можно купить ещё одну коробку мацы или нужно заказывать заранее? – И обращаясь к Вике, – Я бы хотел купить для тётки Беллы. Мы же зайдем к ней.

– А кто это вам тётка Бэлла? – осторожно спросил дядя Беня, пытаюсь как-то определиться в этой неясной ситуации.

– Это родная тётка моего папы, мне она как бабушка.

Ваня ещё больше запутал старика своим объяснением, но когда он уточнил: "Тётка Белла Столяр", лицо Беньямина Яковлевича засияло:

– О, Бэлла, Бэллочка, таки я её знаю. Мы столкнулись в синагоге, когда она сама покупала мацу.

– Ничего, ничего, пара лишних килограммов не помешает. Ей будет приятно. Я всю дорогу думал, может, купить торт, как-то неудобно без ничего, с пустыми руками. Но сейчас маца будет очень кстати.

– Хорошо, молодой человек. Посидите здесь, я сейчас принесу.

– Я пойду с Вами, чтобы вы не таскали тяжести. – Ваня вручил дяде Бене требуемую сумму.

– Ни в коем случае, молодой человек, Вы ведь наверняка комсомолец. Совершенно не нужно, чтобы Вас видели около синагоги.

Вы же понимаете, насколько различались мысли и опасения старого человека, пережившего сталинский кошмар, и юноши, жившего уже при весенней оттепели.

– И к тому же я не таскаю коробки сам, у меня есть помощник.

Вика с Ваней смотрели из окна – перед ними разворачивалась пантомима. Они не слышали, что происходит во дворе, но, как в немом кино, слова не были нужны. К дяде Бене подбежали радостные ребятишки, он что-то раздавал им, потом махнул рукой старшему – пацану лет десяти, и они вышли со двора.

Через некоторое время он вернулся с двумя коробками и сообщением "ТАСС" (Телеграфное Агентство от Соседки к Соседке): у Шахновича что-то "дают", "выбросили" какой-то дефицит. (*"дают", "выбросили" – ах, этот незабываемый сленг – кладовая слов нашей юности, эпохи развитого социализма.*)

Вместе вышли со двора. Пошли к гастроному, который в народе назывался "У Шахновича".

По дороге дядя Беня рассказал друзьям о замечательном человеке, Герое Советского Союза Моисее Давидовиче Шахновиче. Если вы сейчас спросите, кто такой Шахнович, значит вы не бакинец. Его историю бакинцы передавали из уст в уста, и она превратилась в Легенду. Я не была знакома лично с господином Шахновичем, то есть, простите, с товарищем Шахновичем, и рассказываю, как сама слышала эту Великую Легенду от Беньямина Яковлевича.

Во время войны молодой лейтенант Шахнович был призван в армию, воевал храбро, никто не мог обвинить его в трусости. О его подвигах можно рассказывать и рассказывать, но самым главным был последний.

Однажды в тяжелом бою фашистский пулемёт из маленького сарайчика

строчил без остановки, не давая нашим солдатам пойти в атаку, а высоту или село, или плацдарм, или что-то там важное было приказано взять во что бы то ни стало. За её взятие командование обещало дать Героя! Шахнович сумел незаметно сбоку пробраться вплотную к сарайчику. Вот он лежит почти под пулемётом, а фашист его не видит. Все солдаты ждали. Теперь по законам жанра он должен встать во весь рост и с криком "за Родину, за Сталина" закрыть своим телом вражеский пулемет. И тогда все побегут и возьмут, наконец, эту проклятую высоту, а Шахновича похоронят, наградят посмертно, скажут о нем много хороших и правильных слов и выпьют за упокой его нехристианской души. Короче, этот вариант устраивал всех, кроме самого Шахновича. На раздумья не было времени, и вдруг все видят, как он снимает с себя шинель, прикладывает к ноге сапёрную лопатку и начинает заматывать ногу своей шинелью.

Однополчане недоумевают. Шахнович ложится на спину, поднимает обмотанную ногу и затыкает ею амбразуру пулемета, буквально вставляет в горло этого ненасытного чудовища. Пулемёт захлебнулся на несколько секунд, и это решило судьбу боя.

Ура-а-а ! Высота была взята. Он был жив с немного искалеченной ступнёй. Командование выполнило своё обещание – Шахновичу присвоили звание Героя Советского Союза и после госпиталя на радость семье вернулся в родной Баку, вернулся молодым, прихрамывающим, без специальности. Пошёл работать в сферу торговли и параллельно учился заочно в Московском институте народного хозяйства, который окончил в 1958 году. Так народная молва передавала Великую Легенду о нашем земляке из уст в уста.

[Дополнительная информация о Мусе Давидовиче Шахновиче, которую я нашла в официальных документах и которые останутся положительным примером для потомков, в приложении 7]

Жил Шахнович на улице Басина и сначала работал в соседнем гастрономе. А затем он стал директором второго гастронома города. Первый – Продмаг на ул. Ольгинской, второй гастроном на углу ул. Корганова и Торговой, так и называли в народе "гастроном Шахновича".

Во время очередного благоустройства города в сквере имени 26 Бакинских комиссаров основали аллею, где были выставлены портреты героев – граждан Азербайджана. Был среди них и портрет Шахновича. Весь город гордился земляком – Героя за просто так не дают...

Легенда – на то и легенда, что в ней есть место фантазии, что есть некая героизация и преувеличение, но всё-таки что-то в этой легенде меня смущало. Если герой был в такой близости от врага, почему же он не мог воспользоваться автоматом, наганом, гранатой?.. Я ни с кем не делилась своими сомнениями, а ответ я неожиданно получила на каком-то концерте. Звучали песни военных лет. После песни "У деревни Крюково" (Музыка Марка Фрадкина, слова Сергея Острового), я вдруг вспомнила нашего Шахновича

Шел в атаку яростный

Сорок первый год.

У деревни Крюково

Погибает взвод.

Все патроны кончились,

Больше нет гранат...

Их в живых осталось только

семеро

Молодых солдат...

И любимый всеми Юрий Никулин в своей автобиографической книге вспоминает: *Когда противник был уже совсем близко, нам приказали: "Ждите*

распоряжений, а пока держитесь до последнего патрона!" А у нас на пятёрых три допотопные бельгийские винтовки и к ним сорок патронов.

Легенда приобрела черты реальности...Больше никаких вопросов не было...

Кроме своего громкого имени и звезды Героя на груди, он умел ладить с начальством, был хорошим директором. Гастроном был образцовый, там было чисто, вежливые продавцы, часто "давали" дефицитные продукты, аккуратная очередь, без шума и драк, соблюдался порядок.

Так вот, вышеуказанный Шахнович перед Пасхой отгружал синагоге тонну муки для самой кошерной, законной синагогальной мацы. Несомненно он согласовывал эту сделку с вышестоящими органами и проводил это через свой магазин, а значит, выполнял план. Нет нужды говорить, как были благодарны бакинские евреи товарищу Шахновичу.

Умер он в 1982 году и похоронен на еврейском кладбище в Баку.

=====

Глава 25

Подошли к магазину. Очередей было две, одна, длинная, начиналась у двери магазина и заворачивала за угол. С другой стороны двери стояла ещё одна небольшая очередь из участников и инвалидов войны. Дежурный продавец запускал по десять человек из большой очереди и два человека из малой. "Давали" уксусную эссенцию – очень дефицитный товар. С весны в Баку хозяйки начинали заниматься соленьями и маринадами. Первым поспевал молодой чеснок. На всех окнах, греясь на солнышке, стояли трёхлитровые баллоны с чесноком. Процесс длился сорок дней. Потом наступало время зелёного стручкового перца...

Так вот, уксусная эссенция продавалась в треугольных бутылочках с делениями на грани. Следовало вылить в другую ёмкость одно деление эссенции и добавить девять-десять частей воды. А неразбавленную эссенцию надо было спрятать от греха подальше. Тётки на базаре рассказывали душераздирающие истории о самоубийствах молодёжи, в знак протеста выпивавших чистую эссенцию.

Очередь шла быстро – товар штучный. В одни руки отпускали по две бутылочки. Вика с Ваней тоже взяли – раз есть возможность, как не взять?

И вот, наконец, они поднимаются по широкой лестнице к тёте Белле. На площадке обе двери открыты – тётя Белла беседует с соседкой Верой Мангасаровой, женой художника.

– Ах, мой дорогой, как я рада, что ты пришёл. И не один! Какой сюрприз!...

Проходя мимо распахнутой двери художника, Вика с Ваней невольно заглянули туда.

– Заходите, если интересно посмотреть, – пригласила тётя Вера.

Мангасаров Шмавон Григорьевич (1907-1992). Окончил «Азербайджанский художественный техникум» в 1927г., а с 1929 г. один из учредителей и членов Азербайджанского общества работников революционного изобразительного искусства («АзОРРИИС»). Участник Объединения молодых художников Азербайджана (ОМХАЗ). Заслуженный художник Азербайджанской ССР. Член Союза художников СССР.

Дети осторожно вошли. Две огромные полупустые комнаты, окна без занавесок, лампочки свисают на голом шнуре без абажуров или плафонов,

солдатские кровати, покрытые такими же солдатскими одеялами. За столом сидела девочка в очках лет четырнадцати, очень внимательно посмотрела на входящих. (Дочка художника Таня, которая училась со мной в одном классе.) Два пацана тоже прекратили свои занятия – видимо, к ним не часто приходили посетители.

Все стены были увешаны картинами. Их было много, разных. Разных и по тематике (от сборщиц хлопка до нейтральных пейзажей), и по стилю (от чётко выписанного реализма до авангардизма, импрессионизма, супрематизма и других "измов")

Одна огромная картина стояла, неловко прислонённая к стене, как будто её только принесли или вот-вот должны унести. На ней были изображены азербайджанские доярки с коровами. Картина была в стиле плакатно-красочного соцреализма, но всё равно её захотелось рассмотреть поподробнее. Хотя солнца не было видно, но чувствовалось, что это раннее утро. Несколько черноволосых и чернобровых доярок в белых халатах, коровы с тёмно-бурыми пятнами, на переднем плане ведро только что надоенного молока. Утренние

лучи окрашивали молоко чуть-чуть розовым нежным светом. Потрясающие цвета! Как удивительно точно подобрал художник оттенки и травы в поле, и загорелых лиц доярок, и этого свежего молока!...

Когда они выходили, Вика заметила в самом углу за дверью под вешалкой небольшую картину: на тёмно-синем фоне неба ярко светила луна и всю картину пересекала чёрная голая ветка. Небо было таким глубоким, бездонным, что дух захватывало. Только ночью в поле, когда один на один с природой, можно было увидеть такое. Какой же он великий мастер находить такие краски!

Вера заметила с каким восторгом смотрела Вика на эту картину.

– Нравится?

– Очень.

– Мне тоже. А скажи, твою маму зовут Софья Семёновна?

– Да, а откуда вы знаете?

– Мы когда-то работали вместе. А ты очень на неё похожа. Передай ей большой привет от меня.

– Спасибо. Обязательно передам.

Когда дети вошли к тётке Белле, та уже хлопотала у плиты.

– Познакомься, тётя Белла, это моя невеста – Ревекка, а *идише мейделе* (еврейская девочка).

Вика смутилась, а тётя Белла уже накрывала на стол, одновременно благодарила за мацу и эссенцию, рассказывала, какие подарки прислал Мойшеле для Вани. (Для неё папа Вани навсегда остался Мойшеле) Рассказывала об успехах своих детей и внуков. При этом она ещё задавала вопросы. Ваня хотел сначала посмотреть подарки, а потом уже садиться за стол, но тётя Белла решила наоборот. Молодой и здоровый аппетит, нагуленный по дороге, был на стороне тёти Беллы, и дети сели обедать. За едой она, не уставая, подкладывала им ещё и ещё кусочки повкуснее и рассказывала о соседях.

Художник со своей семьей живут очень бедно, практически на зарплату жены. Он не подхалимничает, не рисует портреты начальников и членов политбюро для парадов. Эту большую картину ему заказала Третьяковская Галерея – им нужны были по несколько картин из каждой союзной республики. Чтобы и манера исполнения, и тематика были строго выдержаны в стиле... сами понимаете, советского, интернационального, социалистического реализма. И никаких выкрутасов, никаких иностранных новомодных вредных "измов", никакого низкопоклонства перед западом, чтобы всё было ясно, чётко и понятно!

Жена еле-еле уговорила его нарисовать этих коров, теперь с их жирного вымени что-то им накапает. Он так нервничал, когда рисовал, мол такая ерунда останется от него в истории, в Третьяковке... Хотел даже замазать её, порезать, уничтожить, сообщить в Союз художников о своём отказе...

Сегодня должны за картиной приехать и увезти её. Так Вера послала мужа куда-то по делам, а сама сторожит у двери. Боится, как бы он не пришёл раньше и не учудил что-нибудь.

После еды, наконец, Ваня получил не только костюм на выпускной вечер, а ещё белую рубашку и галстук. В кармане пиджака лежал маленький пакет. Ваня понял, что это какой-то секрет. Как потом оказалось, там были бусы из индийских самоцветов – подарок Вике ко дню окончания школы.

Когда они вышли от тёти Беллы, двери у соседей были уже закрыты.

Значит, всё в порядке – картину увезли. По лестнице поднимался невысокий,

худощавый, грустный, седой и очень лохматый человек. Ваня вежливо поздоровался с ним, но тот даже не заметил. Это был художник Шмавон Григорьевич. Вика с Ваней остановились на площадке, проводили грустного художника взглядом и поцеловались. Первый раз!

Как целомудренны были тогда дети!...

Этот день был бы самым прекрасным в их жизни... Его первую половину они часто вспоминали и даже видели во сне. Но окончился день так жестоко...

=====

Глава 26

В то время, когда Ваня с Викой выходили от тёти Беллы, Софья Семёновна вошла в шумный Ванин двор. Заведующая отделением попросила провести больного мальчика, хоть это и был воскресный день, но безотказная Софья Семёновна не возражала – тем более, что живёт она совсем рядом. У малыша было подозрение на желтуху, а это значит, проверить всех, кто был с ним в контакте, то есть весь двор. Один туалет на всех, скученность, антисанитария... Если диагноз подтвердится, ребёнка в обязательном порядке поместят в больницу, карантин и другие проблемы. Мать принесла пять баночек мочи от всех членов семьи на анализ. В лаборатории сказали что моча во всех баночках подозрительно одинаковая. Чтобы старшего не забрали в больницу, она, вероятно, взяла мочу у самого младшего ребёнка – самую светлую и разлила на пять порций.

Итак, Софья Семёновна вошла в шумный Ванин двор. Кто мыл окна, кто стирал, а кто из ранних пташек уже снимал с верёвок подсохшее бельё и уступал верёвки соседкам. Старшина двора – баба Маруся – учила уму-разуму молодых хозяек.

– Ты почему так слабо выжимаешь бельё? Вот с него вода капает.

– Если сильно выкручивать, особенно трикотаж, то он вытягивается.

– А ты почему вешаешь юбки и платья вниз головой? Так не положено.

– Баба Маруся, отстань, а? Я тебе сто раз объясняла, так потом легче гладить. Не приставай. Я всё равно буду вешать, как привыкла.

Но баба Маруся должна была, просто была обязана, делиться богатым жизненным опытом, учить молодых.

– Ты почему сейчас начала мыть окна? Не успеешь. Через полчаса солнышко на твою сторону глянет.

– Ну и что?

– Нельзя мыть окна, когда солнышко прямо светит. Вот помоешь, а вечером увидишь разводы и пятна.

Новая молодая соседка растерянно смотрела по сторонам, искала поддержки. Может, баба Маруся подшучивает над ней. Какая разница, когда мыть стёкла?

Но другие соседки подтвердили – да, это так.

– Обрати внимание, рано утром соседи с правой половины двора моют окна, а после полудня, когда солнышко к западу клонится, – с левой половины двора.

– Почему?

– Так окна чище вымываются. Не веришь – проверь сама.

Баба Маруся, довольная, что хоть в одном вопросе все её поддержали, первая заметила Софью Семёновну.

– Здравствуйте, голубушка наша Софья Семёновна. К кому это вы в воскресный день пожаловали?

– Я к Захаровым.

– И вправду, что-то ихнего старшого не видать. Занемог что ли? – И в хорошем настроении, что может быть полезной уважаемой Софье Семёновне, побежала предупредить Захарову.

Света в это время стояла в дверях своей квартиры, смотрела на соседей и так хотела какого-нибудь скандала! Настроение было ужасное, болела голова, что последнее время случалось почему-то часто, а после скандала обычно становилось легче. Она как бы выплёскивала всю свою злость на кого-то другого и, удовлетворённая, уходила в свою комнату. Соседи перестали с ней общаться.

А тут вдруг такая удача для неё – появилась Софья Семёновна, которую она терпеть не могла. Вику она не любила, но из-за Вани не могла ничего сказать, а Софью Семёновну просто ненавидела. Лютой ненавистью. Без всякой причины.

– Ты чего сюда явилась, не запылилась? Посмотрите на эту цацу пархатую! (После этого шли нецензурные выражения) Думаешь, ты со своей дочкой сможешь охмурить моего Ванечку? Фигу тебе с маслом! (И показала, какую фигу должна получить Софья Семёновна.) Никогда, слышишь, н-и-к-о-г-д-а мой Ванюша не возьмёт твою ш...! Не мечтай и не надейся!

Софья Семёновна стояла бледная, у неё остановился взгляд и мелко дрожали руки.

Скажите, пожалуйста, как интеллигентный, культурный человек должен реагировать на оскорбление хама? Это самое ужасное, что может с ним случиться. Он стоит, как оплётанный и облитый дерьмом – нечем вытереться и нечем отплатить обидчику. Что сказать в ответ? Он не подготовлен к такой ситуации, он не знает плохих слов, он просто не знает, как их произнести. Сказать "Заткнись, дура!" – так это так слабо, так беспомощно звучит.

Двор замер, потом все разом начали кричать на Светку, и даже две самые ярые защитницы справедливости пошли на неё тараном – у одной из них в руках был таз полный грязной мыльной воды. Света быстро скрылась за дверью и даже заперла её на ключ. Затихла у себя, злорадно улыбаясь. Все соседи бросились успокаивать Софью Семёновну.

Завели её к тем же Захаровым, призывали наплевать на эту пьяницу, не принимать близко к сердцу, искренне уверяли в своих добрых чувствах, напоили крепким сладким чаем с лимоном, каждый что-то предлагал, кто валерианку, кто корвалол, даже нитроглицерин.

Софья Семёновна чай выпила, попросила Захарову завтра подойти с сынишкой к зав. отделением – та при всех обещала. Медленно встала и, несмотря на бледность и слабость, пошла домой. Все соседи, не сговариваясь, посмотрели на бабу Марусю. Она поняла намёк и пошла сопровождать докторшу, развлекая и отвлекая её по дороге разными байками. Довела до квартиры, предложила посидеть с ней, но Софья Семёновна сказала, что скоро придёт Вика, поблагодарила за заботу. И баба Маруся побежала обо всём доложить дворовому сообществу.

Доклад был очень коротким. Она больше не стала проверять, кто как стирает, выжимает и вешает бельё, предоставив молодым хозяйкам полную свободу жить и действовать по собственному разумению, у неё была другая задача. Она стояла у ворот и смотрела на остановку троллейбуса, ожидая приезда Вики. Ведь она первая должна рассказать дочке, что случилось с мамой. Да ещё поделикатнее, чтобы Вика всё поняла, а Ваня, тоже любимый

всем двором, узнал всю правду, но как-нибудь помягче... Так жалко паренька...

Дождалась. Они вышли из троллейбуса такие весёлые, счастливые... Ваня нёс коробку с мацой, а Вика весело размахивала авоськой с эссенцией.

Проходя мимо Ваниных ворот, увидели скорбное лицо бабы Маруси.

– Баба Маруся, что у вас случилось?

– У меня-то ничего. Ты, Викочка, поторопись скорее домой, что-то твоей маме не очень хорошо.

Вика бросилась бежать, а Ваню хитрая старушка удержала за рукав:

– Давай я на тебя обопрусь, а то тяжело мне в гору. Ты меня проведёшь один квартал, а потом и к Вике побежишь.

По дороге она рассказала Ване о скандале, конечно, не упоминая хамских слов. Но Ваня хорошо знал лексикон своей матери и примерно представлял себе, что произошло во дворе.

За секунду он взлетел на второй этаж и остановился у двери. Как зайти? Что сказать? Как просить прощения за поступок матери? Что делать?

Зайти всё равно надо, рано или поздно посмотреть в глаза Софье Семёновне всё равно придётся. Лучше раньше, да и коробку мацы надо отдать.

Дверь была открыта. Ваня поставил коробку мацы на кухонный стол и вошёл в спальню. Вика хлопотала, поправляя подушки поудобнее. Когда она вышла, Ваня подошёл к Софье Семёновне, наклонился над ней, но так говорить было неудобно, и он встал на колени.

– Софья Семёновна, я знаю, что случилось у нас во дворе. Вы сможете, когда-нибудь простить меня?

– Милый ты мой, за что тебя-то? Ты не виноват...

– Только вы Вике не рассказывайте, пожалуйста.

Вика не разрешила маме встать, накормила её супчиком, потом они поели на кухне. Как же ему не хотелось идти домой.

Дома он ничего не сказал матери. Просто перестал с ней разговаривать.

=====

Глава 27

У Софьи Семёновны оказался то ли микроинфаркт, то ли прединфарктное состояние, но врач посоветовал ей постельный режим хотя бы дней на десять. Вика заботливо ухаживала за ней.

Утром Ваня молча уходил в школу, там завтракал в школьном буфете, после школы шёл с Викторией домой, помочь, если надо – сбегать в магазин или в аптеку, но обедать оставался редко – стеснялся. Потом шёл в библиотеку заниматься. Потом шёл с Толиком в столовую.

В классе был у него друг Толик. Классическая неблагополучная семья: отец – алкоголик и злая мачеха, которая вымещала горе своей несчастной жизни почему-то на пасынке. У Толика была старшая сестра Наташа, которая себя в обиду не давала, да и Толика защищала. Взяла один раз большой кухонный нож и пригрозила мачехе, мол, зарежу – ты так и знай. Мачеха ножи с тех пор прятала и Толика ругала без свидетелей.

Сестра устроилась на работу на кухню в столовую какого-то училища. Теперь Толик приходил к ней, и сестра, стоя в окошке на раздаче, щедро его подкармливала. Вечером дома она давала ему просроченные талоны на обед. Назавтра он стоял в очереди к окошку, держа в руках для вида заветную бумажку. Сестра молча брала талон, с суровым видом, чтобы никто ничего не заподозрил, выдавала порцию. Как-то на обед было мясо с кашей. Толик получил тарелку с горкой каши.

– А где же мясо? – спросил он одними губами.

– Иди, иди, поковыряйся там.

Под слоем каши было мяса больше, чем на одну порцию.

Учился он слабовато, Ваня часто помогал ему, занимался, подтягивал по математике, иной раз и подсказывал. Желая как-то отблагодарить Ваню, друг приглашал его с собой в столовую. Сестра не возражала.

Раньше Ваня ходил туда редко, но сейчас эта возможность оказалась весьма кстати. С матерью он не разговаривал и дома не ел. Приходил поздно и сразу ложился спать в каморке дедушки Тимофея.

С другом у них были похожие мечты и планы на будущее. Обоих после школы ждёт армия. Отлынивать даже в мыслях не было. Дедушка Тимофей воевал, был ранен, дедушка Борис погиб на войне. Долг мужчины – пройти военную подготовку, а иначе какой же ты мужчина... А для Толика – возможность уехать из дома навсегда. Оба хотели попросить в военкомате, чтобы их отправили в стройбат. Там кроме всего прочего ещё и деньги можно заработать и чему-то научиться. Для Толика было важно приобрести строительные навыки, а Ваня и так имел дедушкины золотые руки и папины технические мозги.

После армии Толик собирался остаться или на сверхсрочную, или найти какую-нибудь работу по месту службы, но в Баку не возвращаться и потом вызвать к себе сестру. А Ваня после армии поженится с Викой, и они уедут в Новосибирск, поближе к папе, а потом вызовут Софью Семёновну – врачи нужны везде.

Вот такие были мечты у друзей.

В заботах о маме быстро пролетела весна. После выздоровления Софьи Семёновны верный друг семьи Степан Юрьевич настоял и посодействовал на переводе её в поликлинику КГБ. Там Софья Семёновна сидела на приёме, а не ходила по вызовам. Поликлиника находилась на улице Шаумяна, напротив Главпочты, напротив дома культуры им. Дзержинского, в котором так весело проходили новогодние детские утренники.

После выпускных экзаменов, которые прошли без сюрпризов, Ваня пришёл к Софье Семёновне и Вике с тортом и подарком – бусами из индийских самоцветов.

– Софья Семёновна, вы не против, если мы с Викторией распишемся до моего отъезда?

– Не обижайся, Ванечка, два года – это большой срок. Если вы любите друг друга, а я в этом не сомневаюсь, то ничего не мешает вам расписаться после твоего возвращения.

При этом у неё в уме звучали те крики трёхмесячной давности: "Фигу тебе с маслом! Никогда, слышишь, н-и-к-о-г-д-а мой Ванюша не возьмёт твою ш...! Не мечтай и не надейся!"

Память о скандале ещё жгла сердце...

Ваня рассказал ей о своих планах всем вместе переехать в Новосибирск. Софья Семёновна сказала: "Давай поговорим об этом через два года".

=====

Глава 28

Вика подала документы в медицинский, в который был крупнейший конкурс. Туда попадали дети, племянники и другие близкие родственники руководителей партии и правительства, высокопоставленных чиновников, ректоров и проректоров всех вузов республики, известных людей, а также за

большие взятки. Учиться в мединституте было весьма престижно! При этом за оставшиеся 10-20 % мест на совершенно честных условиях боролись рядовые медалисты. Ведь стране, народу, руководителям партии и правительства, высокопоставленным чиновникам и прочим всё-таки нужны знающие специалисты, надо принять достойных тоже.

Степан Юрьевич переживал за Викино поступление в вуз, всё время размышлял и даже по секрету от Вики искал какие-то каналы связи с приёмной комиссией. Но ничего не складывалось. Софья Семёновна успокаивала его:

– Да не волнуйтесь вы, наш дорогой Степан, Вика очень хорошо подготовлена, а если вдруг не поступит, то сначала пойдёт в медтехникум и работать будет нянечкой в больнице. Она всё равно добьётся своего. Она будет врачом.

Тогда Степан Юрьевич настоял, чтобы Вику возил на экзамены его шофёр на служебной «Волге». Каков хитрец! Члены приёмной комиссии, выглядывая в окно, терялись в догадках – кого это, какую важную птицу привозит на экзамен чёрная «Волга», да шофёр открывает девушке дверцу и потом через два-три часа приезжает за ней...

А важная птица – Ревекка Ивановна Иванова – скромная девочка с чёрным бантом в длинной косе, отвечала на отлично и поступила в институт по совершенно объективным результатам.

Ваня с Толиком получили призывные повестки, вместе пошли в военкомат. Их просьба была удовлетворена – мало кто сам просится в стройбат...

Везли их через всю страну на восток. Ваня недоумевал, зачем везти так далеко? Парней с Дальнего Востока везут в Европейскую часть страны, южан – на север и наоборот. Где логика? Служил бы поближе, мог бы получить увольнительную хоть разочек... Но даже без учёта личных интересов тоже непонятно, зачем государство тратит так много денег, перевозя людей туда и обратно. Толик подсмеивался, мол, ты так говоришь, потому что далеко от Вики уезжаешь. О какой экономии идёт речь? Паровозы, составы всё равно едут с запада на восток и обратно. Мы едем бесплатно.

Так и не решив этот важный экономический государственный вопрос, ребята устроились поудобнее на верхних полках.

*Секундная стрелка бежит что есть мочи
Путём неуклонным своим.
Так поезд несётся просторами ночи,
Пока мы за шторами спим. (С. Я. Маршак)*

Доехали до Владивостока. И наступили воинские будни.

Служили ребята в военном посёлке около Владивостока. До города ехать часа три. Письма летели от берега Японского моря до Каспийского и обратно.

Ванечка писал Вике каждую неделю, а иногда и чаще. Папе – раз в две-три недели, а маме – раз месяц, а то и в два. И тётю Беллу не забывал поздравлять со всеми праздниками.

Все ребята завидовали – он получал больше всех писем... Он описывал, как во время нереста ребята наловили корюшки – целое ведро. Она такая вкусная и пахнет огурцами. Отнесли на кухню, повар пожарил, пальчики оближешь... А другой раз эту корюшку засолили. Через несколько дней буквально обжирались малосольной рыбкой. Старшине тоже досталось немало, так он

расщедрился и по секрету принёс баллон пива на всех.

В Баку в магазинах появилась мороженая дальневосточная мойва – близкая родственница корюшки, из одной семьи. Огурцами она не пахла, но тоже было вкусно. И так было приятно, что за тысячи километров Вика ест такую же рыбку, какую и Ванечка.

А ещё случай. Приехал какой-то важный генерал проверять работу: и на стройку ходил, и в казармы, и даже в столовой ел со всеми солдатами, в штабе сидел над бумажками-документами. Всё разнюхивал, нарушения искал. Майор вокруг него вьюном вился. В конце проверки всех построили. Генерал прочёл им короткую речь о том, что надо работать хорошо и даже ещё лучше на благо нашей великой родины, во имя победы... и так далее. Хорошо, что генерал был не слишком болтлив – речь была короткой. В конце он спросил:

– Жалобы есть?

Ваня выступил вперёд. Майор побледнел.

– Разрешите обратиться, товарищ генерал.

– Обращайся.

– Жалоб нет. Всем довольны. Кормят отлично. Да вы и сами ели с нами.

Вот тёплое исподнее к зиме выдали. Так что жалоб нет.

Белое лицо майора медленно начало розоветь. Отходил, значит, от стресса.

– А вот предложение или как бы просьба есть.

– Выкладывай.

– Увольнительные нам иногда дают. А в город никак не съездить, не на чём. А хотелось бы Владивосток повидать. Нас бы хоть разочек за два месяца повезли в город на экскурсию, музей боевой славы или ещё куда... Очень важно для политического воспитания комсомольцев.

Последнюю фразу Ваня ввернул для стоящего позади майора политрука.

– Молодец, правильно рассуждаешь, – и, повернувшись к майору, – хорошие у тебя ребята, позаботься о них. Когда поедете (это означало, что решение уже одобрено), расскажи им о Макарове, Степане Осиповиче, и цветы не мешает возложить.

В центре Владивостока стоит памятник великому русскому флотоводцу Степану Осиповичу Макарову (1848–1904). Вице адмирал, командующий Тихоокеанским флотом, океанограф, полярный исследователь, ученый, кораблестроитель, изобретатель минного транспорта, разработчик теории непотопляемости, пионер использования ледоколов. В 1895 году разработал русскую семафорную азбуку. Погиб во время русско-японской войны в 1904 году.

Ваня детально описывал Владивосток и посылал виды города. Вика тоже писала обо всём подробно: о сокурсниках, педагогах, одноклассниках, о событиях местного баиловского значения. И ещё о том, что в Баку случились землетрясения – несколько толчков в сентябре и декабре. Силой пять-семь баллов. Собаки выли – предупреждали... Люстры раскачивались. А так, ничего, пронесло.

Как-то младший лейтенант в очередной раз с завистью обратил внимание на несколько писем, которые получил Ваня. Разговорились.

– Тебе ещё и двадцати нет, а у тебя уже невеста есть.

– А вам сколько?

– Двадцать пять.

– Так можно по переписке с кем-то познакомиться, а там и подружиться...

Через несколько дней Ваня дал симпатичному лейтенантику адрес Наташи – Толикиной сестры.

– А чего писать? Я не знаю, у меня не получится...

– Ладно, помогу разок.

И Ваня поработал Сирано де Бержераком только два раза, потом лейтенант уже справлялся сам.

В те дни, когда лейтенант сиял, всё отделение знало, что он получил письмо от девушки.

=====

Глава 29

После того скандала в голове у Светки крутились различные каверзные варианты, как разлучить влюблённых. Сценарии один другого круче. Куда там индийским фильмам. Да они не сидели и рядом с её фантазией. Некоторое время спустя она взяла себя в руки, перестала ломать голову, решила, что обязательно что-нибудь придумает перед возвращением сына из армии. Два года – большой срок... Она была твёрдо уверена, что сумеет разлучить молодых.

Вика усиленно занималась, училась с интересом, а гулять (даже с подружками в кино) было без Вани скучно и жалко времени.

На первом курсе к окончанию первого семестра и в честь празднования Нового года в вузе было собрание, на которое никак нельзя было не пойти. Сначала торжественная часть, на которой Вику упомянули, как одну из лучших студенток, а после в столовой были накрыты столы: угощение и танцы. Вика незаметно улизнала. Устала за этот длинный день, да и возвращаться домой поздно одной... Мама обещала встретить её у троллейбусной остановки.

Пожилой водитель троллейбуса знал в лицо постоянных пассажиров.

– Дочка, ты зачем так поздно одна едешь?

– У нас в институте было торжественное собрание, нельзя пропустить. Там ещё концерт и вечер с танцами продолжается, а я раньше ушла. Сейчас ещё не поздно, только темнеет рано.

Троллейбус подъехал к остановке, но водитель не торопился открывать дверь.

– Посмотри, там ребята стоят на углу. Тебе надо мимо них проходить?

У шофёра было трое дочерей, которых он никуда вечером не отпускал. Однако при этом понимал, что когда-нибудь они вырвутся из под его опеки...

– Не беспокойтесь, пожалуйста, вот видите, женщина переходит дорогу. Это моя мама меня встречает.

Софья Семёновна подошла к группке ребят, которые немедленно спрятали папиросы за спину, и хором поздоровались. Они все её знали, она всех их когда-то лечила.

Шофёр увидел, что женщина весьма мирно беседует с пацанами и открыл дверь.

– Спасибо вам. С наступающим Новым годом, – Вика выпорхнула из салона.

Троллейбус всё не отъезжал.

Софья Семёновна между тем вела агитацию насчёт вреда курения:

– Я знаю, ребята, что вы курите и понимаю, что мои уговоры на вас не подействуют. Я только вас прошу, подумайте о Стёпе (Все посмотрели на Стёпу, который смутился и даже слегка опешил). У него с детства, сколько я его знаю, очень серьёзные проблемы с лёгкими. Для него не только курить,

даже стоять рядом с вами и вдыхать дым тоже вредно. Не позволяйте ему курить, если вы настоящие друзья.

– Софья Семёновна, а моя бабушка говорит, что у брата Ленина были ампутированы ноги из-за того, что он курил. А может, она просто меня пугает?

– Скажу вам честно, я не знаю из-за чего у Дмитрия Ильича Ульянова были ампутированы ноги, Возможно, обморозил ноги, а может и курил. Но то, что от курения страдают кровеносные сосуды, знаю точно, и это очень часто приводит к ампутации.

Вика подошла к маме, поздоровалась с ребятами, обняла маму, и они пошли к дому. Когда троллейбус тронулся, Вика помахала рукой водителю.

В группе Вика подружилась со славной девочкой Нигяр, они стали неразлучны. Родители обеих девочек познакомились друг с другом и были довольны выбором друг.

Папа Нигяр занимал какой-то важный пост в милиции. Мама растила детей. Девочки усиленно занимались, изредка выбирались днём в кино, а если были в театре или засиживались у Нигяр дома перед экзаменами, то её папа обязательно отвозил Вику домой на собственной Волге или на милицейской машине.

=====

Глава 30

Быстро или медленно (у каждого скорость течения времени своя) пролетели два года и Ваню ждали со дня на день. Света через день варила свежий борщ. Вика тщательно укладывала свои роскошные волосы в модную причёску под названием "Бабетта". У Софьи Семёновны трепетало сердце от страха за дочь – какую страшную каверзу готовит Ванина мать.

А Светка, действительно, последние два-три месяца ломала себе голову, как бы разлучить сына с Викой. Оболгать её сплетней, что она с кем-то загуляла, не получится – все знают, что это неправда. Тут надо что-то похитрее...

Взяла Ванину фотографию и пошла к ворожее. Та колдовала, колдовала, но по недовольному её лицу Света поняла, что ничего не выходит, хотя деньги взяла. Света ушла злющая-презлющая.

И тут судьба сделала ей подарок. Нельзя было упустить такой верный шанс.

Соседка Людочка, по секрету от мамы, рыдая, поделилась со Светой, что "подзалетела".

Через несколько дней после школьного выпускного вечера класс собрался на вечеринку-проводы у одноклассника, кстати в том же доме, в котором жили Вика с мамой. Несколько одноклассников уходили в армию, несколько – уезжали поступать в институты в другие города. А хозяин дома красавчик Валентин, Казанова школы и карьерист, председатель комитета комсомола (бессменный за последние три года) уезжал из Баку навсегда. Его отец – военный, получив назначение куда-то под Москву, уже уехал. А жена с сыном остались до окончания школы. Теперь уезжают на новое место жительства.

Все девочки бегали за Валентином, все – кроме Люды. Она была девочкой неглупой, понимала всю социальную пропасть, разделяющую семьи, не хотела быть одной из множества его поклонниц, держалась со всеми, и с Валентином, по-дружески, никому не выдавая своих чувств.

А тут и пьяной-то совсем не была, выпила самую малость. Квартира была такая роскошная, сверкала хрусталём в импортной стенке, огромная кровать с шёлковым бельём. Он так красиво ухаживал, обещал вызвать в Москву, помочь с устройством. Где-то в подсознании она понимала, что оставаться у

него ни в коем случае нельзя, но вот так получилось, расслабилась, захотелось красивой жизни... Что теперь делать?

– Тётя Света, миленькая, помогите. Есть же какие-то травки, чтобы выкидыш случился. А официально в больницу пойти не могу – там не примут без матери, а она же убьёт...

– Не части, дай порассуждать. Травки пить опасно, если не подействует, а дитё испортится и уродом родится. На подпольный аборт идти нельзя – от заражения и помереть можно.

Сценарий сразу же созрел в голове у Светки и был с блеском и, заметьте, без единой репетиции, претворён в жизнь. Беременность Люды надо было сохранить для исполнения плана, и она напугала Люду опасностью аборта.

– Сколько?

– Семь дней задержки.

– Ещё время есть. Вот вернётся Ванечка, мы тебя взамуж и отдадим.

– Как это... Ванечка? У него же Вика невеста?...

– Про это забудь. О себе думать надо. Ты слушаться меня будешь?

– Буду...

– Иди бельишко приготовь покрывшись, комбинацию с кружевами или что там ещё. Я как просигналю, так сразу чтобы ты была в красивом белье, а сверху халатик, новый, нарядный. Поняла?

Люда понуро кивнула. Ей очень не хотелось обманывать Ваню. Они росли вместе, он был как старший брат, помогал в учёбе. Хотя его помощь требовалась нечасто, но была уверенность, что есть друг-сосед-брат, который всегда рядом, всегда поможет. А как она будет смотреть в глаза Вике при встрече? Ох, какой неудачный план у тёти Светы...

=====

Глава 31

И вдруг – так часто бывает, ждёшь какое-то событие, ждёшь, а оно случается как-то неожиданно – во двор вошёл потный, запыхавшийся, усталый, сияющий Ванечка с вещмешком за плечом. Весь двор зашумел, все засуетились, старались поздравить его с возвращением, пожать руку, хоть по плечу погладить. Светка дала команду Люде, а сама, широко раскинув руки, пошла навстречу сыну.

Поставила на плиту подогревать борщ и ведро воды и повела Ванечку в комнату. Сняла мешок, начала раздевать.

– Подожди, мать. Я только к Вике сбегать, только покажусь и обратно, борщ ещё не успеет закипеть.

– Куда ж ты такой грязный пойдёшь? Вот вода нагреется, скупнёшься, переоденёшься, я вот твои довоенные вещи приготовила, всё постиранное, чистенькое.

Ване тоже хотелось отмыться от дорожной пыли, он взял ведро едва тёплой воды, взял деревянную решётку, ещё дедушкой сработанную, и пошёл в дворовый туалет.

Прошу прощения за подробное описание туалетной проблемы, но в бакинских дворах вопросы воды и туалета были немаловажны. На верхних этажах туалеты были оснащены унитазами. Каждая семья имела своё деревянное сиденье. Уборка осуществлялась по очереди и зависела от количества членов семьи. Одинокая соседка мыла туалет и выносила мусор один день, семья из трёх человек была дежурной по туалету три дня подряд. Схема понятна. А во дворах был, так называемый, азиатский туалет. В полу

дырка и места для подошв.

Сейчас в Одессе такой туалет интеллигентно называют "турецкой вазой" и даже делают из белого фаянса.

Франция. Помню, как наши туристы (все кроме меня) возмущались азиатским туалетом во время посещения кладбища "Пер-Лашез".

А в Иерусалиме в старом городе в общественном туалете, где несколько кабинок, есть выбор: хочешь – заходи в кабинку с унитазом, а хочешь – с "турецкой вазой". Демократия.

Азиатский туалет имел в густонаселённых бакинских дворах несколько несомненных преимуществ. Его было просто мыть: плеснул полведра воды после себя и все дела. И никаких тебе дежурств и ответственных за чистоту. Ни индивидуальных деревянных сидений, ни залезания ногами на унитаз. А сидение на корточках, как теперь считает медицина, укрепляет тазобедренные мышцы.

И ещё плюс: на пол клали деревянную решётку и при наличии ведра тёплой воды, можно было на скорую руку принять душ. В жаркий летний день что ещё надо? Намылил себя разок и смыл ковшиком. Пять минут, и ты наверху блаженства.

Итак, Ваня пошёл с ведром в кабинку. Света приготовила тарелку борща и стакан компота. И в тарелку, и в стакан она насыпала по две растолчённые таблетки обыкновенного снотворного.

Ваня с удовольствием ел домашний борщ, был доволен видеть трезвую мать, был рад видеть и родной двор, и любимую дедушкину каморку, и повзрослевшую Людочку. Света болтала без умолку, рассказывала о соседях, об общих знакомых, похвалила Людочку за успешное окончание школы и поступление в техникум. По мере того, как Ваня ел, глаза его становились всё более сонными, а как выпил компот, так вообще уронил голову на руки.

Света нежно обхватила сына за талию, отвела в комнату, раздела, уложила в кровать. Сонный Ваня показал пальцем на дедушкину каморку, мол, там моё место, но Света нежно заворковала "Потом, потом там будешь спать, а сейчас здесь на кровати с удобствами после дороги, а я на диване – мне тоже будет удобно" и, довольная, вернулась к ожидавшей её Люде.

Сценаристы Болливуда (центр индийской киноиндустрии) могли бы купить авторские права у Светы на коварный сюжет. Можете брать даром... Света уже никогда на предъявит свои авторские права. Её уже нет на свете... В это время должна играть тревожная и печальная музыка. А впрочем, в Болливуде и других кинофабриках переделали бы конец в счастливый и закончили эту душещипательную историю весёлыми песнями и зажигательными танцами. Как жаль, что не они пишут историю моих героев...

– Будь наготове, – сказала Света Люде строгим голосом, – как эта выдра явится, ты сразу к Ваньке под одеяло шмыгнёшь. Поняла?

– Тётъ Света, а может, не надо, может, как-то иначе? – заныла Люда.

=====

Глава 32

В этот день Вика после института встретилась с мамой, и они вместе возвращались домой. Вышли из троллейбуса и, не спеша, шли к своему дому. На другой стороне улицы, у ворот Ваниного дома играющие мальчишки радостно помахали им: "Ванька вернулся!"

Софья Семёновна удержала рванувшуюся было от неё Вику.

– Не торопись, он сам придёт. А мы пока дома стол накроем.

Дома накрыли стол. Вика приплясывала от нетерпения, выглядывала в окно и на лестничную клетку при малейшем шорохе, но Вани всё не было.

Уже наступил вечер.

Пойти к Ване Софья Семёновна не разрешала. Убеждала, говорила о девичьей гордости.

Вика пыталась объяснить.

– Ну почему, мама? Мы же друзья. А может, он заболел, простыл, пока столько дней ехал. Я только взгляну, скажу "привет" и всё.

Тон мамы стал более категоричным и строгим – таким он никогда не был.

– Нет! Я сказала, ты никуда не пойдёшь! Нет и всё!

Удивлённая, расстроенная и обиженная Вика пошла спать. Софья Семёновна тоже расстроенная подошла к ней.

– Пойми, я хочу уберечь тебя от душевных травм. Его мама против вашей дружбы, она готовит какую-то каверзу, я чувствую это. Я не разрешаю тебе даже заходить в их двор.

Ваня крепко спал. Света не могла понять, почему Вика не приходит. Она знала, что до Вики донесли радостную весть, сама слышала, как мальчишки кричали "Ванька приехал". Допоздна ждала, Люду около себя держала, не отпускала спать, хоть мать звала. Пить с подругой не стала, чтобы не размякнуть, не потерять бдительность, чтобы Ванюша был доволен, видя трезвую мать. В одиннадцать все-таки пошли спать. Света поставила около кровати табуретку со стаканом компота... И Ваня снова заснул тяжёлым сном без сновидений.

Валя рано встала и ушла на работу. Люда в кружевной ночной рубашке и ярком халатике сверху, понурая, сидела рядом со Светой.

Вика с мамой плохо спали эту ночь. Утром Софья Семёновна рано встала, собралась на работу. Вика притворилась, что ещё спит – у неё по расписанию не было первой двухчасовки. После того, как мама ушла, Вика быстро вскочила, собралась и вышла из дома. Она решила заскочить к Ване до занятий, только увидеть его и договориться о встрече.

Почему она не послушала маму? Почему? Первый раз в жизни... Почему?

Светка увидела входящую во двор Вику. Наконец-то! Ах, какая усада для подлого сердца предчувствовать успех злобной каверзы!

– Скорее, Людка, бегом к Ваньке под одеяло. Халат не забудь снять. Я как дверь открою, чтобы ты его по лицу, по голове гладила.

Люда скрылась за дверью. Ваня спал, посапывая, она повесила халат на спинку кровати, залезла под одеяло, стараясь не прикасаться Ване.

– Здравствуйте, тётя Света. Я хотела Ваню увидеть.

– Людочка, разбуди Ванечку, к нему Вика пришла, – елеиным голосом произнесла Света и настежь открыла дверь в комнату.

Вика увидела Ваню, продирающего глаза, рядом с ним лежала, опершись на согнутую в локте руку, Люда. Соскользнувшая лямочка обнажила гладкое плечико.

– Вика-а-а, – радостно пробормотал Ваня и попытался сесть.

Сначала от удара в сердце Вика даже покачнулась, потом побледнела и выскочила.

Ваня пытался сесть, но спустить ноги с кровати ему мешала лежавшая рядом Люда.

– Ты чего? Что ты тут делаешь?

Люда молча встала, надела халат и понурая вышла из комнаты.

Вика пробежала несколько остановок, села на скамейку, долго сидела бледная, без сил, без эмоций, без мыслей... Первый (и последний) раз прогуляла лекции в институте. После нескольких часов шатаний она пришла к верной подруге Нигяр. К кому же ещё?

А Света в это время проводила разъяснительную беседу с сыном.

– Людочка так похорошела, вот ты и запал на неё. Чего там, дело житейское. Вика была давно. Два года прошло, срок большой. А Людочка вот она, рядом.

Ваня не спорил. Он и раньше никогда не возражал матери, понимая, что спорить бесполезно, просто поступал, как сам считал нужным. Начал собираться.

– Ты куда?

– Много дел.

О своих делах Ваня не стал распространяться. Первым делом надо, конечно, увидеться с Викой. Ещё есть важные дела, но это несомненно, наиважнейшее.

Света подтолкнула безропотную Люду:

– Людочка, пойдёшь с Ванечкой. Видишь, как он плохо выглядит. Бледный какой-то. Наверно, у него голова болит, будешь его сопровождать, а то ещё свалится по дороге.

Перед выходом Света шепнула потенциальной невестке, чтобы та держала его под руку.

=====

Глава 33

Вышли со двора.

– Ты зачем за мной идёшь?

– Тётя Света велела...

– Ты как оказалась в моей постели?

Люда стояла, низко опустив голову.

Ваня отвернулся и быстро пошел по улице. Люда бежала сзади, как собачонка.

Первым делом он направился к Вике, но дома никого не было, что было совершенно предсказуемо.

Ваня ещё не осознал всю катастрофичность ситуации. Он думал, что сможет объяснить всё Вике, ведь он ни в чём не виноват, это недоразумение... Он знал Люду всю свою жизнь. Она была на два года младше, росла у него на глазах, слушалась как старшего брата. Ваня советовал, какие книги читать. Изредка помогал с уроками. Он привык к её присутствию в своей жизни. Поэтому бегущая на шаг позади него Люда не мешала ему думать о своём.

В душе росла тревога. Последние два месяца от отца не было писем. Небольшая надежда – может, он, зная о скорой демобилизации Вани, написал ему уже на бакинский Главпочтамт, как раньше. Да и к тёте Белле надо зайти, всех родных повидать – ее внуки, наверное, совсем большие стали. Возможно, у неё можно что-то об отце узнать. Тревога в сердце...

Потом он сел в троллейбус, Люда успела вскочить следом, и поехали на Главпочту. Писем от отца не было.

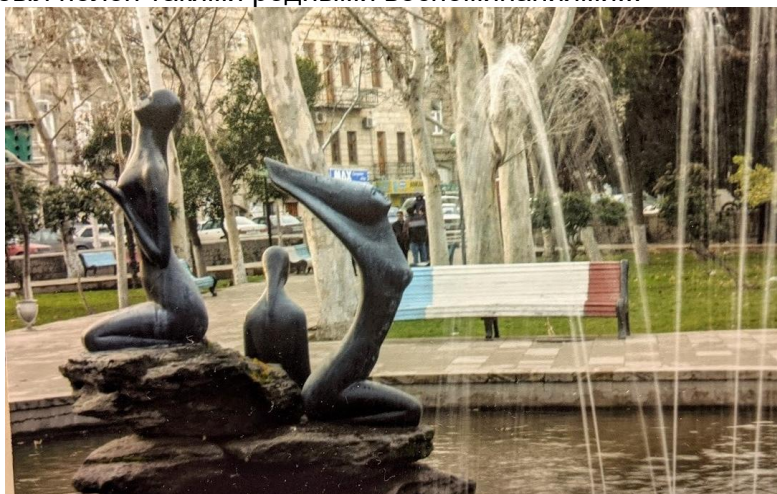
И надо же, чтобы в этот момент (как же судьба бывает иногда коварна!)

Софья Семёновна вышла в перерыв из своей поликлиники подышать морским воздухом, отвлечься от тревожных мыслей за дочку. И увидела на другой стороне улицы Ваню с симпатичной девушкой, выходящих из Главпочты. Русые волосы, два хвостика, короткое платьице, стройные ножки. Девушка держала Ваню под руку и что-то говорила, заглядывая в лицо. Они Софью Семёновну не видели.

Люда первый раз взяла Ваню под руку – она почувствовала, как он расстроился отсутствием писем от отца и пыталась успокоить: "Вот увидишь, ещё будут письма, он, наверно, просто занят сейчас". Ваня освободился от её руки и, как обычно, промолчал.

Потом он пошел к такому милому Молоканскому садику, который был помодному перестроен. Маленький бассейн и "три грации" олицетворяли по замыслу скульптура три закавказские республики – но Ване было не до любования красотой.

– Не ходи за мной, – строго сказал Ваня и взбежал на второй этаж – подъезд был полон такими родными воспоминаниями...

"Три грации" в Молоканском садике

Радостные возгласы, объятия... Ваня сказал, что сегодня он очень занят, придёт через пару дней и тогда посидит хоть весь день. А сегодня у него только один вопрос, есть ли письма от отца. Нет. У тёти Беллы тоже не было писем более двух месяцев, и она сама надеялась узнать от Ванечки хоть что-то. Провожая Ваню, уже в прихожей, тётя Белла спросила:

– Надеюсь, ты придёшь со своей невестой?

Ваня махнул рукой и сбежал вниз по лестнице. Голова раскалывалась от боли, а в висках стучало: Вика! Вика! Он обидел Вику! Как? Зачем? Она убежала. Почему так случилось? И тут он ясно представил себе всю картину: Вика стоит в дверях и смотрит на него, а он лежит рядом с полуголой Людой. Как она попала в его кровать? А как поделикатней спросить у Люды, что между ними было? Ведь он ничего не помнит. Мать намекала, что было! Люда всю дорогу грустно молчала, не надоедала.

Ваня тоже молчал, пришли домой, он ушёл в дедушкину каморку и лёг, отвернувшись к стенке. Он ждал вечера, когда, по его расчётам, Вика должна быть дома. Софья Семёновна пришла домой сама не своя. В это время Нигяр позвонила и сказала, что Вика у них, чтобы Софья Семёновна не волновалась, что её привезут вечером.

Примерно в семь вечера он решился.

– Софья Семёновна, выслушайте меня, пожалуйста. Получилось какое-то недоразумение. Вика увидела меня с Людой и подумала Бог весть что. Я не знаю, как она оказалась рядом со мной.

"Значит, Вика меня не послушала и утром пошла к ним..."

– Люда – это моя соседка, мы просто вместе росли, – продолжал Ваня, – она никогда мне не нравилась. Вы же знаете, как я люблю Вику.

Но Софья Семёновна перебила его.

– Я не хочу разбираться в ваших отношениях, единственное в чём я уверена, это то, что твоя мама – прости за неприятную откровенность – не хочет, чтобы ты и Вика были вместе. Она будет портить жизнь Вике, тебе, мне. Ты хотел уехать к папе в Новосибирск, так уезжай, а там будет видно. Вики нет дома, придёт поздно. Не пытайся с ней поговорить ни сегодня, ни завтра, дай ей несколько дней, чтобы она успокоилась хоть немного, чтобы остыла...

Ваня остался ждать около дома, на противоположной стороне. Дождлся. У подъезда остановился милицейский "Газик", из него вышли Вика, подружка и важный милицейский чин. Ваня догадался, кто это – ведь Вика подробно описывала ему свою подругу, её папу, который привозит её домой поздно вечером. Они проводили Вику до самого подъезда. Девочки обнялись, важный господин заглянул в подъезд убедиться, что там никого нет. Вика махнула им рукой и скрылась в подъезде. Может, Софья Семёновна права, надо дать ей время остыть и успокоиться?

Да-а, "нам не дано предугадать, как наше слово отзовется". Отсрочка выяснения отношений была как раз на руку Светке.

Вечером Софья Семёновна и Вика сидели, обнявшись, на диване, мерцал экран телевизора, шёл какой-то фильм, было лень встать, включить свет или переключить канал, всё равно они не следили за сюжетом. Глотая слёзы, Вика рассказала маме какую жуткую картину она увидела у Вани.

– У неё тёмнорусые волосы, два хвостика, симпатичная мордочка?

– Да. А откуда ты знаешь?

– Я их видела сегодня. Они выходили из здания почты. Я думаю, что всё это козни его мамы. Хотя от этого не легче.

=====

Глава 34

Дел было действительно много. Сначала надо в военкомат. Районный военкомат посёлка Баилов был недалеко. Люда посидела в скверике, пока Ваня там был. Потом паспортный отдел милиции, жилищная контора. Люда всюду, по указанию Светки, тащилась вслед за Ваней.

– Тётя Света велела, – жалобно скулила она и бежала за ним вприпрыжку, едва поспевая за его широким шагом.

Во дворе все соседи видели, что они вместе уходят и вместе приходят, и тихо шушукались, ничего не понимая. Света блаженствовала.

Следующим делом было выполнить поручение Толика – тот кое-что передал сестре. В столовой, где работала Наташа, её не было – готовится к экзаменам в техникум. Надо пойти к ней домой, но Ваня не мог на виду у всех зайти к ним. Вечно пьяный отец мог кричать на весь двор, обзывать дочку непотребными словами за то, что к ней зашёл парень. Тут Люда и пригодилась. Она постучала, очень вежливо попросила девушку выйти якобы по учебным делам. Сели в скверике. Ваня рассказал, что Толик и тот

младший лейтенант, с которым Наташа переписывалась, ждут её с нетерпением. Передал деньги.

– Не тяни. В техникум будешь там поступать. Билеты надо купить здесь Баку – Москва и Москва – Владивосток. От Москвы до Владивостока – семь суток – вот сиди в купе и занимайся. Толик сказал, чтобы билет купила только в купейный вагон, не экономя. Неделю ехать надо с удобствами. Собирайся.

– У меня даже чемодана нет. И отец не выпустит, как я смогу из дома убежать?..

Ребята разработали план. Во-первых, пошли купили не очень большой чемодан, кое-какую мелочь из одежды и несколько банок консервов на дорогу. Всё это забрали Ваня с Людой к себе. Можете себе только представить, как смотрел весь двор, когда вошли Ваня и Люда с чемоданом...

Ещё несколько раз Наташа приносила свои тёплые вещи к ним – собирала багаж. Потом они купили билеты. Все эти хлопоты заняли три-четыре дня. Ещё через несколько дней Ваня с Людой снова вместе вышли со двора (и опять все соседи не могли ничего понять, глядя на них), встретили Наташу на площади Азнефть, поехали вместе на вокзал, посадили в поезд и помахали ручкой. Отправили Толику телеграмму и поехали домой. Люда, по заранее разработанному плану, подошла к Наташиной двери, всунула в щель большой конверт с запиской *"Папа, я уехала к Толику. Не волнуйся. Как приеду, дам о себе знать. Наташа"* и бросилась бежать, сломя голову – уж очень не хотелось нарываться на скандал.

Ваня подал документы в Аз.Гос. Университет на физический факультет. Отправил несколько писем папе и даже написал "Почтовый ящик № xxx. Командиру части". Но всё это время он думал о Вике.

Несколько раз подходил к мединституту, но не мог найти её в толпе. Вечерами поджидал около дома, но присутствие провожающих не давало возможности подойти.

Он выдерживал неделю, как посоветовала Софья Семёновна. А Вика, не зная этого, переживала ещё сильнее. Ведь она ждала – Ваня должен объясниться или хотя бы попытаться, попросить прощения, подойти во всяком случае. Оскорблённые чувства рисовали сцены любви Вани и его подруги, от этого становилось так горько...

Ваня сидел за столом перед тарелкой ароматно пахнущего супа, грустно опустив голову, размышлял, как бы встретить Вику да так, чтобы никто не помешал, чтобы она не сумела увернуться, чтобы выслушала... Людочка сидела рядом (так тётя Света велела) и нехотя ковырялась в тарелке. Обычно она на аппетит не жаловалась. Вдруг мощный рвотный позыв искажил её лицо. Она еле успела схватить ведро из-под рукомойника, куда выдала всю еду, начиная с прошлого вечера. Так как позывы не прекратились, она вместе с ведром выбежала во двор в туалет. Там её продолжали содрогать рвотные позывы, хотя рвать уже было нечем. В конце концов, она умылась под дворовой колонкой, смыла всё, как положено, в туалете. И медленно пошла домой.

– Ты чего это? Съела чего? – спросила Валя дочку.

– Ой ты, моя дорогая, а то не врубаешься... Во-первых, мы с тобой породнимся, во-вторых, бабушками молодыми станем.

– Как это бабушками? – никак не могла понять Валя.

– А так, ты чего не видишь, как наши дети воркуют, как голубки. А от этого детки получаются.

У Вани кровь отлила от лица. Как это, детки получаются? Значит, выходит, у него с Людой ... Он был убит. Просто раздавлен.

Валя начала было кричать и искать свой знаменитый ремень. Люда сидела бледная, сжавшись в комочек, ей было так плохо – она даже не пыталась убежать.

– Прекрати немедленно дочку позорить, – Света схватила подругу за руку и вырвала ремень. – Ничего страшного не случилось, будет у тебя внук законный.

Ваня ушёл в свою каморку, лёг, отвернувшись к стене. Жить не хотелось.

Ночью его кто-то тронул за плечо. Это была Люда.

– Ваня, послушай. Как только дитя родится, так через год или даже раньше мы сможем развестись, я тебе никаких препятствий чинить не буду. Все бумаги подпишу, без всяких претензий. Не переживай ты так. Всё как-нибудь образуется...

Двор волновался. Ваню все любили. Не понимая, что происходит, его просто жалели. Что-то в его судьбе пошло не так.

Новость о беременности Люды "добрые" люди немедленно донесли до Вики. Как же студентка мединститута могла поверить, что всего через неделю после приезда Вани можно говорить о беременности его подружки?! Не слишком ли рано делать какие-то выводы? Но Вика не могла размышлять. Обида заливала и сердце, и разум.

Ване всё-таки удалось встретить Вику и поговорить с ней наедине.

– Вика, Вика... – Говорить он не мог, у него дрожали руки, глаза были полны слёз.

– Я люблю только тебя...

– Понимаю, готова верить и даже простить. Ты хотел уехать в Новосибирск? Как ты будешь жить там со спокойной душой, зная, что здесь растёт ребёнок без отца? Я не могу разрушить чью-то судьбу. Я не держу на тебя зла.

У обоих сердце разрывалось от боли...

=====

Глава 35

Софья Семёновна начала искать квартиру на обмен. Жить в непосредственной близости от Вани, Люды и Светы, сталкиваться с ними на улице и в троллейбусе, а в будущем видеть, как счастливая семейная пара выгуливает дитя в колясочке... нет, этого она и, тем более Вика, не выдержат.

Двухкомнатную квартиру со всеми удобствами они поменяли на одну большую комнату в коммунальной квартире с одинокой соседкой. Зато в самом центре, и до работы недалеко, минут двадцать-двадцать пять пешком, не спеша, и рядом с верной подругой Нигяр и друзьями Софьи Семёновны.

После войны в Баку было построено много красивых зданий силами пленных немцев: Дом правительства, клуб им. Дзержинского, жилые дома для нефтяников и др. В одном из домов для нефтяников, построенных немцами (изображённом на снимке), так называемом «Бузовнынефть», жила Нигяр.

Справа видна невысокая ограда, за ней за деревьями дом, в котором теперь жили Ревекка с мамой и соседкой портнихой Лизой.

Слева в глубине снимка дом с башенкой, на котором находится мемориальная доска, там много лет назад жил всемирно известный ученый – академик Л. Д. Ландау.

У Софьи Семёновны было немного друзей. Сначала война всех раскидала, после войны Ивана Ивановича переводили из одной воинской части в другую, там она заводила приятельниц из числа врачей или медсестёр. А вот самых надёжных, проверенных товарищей военных лет судьба благосклонно поселила в одном городе.

Это был упоминаемый ранее травматолог Яков Беньяминович, который жил не близко, в Завокзальном районе, с большой семьёй и родителями жены. Общались, когда работали в одной поликлинике. Потом часто перезванивались. Его чудесный весёлый папа Беньямин Яковлевич, ежегодно снабжающий всех мацой. А самыми близкими были две сестрички медсестры Фаня и Феня Зингер.

Были они погодки. Некоторые думали, что они двойняшки – так они были похожи. Их так и называли Фаня-Феня. Одну родители называли Фаина, другую Фейга. И хотя имя Фаина имеет греческое происхождение, но после незабвенной Фаины Раневской оно прочно стало еврейским. Это была Фаня. Вторая была Фейга, что в переводе с идиш значит "птичка". Это была Феня.

Были Фаня и Феня из-под Харькова. Когда они пошли получать паспорта, то на вопрос "Как зовут?" наивно ответили "Фаня и Феня". Паспортистка, не размышляя долго о полных или сокращённых именах, так и записала. Вскоре семья перебралась в добрый Баку, который принимал многих голодающих из братских республик, не обращая внимания на их имена. Во время войны сестрички спасали раненых и на поле боя, и в походных медпунктах, и в санитарном поезде, а в конце войны оказались снова в Баку в одном из самых элитных госпиталей, где лечились офицеры высшего комсостава.

Почти все годы они работали с хирургом Борисом Михайловичем, в которого обе были тайно влюблены. Когда его в 1943 году перевели в бакинский госпиталь, он забрал их с собой. Там уже работала Софья Семёновна.

Сестрички помогали ей во время её беременности, помогали растить маленькую Ривочку, радовались благополучному возвращению Ивана после войны, все последующие годы переписывались. А уж какая была радость, когда Ивана Ивановича перевели в Баку на постоянное место службы!

Шли годы, сестрички, увы, прочно оседали в категорию старых дев. Как же было им кого-нибудь найти, если они всегда и всюду ходили вместе. Жили в одной комнате в густонаселённой коммуналке на улице Самеда Вургуня.

Старший брат пропал без вести. Младший, слава Богу, вернулся, обзавёлся семьёй. Сестрички не могли нарадоваться на племянничков – три пацанчика – чудо, какие сладкие. Работали в больнице им. Семашко в хирургическом отделении. Комната, хоть и в коммуналке, но большая, 20 кв. м., с балконом. Соседи все хорошие, уважают, никаких склок. Разве можно жаловаться на судьбу? У других и того хуже.

Коммуналка действительно была неплохая. Восемь семей, у каждой по комнате. Когда-то весь этаж доходного дома снимал инженер-нефтяник, работавший на предприятии Нобеля, немец по национальности. Большой кабинет с маленькой подсобной комнаткой для архива, большая спальня для него и супруги, небольшая спальня для сына и другая, побольше, для двух дочерей, комната для гувернантки и ещё одна большая восьмиугольная зала для собраний, балов или домашних концертов. К этому немцу-инженеру примерно к концу Первой мировой приехала работать гувернанткой у его детей молоденькая Верочка из Владикавказа с хорошими рекомендациями и твёрдым намерением добиться успеха.

(1860-1931 – Владикавказ, 1931-1944 – Орджоникидзе, 1944-1954 – Дзауджикау, 1954-1990 – опять Орджоникидзе, с 1990 – опять Владикавказ).

Что творилось в Баку в эти годы, даже описывать страшно – демонстрации, митинги, погромы, агитмарши. Хозяевами в Баку становятся то турки, то англичане, то какое-то правительство – Центрокаспий (Центральный комитет Каспийской военной флотилии), то власть берет Кавказская исламская армия. Верочка старалась даже на улицу не выходить. В доме собиралось образованное общество, велись философские споры, обсуждались политические прогнозы. На горизонте появились несколько молодых гимназистов-ухажёров, которые с горящими глазами говорили сплошь лозунгами. Самым достойным казался хозяин дома. И его совсем не трудно оказалось соблазнить. Обнаружив измену, жена не стала устраивать скандал, забрала детей и уехала к родственникам в немецкий посёлок Мариенталь Самарской губернии (*впоследствии посёлок Советское*). Только перед отъездом она объявила всем друзьям и знакомым причину отмены всех собраний в их прекрасной зале.

Прошло несколько лет. Весной 1920 года в Баку прибыли части XI Красной Армии на бронепоезде, который назывался "III Интернационал". Красная Армия навела порядок твёрдой рукой и оказалось, что инженер старый, больной, совсем не у дел, и он исчез, видимо, уехал в Мариенталь на коленях вымаливать прощение у жены и детей. А те гимназисты с горящими глазами очень даже выросли. Благодаря тем давним связям, Верочка устроилась на работу учительницей начальных классов, ей оставили её комнатку в большой, когда-то прекрасной квартире, ставшей коммуналкой-общежитием. Верочка затихла, смирилась и почти ни с кем, кроме сестричек Фани и Фени и соседок Полины и Енты не общалась.

В 1946 и 1947 гг. день Победы был нерабочим. И вдруг Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 года выходной был отменён: вместо Дня Победы нерабочим сделали Новый год. (Сталин не пожелал праздновать Победу?..) Однако вся страна, вместе с ветеранами, отмеча-

ла День Победы. В центральных газетах выходили праздничные передовицы, проводились торжественные вечера, концерты и массовые народные гулянья на площадях и в парках. В Москве, столицах союзных республик и в городах-героях были произведены салюты 30 артиллерийскими залпами. (Лишь через двадцать лет, в юбилейном 1965 году День Победы снова стал нерабочим.)

9 мая все были заняты, отмечали праздник в своих коллективах. А на следующий день по традиции друзья собирались у Фани-Фени, чтобы вместе, по-дружески, по-простому, без официоза отметить Великий Праздник.

Уже с марта-апреля Фаня-Феня начинали готовиться к празднованию Дня Победы. Продукты, выпивка (не так чтобы много, но качественно), новые блюда (раньше следовало опробовать незнакомый рецепт), по возможности обновки и недорогие, но значимые сувениры всем гостям на память. Приходили травматолог Яков Бенъяминович с женой и папой – весёлым дядей Бенею, хирург Борис Михайлович, всё ещё одинокий, и Софья Семёновна раньше с Иваном и дочкой, а теперь уж без него.

Из большой застеклённой галереи раздавались весёлые детские голоса, взрывы смеха. У шести семей вместе было одиннадцать детей разного возраста – от 1938 до 1949 гг рождения. Шума было достаточно.

Обычно Фаня-Феня зазывали соседок: Полину, у который муж погиб на фронте, и Енту, у которой муж пропал без вести, наливали им тоже по рюмочке. Долго деликатные женщины не засиживались, не хотели мешать – понимали, что это своя сплочённая военно-медицинская компания.

Когда Вике было лет десять, Фаня-Феня попросили дочку Полины Сашеньку принять Вику в их компанию, а то девочке скучно сидеть весь вечер со взрослыми. Тогда я первый раз увидела Вику. Я там не жила, но часто бывала, с этой коммуналкой меня связывали несколько нитей. Тётя Ента была моя родная тётя, она жила с больным сыном Ароном (Аликом); соседка Саша – моя близкая подруга и одноклассница; Нонна Степановна преподавала в нашей школе историю.

В дальнейшем, изредка, когда Софья Семёновна с Викой приходили в гости к Фане-Фене и я в это время была у тёти, мы немного общались.

Как-то в хирургическом отделении больницы появилась новая активная медсестрица и неожиданно для всех (возможно, и для него тоже) женила на себе хирурга Бориса Михайловича и прописалась в его прекрасной комнате в центре города. А в приснопамятном 1953 году заявила на партийном собрании, что подозревает Бориса Михайловича во вредительской деятельности. Секретарю партийной организации не хотелось "топить" Бориса Михайловича, он решил немного потянуть время, сказал: "Разберёмся..."

Вечером того же дня Борис Михайлович пришёл к Фане-Фене с маленьким чемоданчиком.

– Пока они будут разбираться, я уеду. У меня двоюродная сестра живёт в Адлере. Попробую там пристроиться. – Подарил им колечко и серёжки (от мамы осталась память).

– Вы мои самые близкие люди... Ах, если бы я был патриархом Яковом – сыном Ицхака и Ривки, то смог бы взять в жены обеих, как Лею и Рахель...

Через год Борис Михайлович рискнул дать о себе знать. Прислал поздравительную открытку к празднику Победы. Для всех друзей было большой радостью узнать, что он жив и здоров.

Глава 36

И вот мы возвращаемся в конец 1963 года. Софья Семёновна с Викой живут на улице Самеда Вургуня, через дорогу, почти напротив Фени-Фани. Соседка Лиза у них замечательная. Портниха. Шьёт быстро, качественно и дорого. К ней записывались в очередь задолго. В понедельник утром она принимала заказ, вечером – первая примерка. Во вторник утром – вторая примерка, вечером – всё готово. В среду отдых, прогулка по бульвару, покупки, готовка, звонок следующей клиентке. Четверг и пятница – такая же работа. Она приглядывалась к новым соседям, что за люди, не донесут ли на неё за кустарную нелегальную деятельность? Год назад кто-то всё-таки "накапал" и к ней пришёл фининспектор. Никак не мог придумать и доказать, что она шьёт за деньги. На швейной машинке лежало только одно незаконченное платье. "Себе шью. Что, нельзя?" Не нашёл у неё запасов отрезков тканей, большого количества лекал для разных размеров и фасонов, что обычно бывает у профессиональных портних. Тогда он открытым текстом предложил дать ему определённую сумму, чтобы он отстал от неё.

Ха! Он не знал с кем разговаривает. "Денег у меня лишних нет. Могу в качестве любезности пошить платье вашей жене". Фининспектор попался на эту приманку. Платье жене было сшито, друг Лизы сфотографировал момент примерки, напечатал три фотографии: одну оставил у себя, вторую Лиза подарила заказчице, а третью повесила около своей швейной машинки. Через несколько месяцев фининспектор неожиданно пришёл опять – решил поймать Лизу за работой. Была как раз среда, Лиза стояла у плиты. В этот раз она не была столь любезна.

– Вот посмотрите на эту фотографию. Клиентка попросила пошить, а денег не заплатила...

Глава 37

Света переселилась к Вале – жить вместе стало удобнее, без свидетелей. Люда переехала в комнату Светы, спала на кровати. А Ваня – на диване. После вечерних занятий в университете приходил поздно, и всё чаще рано утром Света заставляла его спящим в своей каморке.

Вика и Ваня теперь жили далеко друг от друга. Не виделись, не сталкивались даже случайно. Вика загружала себя учёбой, летом – работой. Надо было так уставить, чтобы не оставалось времени на раздумья. Ночью иногда снились грустные сны. О чём они Вика, проснувшись, не помнила, но лицо было мокрым от слёз.

1964 год. Люда родила девочку. Назвала Валентиной. Только Света знала, что это в честь её настоящего отца – Валентина. Во дворе удивлялись, вот Людка учудила – и мать Валентина и дочь – Валентина. Ване было всё равно как называли девочку, но неожиданно его переполнило тёплое чувство к этому маленькому живому комочку. Девочка успокаивалась только на его руках.

Он учился на вечернем, днём работал. От отца не было никаких известий. Сердце как будто окаменело. Ваня так и жил без эмоций, желаний, никуда не ходил, отговариваясь занятостью. Вдруг неожиданно у него начинало сильно колотиться сердце, и он как будто в каком-то сомнабулическом состоянии раз в несколько месяцев в свободный воскресный день ехал к дому Вики, сидел в небольшом скверике и смотрел на её подъезд. Иногда случалась большая удача – видел Вику издали...

Так шли, бежали, летели годы.

*Нет, мы не стали глуше или старше,
мы говорим слова свои, как прежде,
и наши пиджаки темны всё так же,
и нас не любят женщины всё те же.
И мы опять играем временами
в больших амфитеатрах одиночества,
и те же фонари горят над нами,
как восклицательные знаки ночи.
Живём прошедшим, словно настоящим,
на будущее время не похожим,
опять не спим и забываем спящих,
и так же дело делаем всё то же.*

(Иосиф Бродский)

Ваня жил как во сне, не чувствуя времени, как под гипнозом. Неожиданно замечал он холодный сильный дождь с ветром... но ведь только вчера было лето?.. Светка иногда грустно смотрела на него, и в глубине души ее шевелились жалость и раскаяние, которые она быстро изгоняла...

Маленькая Валечка росла боевой девчонкой. И во дворе, и в детском садике лупила всех, если кто-то смел ей возражать. Ни мама, ни обе бабушки не могли с ней сладить. Слушалась только Ваню, а он редко бывал дома.

1970 год. Ваня добился определённых успехов в своей исследовательской работе в лаборатории, был несколько раз в командировке в Питере у самого профессора Соломона Мееровича Рывкина, познакомился с Жоресом Ивановичем Алфёровым, восходящей звездой отечественной физики, будущим лауреатом Нобелевской премии. Казалось, его глубокая депрессия начинала понемногу отступать. И он в очередной раз в воскресный день не пошёл с маленькой Валею на берег моря собирать ракушки, а поехал на улицу Самеда Вургуня увидеть Вику хоть издали. В глубине души возникла крамольная мысль: может, подойти и поговорить?

Он, по обыкновению, сидел в скверике и думал или ему казалось, что он думает. Нет он не думал, голова была совершенно пустая, как при медитации. Вдруг он увидел, как около её дома остановилась машина. Из неё вышел нарядный мужчина с букетом цветов, вошёл в подъезд и через несколько минут вышел... вместе с Викой... Она была в белом платье и в фате...

Вика выходила замуж... Его Вика...

=====

Глава 38

Верный друг семьи Степан Юрьевич, помогавший при переезде и позже не оставляющий без заботы семью друга, отвёз как-то Софью Семёновну на консультацию к знакомому врачу кардиологу. Молодой врач работал в военном госпитале, заканчивал диссертацию, был знающим и уважаемым специалистом. Вика, конечно же, поехала с мамой. После осмотра, кардиограммы и прочих обследований, в кабинет зашли Вика со Степаном Юрьевичем, и кардиолог стал объяснять своё видение проблемы. Софья Семёновна и Вика стали задавать вопросы, медицинские термины заполнили всё пространство кабинета. Степан Юрьевич только хлопал глазами, пытаясь хотя бы по интонации понять, насколько серьёзны эти латинские заумные слова.

Борису Эммануиловичу – так звали кардиолога – понравилась Вика. Он не растерялся, назначил следующую проверку через две недели, потом напросился в гости, и мудрой Софье Семёновне стало всё ясно. Единственное, что его смущало, так это десятилетняя разница в возрасте. Скоро он понял, что Софью Семёновну эта разница не смущает, что она очень даже ЗА, и начал медленную и деликатную осаду.

Он доставал билеты на все гастролы приезжавших в Баку знаменитостей. Сначала три билета – для Нигяр тоже. Потом у подруги появился кавалер, одобренный родителями. И Вика ходила в театры, кино и концерты с Борисом. Он был симпатичный, начитанный, прекрасный специалист, остроумный рассказчик, добрый, славный интеллигентный человек. У них было много общего. Вика, конечно, не влюбилась в него, но из всех мужчин на свете, кроме Вани, общаться было приятно только с ним. Борис сделал ей предложение и сказал, чтобы она сразу не отвечала. Он будет терпеливо ждать положительный ответ сколько понадобится...

А тут ещё мама постоянно убеждает – человек не должен быть один. А женщине нужен не только муж, но и дети. Самый веский довод: "Когда меня не будет, с кем ты останешься?"

Наступило важное время принятия решений – госэкзамены, распределение специалистов. Почти все девочки уже были окольцованы. Нигяр год как была замужем и ходила на экзамены с выдающимся животом.

И Вика решила круто изменить свою жизнь. Через год она родила дочку, назвали Дианой.

А Ваня повёл Валечку в школу. Шёл 1971 год.

=====

Глава 39

Когда Вале было десять лет, сотрудник уговорил Ваню поехать с ним и его семьёй на Северный Кавказ. Ваня взял Валю и поехал с ними. Сняли лачугу в каком-то посёлке. Целыми днями бродили по "долинам и по взгорьям". Посетили Лермонтовские места. Сотрудник тренировал своего семилетнего сына, обещал уже на следующий год взять его в настоящий турпоход. Сотрудник был увлечённым туристом, списывался с такими же заядлыми любителями дальних походов со всей страны. Они приезжали, слетались, собирались в предгорьях Урала, Алтая или ещё где-то и две недели шли с проводником – руководителем тургруппы по лесу, разбивали палатки, варили кашу на костре, кормили собой комаров, пели песни и чувствовали себя свободными людьми. Он так интересно рассказывал, что Валя загорелась и весь год уговаривала Ваню тоже участвовать в походе. Обещала слушаться, хорошо учиться, больше читать, не грубить бабушкам – всё, что угодно, лишь бы вдохнуть романтики, уехать из этого убогого, надоевшего двора. Она всегда добивалась чего хотела.

Вернулись из недолгого отпуска в свой сильно изменившийся за время их отсутствия двор.

Во-первых, похоронили бабу Марусю. Во дворе сразу стало скучно без её замечаний, историй, советов, суетливой помощи... А во-вторых, в посёлке опять случился оползень. Слава Богу, в этот раз жертв не было. Почва плыла медленно, стены трескались, люди успевали выскочить из домов. Несколько домов полностью разрушились.

Интересно, предчувствовали ли звери эту катастрофу?.. В зоопарке (кто будет в такой момент спасать зверей?) погибли многие звери, в том числе

медведь, раздавленный упавшей клеткой, хитрый лев сумел сбежать, но был застрелен.

Проблема времени и предвиденья не давала покоя Ване. Особенно его взволновали заметки о Вольфе Мессинге в любимых журналах "Техника молодёжи" и "Наука и жизнь". Как бы поговорить с ним?.. Может, он сможет объяснить, как обогнать время и узнать будущее? Но не получилось...

В отличие от любого из нас, Мессинг знал день и час своей смерти... Вопреки всему, перечёркивая весь опыт провидца, пытался надеяться – не на Бога, на врачей. Умолял власти позволить ему вызвать за свой счёт уже тогда прославленного Дебейки (американский нейрохирург), который «вытащил» буквально с того света президента Академии наук СССР Келдыша. Ему отказали.

Говорят, уходя в больницу, он обернулся на свой дом и тихо сказал, едва сдерживая слезы:

– Ну вот и всё, Вольф. Ты сюда больше не вернёшься.

Так и случилось. Операция по замене подвздошных артерий прошла блестяще. Тревожиться было не о чем. Внезапно отказали почки... Ночью 8 ноября 1974 года Мессинг умер.

...На просьбу друзей выделить две тысячи рублей для установки надгробия чиновники в Министерстве культуры ответили решительным отказом. Могила Мессинга много лет была фактически безымянной, поросла травой и наверняка затерялась бы, если бы в 1990 году Татьяна Лунгина – его старая приятельница, приехав специально из Лос-Анджелеса, на свои деньги не поставила ему скромный памятник.

(Владимир Кючарьянц)

Прошёл ещё год. Тётя Белла со своими сыновьями, невестками и внуками уехала в Израиль. Тяжело ей было прощаться с родным городом, могилами родителей и сестры, но горше всего оставлять Ванечку. От Моисея по-прежнему не было никаких известий.

Отец – "без вести пропавший" в мирное время...

=====

Глава 40

Света обожала Валечку – во-первых, она олицетворяла её победу над ненавистной Софьей Семёновной, а во-вторых, чувствовала родственную душу, они понимали друг друга с полуслова, несмотря на разницу в возрасте и отсутствие кровного родства. Всё, что интересовало Валю, она выясняла у Светы, делилась некоторыми секретами.

Валя росла очень любознательной и даже любопытной девочкой. Все разговоры между соседями, рассказы ребятишек о родителях, правда и сплетни – всё откладывалось в ячейки памяти, чтобы всплыть в нужный момент. Её острого языка побаивались соседи во дворе. А уж разговоры мамы и бабушек просто невозможно было пропустить. После того, как Валя ложилась спать, Света, Валентина и Люда собирались в другой комнате поболтать. Валя доставала из-под кровати припрятанную полулитровую банку, прикладывала её отверстием к стене и, приложив ухо к доньшку, слушала все их разговоры. Так она узнала, что бабушка Валя нагуляла Люду без мужа, что явилось причиной смерти её мамы. Узнала, что её любимый Ваня был влюблён в некую противную задаваку Вику. Света её зло ругала и

обзывала. Мама Люда молчала, а бабушка Валентина быстро пьянела и шла спать. Света с Людой продолжали разговоры. Ещё они вспоминали какого-то Моисея, который пропал неизвестно как и где, и Ваня сильно переживает. Не сразу Валя поняла, что разговор шёл о Ванином отце. «Значит, её папа не Иван Михайлович, а Иван Моисеевич?..» Валя собирала все сплетни в свою копилку.

Кроме любопытства Валя была очень материально озабоченной девочкой. Каждый день получала от мамы 20 копеек на завтрак в школе, и от Вани целый рубль по воскресеньям, деньги не тратила, копила. Если её посылали в магазин, не отдавала маме сдачу. Но этого ей казалось мало. Она изыскивала другие способы заработка. Иногда бабушка Валя просила у неё трояк в долг. "Вернёшь четыре", – строго говорила любезная внучка и не отходила от бабушки в день зарплаты. Как-то при ней подружка купила у спекулянтки, которая жила в соседнем дворе, пакетик иранской хны. В аптеках продавали хну, но она была не столь эффективной. Валя составила, говоря современным языком, бизнес-план. Она купила у спекулянтки хну – целую *кису* (мешочек). Потом она собрала детей во дворе и объявила, что ей для опытов нужна шелуха от красного лука. Кто принесёт бумажный пакет, полный шелухи, получит мороженое эскимо. Всё должно быть секретно. Если кто-то проговорится и расскажет кому-нибудь, то она вообще перестанет собирать шелуху.

Дома она расстелила старые газеты под кроватью, рассыпала шелуху сушить. Потом толкла её в ступке, просеивала, смешивала с хной, расфасовывала в пакетики, которые были немного больше, чем у спекулянтки. Одним словом, перебила тётке бизнес. Надо сказать, что луковая шелуха весьма полезна для волос. Клиенты были довольны. Таким образом Валя заработала первичный капитал. Когда исходное сырьё закончилось, надо было опять купить кису хны у спекулянтки. Логика подсказывала, что выгоднее брать у первоисточника. Валя проследила за квартирой спекулянтки и увидела, что к ней заходит подозрительно озирающийся молодой человек.

Подошла к нему.

– Ты можешь мне продать хну? Мне нужно целую кису.

– У меня нет хны.

– Как хочешь... Возьму у кого-нибудь другого.

– Ладно. Пойдём.

– Разбежалась. Ты думаешь, я дура идти с тобой куда-нибудь. Принесёшь сюда завтра в 4 часа.

При этом она значительно снизила цену. Парню стало интересно, совсем девчонка, а торгуется по взрослому.

Следующая разработка была более выгодная. Бутылочка с делениями для детского питания, флакон касторового масла, четверть флакона нафталанской нефти и ампула витамина А на масле – все эти ингредиенты вместе стоили в аптеке меньше рубля, а "лечебное масло для укрепления волос", которое она производила, смешивая эти ингредиенты, расходились по 8 рублей на ура (700% прибыли!) Надо сказать, что это действительно хороший состав, волосы переставали выпадать, росли густые и шелковистые. В школе Валя рассказывала о знакомой косметичке, которая якобы жила когда-то в их дворе, а сейчас живёт в центре города, вот она-то и делает "лечебное масло для укрепления волос", продаёт специальную лечебную хну и (внима-

ние!) делает крем от подростковых прыщей. Это было совсем просто: один тюбик пены для бритья она выдавливала в 3 баночки, добавляла в каждую по чайной ложке ментолового зубного порошка и соли, тщательно вымешивала, и крем готов. Его следовало нанести на лицо на 15 минут и смыть тёплой водой. От этого крема прыщики быстро высыхали (500% прибыли!).

Первый план с хной давал "только" 200% прибыли, но Вале не хотелось упускать постоянных клиентов. Да и детки со двора продолжали зарабатывать свою законную порцию эскимо или пломбира. Сдавший свою норму шёл с Валею до угла, где была тележка с мороженым, вся детвора при этом стояла у ворот, следила за счастливымчиком. Это был хороший рекламный прием – зрители старались тоже вырваться в победители.

Как-то она услышала робкий стук, в дверях стояла шестилетняя Ларисочка, красавица и любимица всего двора. Она протянула Вале пакет:

– Тётя Валя, – подняла девчушка свои лучистые глаза, полные слёз, – моя мама покупает только жёлтый лук, я не могу собрать шкурки от красного. Вот целый пакет. Может быть, вам подойдёт такой?

Валю насмешили слова "тётя Валя", умилили, польстили – она не стала анализировать свои эмоции от этого первого признака взрослости, взяла пакет.

– Ну пошли за мороженым.

– Моя мама не разрешает мне выходить за ворота.

– Ладно, подожди.

Она купила два эскимо, и они, вместе сидя во дворе на лавочке, лизали так быстро тающее мороженое и обменивались улыбками.

Этот такой маленький и незначительный эпизод мог бы остаться в памяти на многие годы ощущением прекрасного настроения, спокойного блаженства, полноты жизни, как это бывает у многих эмоциональных людей. Но приятные моменты в жизни Вали быстро испарялись из памяти, возможно, потому, что она их не ценила.

=====

Глава 41

Любители научной фантастики помнят имена писателей, произведения которых в свое время были необычайно популярны: И. Ефремов, братья Стругацкие и др. Ваня зачитывался фантастикой, наверно, с тех пор, как научился читать. А сейчас эти книги давали ему ту отдушину и уход от реальности, которые так нужны были его израненной душе.

Писатели Евгений Войскунский и Исай Лукодянов (двоюродные братья), Максуд Ибрагимбеков, Генрих Альтов, Павел Амнуэль, Константин Мзареулов, Валентина Журавлева, Александр Хакимов, Элизабет Тюдор (Лала Хассенберг) и другие. Все они бакинцы. Еще в начале 1960-х в Баку был создан клуб любителей фантастики – КЛФ.

Любимым писателем Вани был Генрих Альтов. Ваня никогда не думал, что сможет встретиться с ним и дружески общаться. Прозаик, инженер-изобретатель, один из ведущих авторов советской научной фантастики 1960-х гг., совместно с Павлом Амнуэлем разработал шкалу "Фантазия-2" для оценки новизны научно-фантастических идей. Они также составили "Регистр научно-фантастических идей", в котором отмечались идеи реализованные в нашей жизни (космические полеты, лазерный луч и т. д.) Интересно, будут ли осуществлены путешествия во времени, смогут ли учёные сжимать или растягивать время когда-нибудь?..

Жил в Баку очень интересный человек – изобретатель Генрих Саулович Альтшуллер. **[Дополнительная информация об ученом, изобретателе, писателе Генрихе Сауловиче Альтшуллере в приложении 8]**

Он открыл в Баку в начале семидесятых годов первые курсы Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ). Оказывается, можно научить человека изобретать! Год спустя в Баку начал работать первый в СССР Общественный институт изобретательского творчества (АзОИИТ). Здесь Генрих Саулович вел учебный процесс, готовил будущих преподавателей ТРИЗ.

Ваня поступил в АзОИИТ, учился с увлечением. Через некоторое время узнал, что его любимый фантаст Генрих Альтов – это псевдоним его преподавателя Г.С. Альтшуллера. Вот это новость!

=====

Глава 42

Каждые летние каникулы Валя клещами впивалась в Ваню, уговаривая его поехать в турпоход. Наконец, когда ей было четырнадцать лет, сотрудник уговорил Ваню поехать с ним и его семьей – сынишке уже было одиннадцать – на Урал. Запаслись всем необходимым, списались с тургруппой, приехали в город Златоуст. *(Город в предгорьях Урала, на реке Ай, к западу от Челябинска на высоте 400-600 м над уровнем моря.)*

Погуляли по городу, пока собиралась группа. К востоку от города проходит граница частей света Европы и Азии. Все туристы фотографируются: "одной ногой в Европе, другой – в Азии".

Руководитель группы сокрушённо покачал головой – двое детей в группе, как они вынесут все тяготы турпохода, не закапризничают ли... Но его опасения оказались напрасными. Романтика с комарами пополам, необыкновенные пейзажи, красота гор и лесов, песни у костра и споры на разные темы, от политических до философских. Вале всё было интересно. У костра она сидела, положив голову на Ванино плечо, гордилась его умными замечаниями, наслаждалась песнями, которые он пел. Песни были грустными...

Заблудилась моя печаль между пихт и берез.

И не действует по ночам расстояний наркоз.

Расставаясь, шептал: Пустяк. Ведь не видишь же ты насквозь!

Просто что-то не так, не так, что-то не удалось.

А поезд, длинный смешной чудак, рад стараться, твердит вопрос:

Что же, что же не так, не так, что же не удалось? (Ю. Кукин)

Говорили у костра и о гибели туристов группы Дятлова. Ваня не был в курсе этой истории – о ней не сообщала широкая пресса. Следствие было срочно свёрнуто, общественность так ничего и не узнала. Подробности, очень странные и даже мистические, туристы передавали из уст в уста, обсуждали различные версии.

Валя быстро освоилась, как всегда, зорко следила за всеми, и даже подслушивала, когда вечером проходила мимо палаток, о чём говорили люди между собой. И иногда очень умело и едко вставляла в разговор кому-то небольшие шпильки. К концу маршрута отношение к ней изменилось.

Она заметила, что Никита – самый обаятельный парень и общий любимец – незаметно переглядывается с одной из туристок, которая приехала с женихом. Никто ничего не замечал или делали вид, что не замечают. А сами благородные участники этого острого треугольника, видимо, решили оставить выяснение деликатных отношений на потом, не на виду всей группы. В один

из последних вечеров у костра Никита пел "Солнышко лесное" барда Юрия Визбора, песни которого очень любил.

Всем нашим встречаем разлуки, увы, суждены.

Тих и печален ручей у янтарной сосны.

Пеплом несмелым подернулись угли костра.

Вот и окончено все, расставаться пора.

Крылья сложили палатки – их кончен полет,

Крылья расправил искатель разлук – самолет.

И потихонечку пятится трап от крыла...

Вот уж, действительно, пропасть меж нами легла.

Милая моя, солнышко лесное,

Где, в каких краях встретишься со мною?

– Тамара, это он тебе поёт?–спросила Валя елеиным голосом своей бабушки Светы. И хоть бабушка Света не была ей родной по крови, она была ей самой близкой по духу.

Тамара вспыхнула, вскочила, не нашла достойный ответ и убежала в палатку. Также молча и грустно поплёлся за ней её жених. Никита посмотрел на Валю со злостью и болью. Руководителю группы ничего не оставалось, как предложить всем пойти спать пораньше – завтра последний и тяжёлый переход.

В палатке Ваня молча раскладывал спальные мешки, готовил рюкзаки на завтра. Он вообще был очень молчалив, особенно, если был чем-то недоволен.

– Почему ты молчишь? Я не сказала ничего плохого. Я сказала то, что все знают и видят.

– Все молчат потому, что их жалеют. У них не просто походная интрижка, а серьёзные чувства. Никита не отбивает Тамару у жениха, он предоставил ей самой все решать, лишь бы она была счастлива. И её парня жаль, ведь он так страдает, так её любит.

– Как ты Вику?

Ваня ничего не сказал. Его глаза потемнели, а подбородок скривила гримаса боли. Он молча залез в спальник и отвернулся.

На завтра все делали вид, что ничего не произошло, но с Валею никто не заговаривал, сухо отвечали, если она о чём-то спрашивала. Вечером у костра она сильнее прижималась к Ване, видимо, хотела загладить вчерашнюю занозу, трещину. Для Вани это была не заноза, не трещина, а глубокая рана. Он не обнял Валю за плечи по обыкновению, грустно смотрел на огонь. Почему, почему эта девочка такая бессердечная? А Валя, делая вид, что ей холодно, всё глубже залезала Ване под куртку и обнимала его двумя руками.

Тут Никита отыгрался:

– Смотри Ваня, как к тебе дочка прижимается, как Лолита.

И хотя, по-видимому, никто из присутствующих книгу В. Набокова не читал (*русский перевод вышел в 1967 году в Нью-Йорке. В СССР книга была запрещена и впервые увидела свет только в перестройку в 1989 году*), но о ней слышали и по лицам проехали улыбки, улыбочки и ухмылки. Валя, конечно, ничего не поняла, но ухмылки её взбесили. Обидней всего было, что Ваня её не защитил. Она смотрела на Никиту с ненавистью.

Последний совместный ужин, последний обмен впечатлениями, воспоминания о смешных или курьёзных случаях, обмен адресами. Руководитель попросил каждого написать свой адрес, короткий обзор

путешествия, чем доволен, чем – нет и желает ли приехать на следующий год путешествовать в том же составе с тем же руководителем.

Ваня сдал свою записку первым, не показав Вале. Перед окончательным расставанием (из Златоуста поездом до Челябинска, потом самолётом в Москву и, наконец, Баку) руководитель отозвал Ваню и показал листочки остальных туристов – почти все написали, что поедут только, если в группе не будет Вали.

Против Вани никто не возражал.

– Понимаешь, люди едут сюда, чтобы расслабиться. Физически устают, а душой отдыхают. Им не нужно то напряжение, которое эта девочка создаёт. Приезжай без неё.

=====

Глава 43

Лето быстро закончилось. В школе Валя ходила героиней, взхлёб рассказывала о турпоходе. Златоуст, Челябинск, Урал – эти названия звучали экзотической музыкой. Накопилось много заказов. Надо было опять собирать луковую шелуху, сушить, толочь, закупать касторовое масло, витамин **A** и другие ингредиенты, смешивать, расфасовывать. Всё это она делала в комнате бабушки Вали, чтобы зашедшие ненароком одноклассницы не обнаружили её подпольной деятельности. Засадила бабушку Валю толочь шелуху. Света сама вызывалась помогать внучке, которую она очень уважала за предприимчивость. Как-то Валя сильно осерчала на бабушку Валю.

– Ты когда мне отдашь долг? – кричала она. – Толчешь плохо, ничего поручить нельзя и верить тебе нельзя...

Бабушка пыталась оправдаться, руки у неё трясутся и сил совсем нет. Внучка продолжала кричать.

Этой же ночью бабушка Валя умерла, так же, как и её мама – ночью, от переживаний...

Ваня печально смотрел на Валю, и с грустью отмечал полное отсутствие горя, сострадания, хотя бы печали. Неужели ей никого не жалко?..

Вечерние посиделки и подслушивания продолжались. Валя узнала много интересного. В разговоре фигурировали несколько имён Людиных одноклассников. Многие жили недалеко, Валя знала почти всех. Люда ежегодно ходила на традиционные вечера в школе, после которых подробно рассказывала Свете обо всех, кто как был одет, кто каких успехов добился.

Бывший староста Юра до сих пор дружил с бывшим комсоргом Валентином, который жил в каком-то городке под Москвой, лез вверх по партийной линии. Юрка бывал у него дома, рассказывал, что жена у него противная, единственный сын избалованный хулиган, плохо учится.

– А твоя Валька-то почти отличница – гордо и, как казалось, не к месту вставила Света.

– Каждый год Юрка от него мне привет передаёт, помнит небось. Я же тебе рассказывала. А я говорю, зачем привет, пусть на традиционный вечер хоть разочек приедет. Спросил, сколько лет дочке, я сказала мартовская она. Если не дурак, сам посчитает... Обещал в этом году обязательно приехать на традиционный вечер. Вот отрез купила, надо платье новое сшить. Причёску сделаю, ну и всё такое прочее...

У Вали, которая вся превратилась в слух, что-то внутри задрожало.

– А дочку ему покажешь?

– Как же. Такую дочку и показать не стыдно. Умница, красавица, деловая.

– Деловая – это уж точно в папу, – засмеялась Света.

Так Валя узнала правду. Надо было решить как выгоднее использовать этот такой важный, неожиданно появившийся козырь.

Неизвестно, что этот Валентин из себя представляет, а Ваня тут рядом и умный, и кандидат наук, и не жадный. С другой стороны, она в любом случае решила после школы уехать в Москву. А если при этом у неё будет серьёзная поддержка, если новоявленный папаша её признает и поможет устроиться в Москве, то игра стоит свеч.

Год приближался к концу. Люда засуетилась, знакомые дали адрес знаменитой портнихи. Ею оказалась соседка Вики и Софьи Семёновны. Хорошо, что Люда первая увидела Вику, выходящую из подъезда с девочкой, быстро свернула за угол и поспешила домой. Пришлось искать другую портниху. Обо всё этом Валя тоже подслушала. Ужасно захотелось увидеть эту самую Вику...

Наконец, наступил ожидаемый традиционный вечер. Как она потом рассказывала Свете, "полный отпад". Люда выглядела королевой. Все попадали, особенно Валентин. Он остановился на пять дней в Баку в гостинице "Интурист". Все четыре дня Люда провела с ним. А на пятый день взяла с собой дочку.

– Хочу познакомить тебя с моим одноклассником.

В ресторане гостиницы "Интурист" Валя вела себя паинькой. Сидела скромно, не лезла в разговоры старших. На вопросы "папеньки" отвечала чётко, конкретно, умно. Одним словом, старалась произвести самое благоприятное впечатление.

– Что ты собираешься делать после школы?

– Поеду в Москву поступать в Плехановский институт.

– А разве не скучно для молодой красивой девушки работать товароведом или кого там ещё выпускает этот вуз?

– Нет. Это совершенно не скучно. У меня много идей по экономически выгодному ведению хозяйства. На всех предприятиях очень много отходов. Я знаю, как их утилизировать и заработать. Для страны, конечно. Хозяйствовать надо современно, а значит, экономно и с выгодой.

– Она у меня даже луковую шелуху не выбрасывает, – не выдержала Люда, получила толчок ногой под столом и замолчала.

Когда расставались, Валентин поцеловал Люду в щёчку, Валю – в голову и со вздохом сказал:

– Хорошая у тебя дочка!

– Да, **у меня** хорошая дочка, – многозначительно повторила Люда, сделав ударение на "у меня".

"Москва у меня, считай, уже в кармане", – похвалила себя Валя. Москва будет через пару лет, это журавль в небе, хотя вполне реальный, а пока надо максимально использовать синицу в руках – все что можно выжать из Вани.

После зимних каникул Валя стала потихоньку забрасывать удочку:

– Папа, помнишь, туристы говорили, что следующий поход будет на Байкале. Вот там красотища! Поедем, а?

Ваня не ответил.

=====

Глава 44

Жизнь продолжалась, депрессия тоже не оставляла. Огромным усилием воли Ваня заставлял себя не думать ни о чём кроме работы и занятий в

АзОИИТе. Одержимость на работе, голова занята рационализаторскими предложениями и изобретениями. Потом ночь. Снова день, сон, день, сон. Он жил только на работе и на занятиях, остальное время пролетало странно незаметно, как будто его и не было. Иногда он замирал с ручкой в руке, когда должен был написать дату – он не мог сразу вспомнить, какой сегодня год...

*Январь, и что ни день – короче ночь:
светает – раньше, и темнеет – позже,
но времени шагреновая кожа
тесна в груди... Мы, в принципе, не прочь
жить не спеша, секунды смаковать,
быть мудрецами типа Диогена,
но скорость жизни просто офигенна:
чуть встал – а уж пора идти в кровать.*

*Остановись, мгновенье! ты прекра...
сны тоже снятся как-то конспективно:
спи в темпе, вставай оперативно,
и ускоряйся с самого утра –
до темноты, и дальше – в темноту,
под горку, по накатанной дороге,
отнюдь не размышляя об итоге
ни на бегу, тем паче – на лету...*

(Ирина Акс)

Иногда под воздействием какого-то внутреннего толчка его посещало ощущение, что он выныривает из омута времени. Он оглядывался, уточнял, какой нынче год и число, вспоминал какие-то события из жизни. Писал письмо другу Толику во Владивосток, тёте Белле в Израиль, шёл на еврейское кладбище, сидел у могилы бабушки Миры и на русское – к дедушке Тимофею. И в скверике, около дома Вики, сидел без сил и мыслей, часто даже не глядя на её подъезд.

– Как так, прошло 15 лет, как пропал отец, а я даже не пытался разыскать его, сидел сиднем, бездействовал. Писал, ждал и надеялся... Надо же делать что-то.

После очередного Валиного намёка насчёт турпоездки, он сказал:

- Мы в поход не едем, я лечу в Новосибирск.
- А я тоже?
- Нет. Я лечу один. У меня там важное дело.
- И я с тобой, – захныкала Валя.
- Нет. Тебя с собой не беру.
- Ну, конечно, была бы родная дочка, так взял бы...

По своему обыкновению Ваня ничего не сказал, только внимательно и печально посмотрел на Валю и ушёл в свой закуток.

Да... Глупо поступила Валя, отдав свою заветную козырную карту и ничего не получив взамен.

Заявление о том, что Валя не его дочка, не произвело на Ваню шокирующего впечатления. Когда-то давно, его мучил вопрос, был ли он с Людой в близких отношениях в тот день после его возвращения из армии. А вопрос отцовства, важный для многих мужчин, даже не возникал. Дитя, тянущее к нему ручки, бегущее к нему от мамы и бабушек, существовало вне зависимости от того, кто его отец. Она росла сама по себе, такая маленькая и

славная, а выросла такая жёсткая и чужая...

В Новосибирске Ваня записался на приём к Председателю Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР. Показал последние письма отца, несколько его работ в научных журналах. Академик сказал, что, к сожалению, ничем ему не может помочь, ту тематику давно закрыли, потом расспросил Ваню о его деятельности, спросил, не хотел бы Ваня переехать к ним, не сейчас, позже, когда освободится вакансия. Поговорили очень тепло, но бесполезно.

Пошел Ваня и, в так называемый, первый отдел – вотчину КГБ. Там тщательно изучили его, Ванины, документы, его работы, его допуск секретности второй степени и потом тоже сказали, что, к сожалению, ничем не могут помочь. Но может быть хоть с кем-то из сотрудников поговорить?.. Нет, нельзя! Всё... Поездка оказалась бесполезной.

В ночь перед отлётом из Новосибирска Ване приснился сон. Председатель Академии Наук кричал на майора первого отдела:

– Почему ты не рассказываешь сыну, в какую командировку ты послал Михаила Засленко?

– Кого это? Моисея Заслевского? Я его не посылал, он сам захотел.

– Это был большой риск. Ты виноват. Ты не жалеешь людей, ты разрешаешь неоправданно рискованные опыты. Как искать человека после зеркал Козырева?

– А может он появится в будущем?

– Не морочь мне голову дешёвой фантастикой.

Началась драка в стиле иностранных кинофильмов, в которых положительный герой после страшнейших ударов встаёт и побеждает врага. Окончания драки Ваня не досмотрел, проснулся.

Через некоторое время его опять затянуло в омут. Странное время двигалось мимо него иначе, чем для других людей, хотя жизнь продолжалась, депрессия тоже.

В мае 1982 года в баилловском парке состоялось открытие бюста-памятника трижды Герою Социалистического Труда Борису Львовичу Ванникову.

[Дополнительная информация о трижды Герое Социалистического Труда Борисе Львовиче Ванникове в приложении 9]

Ваня случайно оказался рядом и попал в кадр фото-корреспондента. Назавтра Вика увидела репортаж в газете об этом событии, узнала Ваню среди толпы и убедилась, что время вообще ничего не лечит... Время очень плохой доктор. Душа долго болела...

=====

Глава 45

Валя училась в 10 классе, одевалась лучше всех в классе (было на что), училась тоже хорошо – в первой пятёрке. Отвергала всех ухажёров. Она, по замыслу, должна будет встретить в Москве жениха молодого, красивого, обязательно умного, из элитного, высокопоставленного семейства. Она никогда не будет жить в такой дыре, в какой всю жизнь провела её непредприимчивая, неделовая мать.

Тяжело заболела Света. Растерялась. Она, которая всегда была сильной, шустрой, никогда даже насморка не было, вдруг лежит беспомощная, без сил.

Позвала Ваню:

– Сыночек, дорогой, прости меня. Я так виновата перед тобой... Я... Я должна рассказать тебе правду...

Она не могла говорить. Слёзы лились из глаз. Какое позднее раскаяние...

– Ну хватит, мама. Если ты о том, что Валя не моя дочка, так я знаю. А всё остальное, так это судьба...

– Откуда ты знаешь?

– Валя сама сказала

– Вот зараза маленькая.

Последние два месяца Света мучилась, но не роптала. И, наконец, отмучилась....Она отдала Богу душу...

И Бог взял ее грязную душу в свои руки, теплые и мягкие... И вдруг она ощутила незнакомое ей чувство благодатного умиротворения. В руках Бога было так необычайно хорошо! А Господь укоризненно качал головой: "Как можно было так испачкать, испоганить бессмертную душу, которую я дал тебе!... Зачем, зачем ты испортила жизнь себе, своему мужу, единственному сыну, этой чудесной девочке, которую так любил твой сын?" Света молчала и сама удивлялась. Её рот как орган речи никогда не контролировался мозгом и не подчинялся ему – органу управления. Он, рот, агрессивно выступал, набрасываясь на мельчайшее замечание, а тут он молчал... Может, из-за пиетета перед Всевышним, может, просто Света не знала, что сказать. А если бы и знала, то все равно не смогла бы. Душа может радоваться, плакать, наслаждаться или страдать, но не может говорить... Она может только чувствовать.

"О, Господи!" – сказал Бог. Ах, нет, Он не мог так сказать. Он просто тяжело вздыхал, как старый еврей: "Ой-ёй-ёй, ой-ёй-ёй" и тихо ворчал себе под нос: "Напрасно дал людям свободу выбора. Глупость какая! Скучно, видите ли, стало. Забот на свою голову захотелось."

Потом Господь взял душу Светы, черную и закопченную, и начал мыть ее в тазике с теплой водой, помыл два раза с мылом, сполоснул в родниковой водичке, протер чистой тряпочкой, и душа засияла, как кусочек горного хрусталя на солнце. Полюбовавшись своей работой, Всевышний бережно передал обновленную душу ангелочкам, и они отнесли ее в прекрасный, светлый, сверкающий дворец, в котором складировались вымытые души, и положили на соответствующую полочку. А после карантина, психоанализа, обучения медитации и окончательной консультации с психотерапевтом её записали в очередь на реинкарнацию. Очищенные души подлежали реинкарнации – возвращению на землю для выполнения великой миссии, своего основного предназначения – творить добро... Каждый день поступало много новых душ, но рождаться стало меньше и очередь двигалась медленно.

Время шло, бежало, летело...(Как знать вообще, что такое время? Сколько прошло минут, дней или лет?) Пока она стояла в очереди, душа Светы узнала многое. Например, она узнала, что высоко наверху, на красивых, пуховых, обшитых красным бархатом подушечках лежат души совершенно чистые, прошедшие все 12 положенных реинкарнаций и не запятнавшие себя ничем, так, что даже Всевышнему не пришлось их мыть. Каждый день поступает много новых душ, из них так мало совершенно чистых поступает наверх! Когда все души на свете очистятся, тогда придет на землю Мессия и тогда будет... О-о! Что тогда будет!..

И еще она узнала, что у души нет пола, и она может быть реинкарнирована даже в тело мужчины. Интересно, как это ощущать себя мужиком? Но это бывает редко. В основном, как правило, побыла женщиной – будь и в новой жизни снова женщиной.

А самое главное – новое тело для души подбирается не методом случайного тыка, а весьма обдуманно. Если в прежней жизни человек был убийцей, то в следующей жизни он умрет мучительной смертью. Был фашист, антисемит – побудь теперь евреем. Если был расист, то душа его перейдет в африканца.

А что Света? Она не любила не только евреев, не любила многих других, не любила талантливых – просто завидовала.

Долго лежала душа Светы, и ей казалось, что про нее забыли. Она лежала и думала, и думала... Только теперь она начала понемногу раскаиваться и стыдиться. Какую жуткую кару она заслужила за свою злобу, бессердечие! Она вспомнила Вагифку – уродца из соседнего двора. Маленький, весь искривленный, он просил милостыню у входа на базар. Сейчас она вспоминала его и удивлялась – ведь он не озлился от своей судьбы, от беспрерывных унижений! Он безропотно сносил доставшуюся ему участь, даже улыбался, когда к нему с ласковым словом обращались добросердечные женщины. Света никогда не подавала ему милостыню, не говорила с ним, с брезгливостью проходила мимо. А однажды чуть не наткнулась на него вечером в темноте и в сердцах выругалась.

Она сказала... Зачем она это сказала?!.. Господи, я сказала не подумав, я так никогда не думала... Нет, надо быть честной... Перед собой? Перед Вагифкой? Перед Всевышним? Она сказала со злостью и презрением: "Уйди с дороги, противный урод, чтоб ты сдох!" Какое ужасное наказание она заслуживает за это! А вдруг ее душу поместят в такое же искореженное тело и надо будет мучиться всю жизнь и не роптать? Надо будет терпеть, прощать всех обидчиков и все равно делать добро... Нет, нет, она этого не выдержит! Господи, только не это! Я больше не буду такой! Господи, прости, помилуй, не наказывай так сурово!

Наконец, душу Светы отнесли в другой зал, в котором готовили к реинкарнации. Там она начала катастрофически быстро забывать все подробности прошлой жизни. В новое тело было запрещено тащить за собой уроки прошлого...

Валя с Людой переписывались с папочкой – писали в Москву, до востребования, чтобы жена не узнала, – готовили посадочную полосу для Валиного приземления в столице.

На XXVI съезде КПСС в отчётном докладе Л. И. Брежнева прозвучали слова, ставшие политическим лозунгом – «Экономика должна быть экономной – таково требование времени». Валентин написал, что к сожалению, никто никогда не узнает, что это его дорогая доченька первой провозгласила этот тезис своими словами в ресторане гостиницы "Интурист". Папа гордится ею.

После окончания школы Валя уехала в Москву. Поступила на заочное отделение. Папа снял для неё комнатку у какой-то старушки. И на работу устроил делопроизводителем. Раз в неделю привозил продукты. За такой шикарный продуктовый паёк хозяйка квартиры готовила и обстирывала Валю. Через год она перевелась на вечерний, через два – на очный и стала

приглядываться, тщательно перебирая молодых людей, в этом вопросе бывало и с папочкой могла посоветоваться, он при этом был счастлив.

После окончания вуза Валя хорошо устроилась в Москве.

=====

Глава 46

В своё время я тоже увлекалась научной фантастикой, читала Г.Альтова. Узнала о том, что это псевдоним в 1980 году, когда попала мне в руки книжка Г.С. Альтшуллера "Творчество как точная наука". Очень увлеклась, но читать было трудно. Сама пробиралась сквозь дебри – без педагога сложно...

В 1987 году я увидела объявление о наборе в очередную группу по изучению ТРИЗ (Теории решения изобретательских задач) и, конечно, поспешила записаться вместе со старшим сыном-десятиклассником. Преподавал один из учеников Г.Альтшуллера – симпатичный, увлечённый молодой человек. Занятия были очень интересные. Я даже придумала новый вид ножниц для парикмахеров.

Как-то вместо нашего преподавателя пришёл мужчина постарше, сказал, что временно заменяет только на одно занятие, поэтому новую тему разбирать не будем, а только обсудим наши домашние задания, идеи и вопросы.

Через неделю нашей семье разрешили выезд на ПМЖ (после двух отказов), надо было спешить, сын заканчивал школу и на носу был призыв в армию. Курсы мы не закончили.

Недавно в разговоре мы выяснили, что тот заменяющий преподаватель был Ванечка – Иван Михайлович Заслевский. Помню его смутно, всё-таки прошло более 30 лет...

1988-1990 были самые страшные для жителей Баку. Националисты бесчинствовали... Армян изгоняли с работы, с мест проживания, случались погромы, убийства, избиения на улицах.

Многие азербайджанцы спасали, прятали соседей-армян. Люди уезжали, часто бросая всё нажитое добро, лишь бы спасти детей, уезжали в никуда. Русские и евреи тоже подумывали об отъезде. Валя, в связи с обстановкой в Баку, забрала маму к себе.

Друзья Софьи Семёновны уезжали. Травматолог Яков Беньяминович, похоронив папу, укатил с семьёй в далёкую Америку. Фаню и Феню племянники увезли в Израиль. А хирург Борис Михайлович с 1953 года так и жил в Адлере.

Генрих Саулович Альтшуллер любил Баку. Он считал этот город родным, хотя приехал в детсадовском возрасте, но прожил здесь лучшие годы. Около 60 лет он чувствовал себя здесь так хорошо и комфортно! Наконец, начался период признания ТРИЗ за рубежом. Работы Г.С. Альтшуллера были изданы в США, Японии и в других странах, была создана интеллектуальная программа – «Изобретающая машина». Только бы дали спокойно работать... Увы!...

В 1990 г Г.С.Альтшуллер вместе с супругой (врач, писатель-фантаст) Валентиной Журавлёвой переехал в Петрозаводск. Ваня с грустью провожал Генриха Сауловича. И Павел Амнуэль в этом же году эмигрировал в Израиль.

Друзья спрашивали Ваню, когда же он уедет. Ваня отмалчивался. Не мог объяснить, что пока Вика в Баку, он никуда не двинется.

Столько лет кардиолог Борис Эммануилович и, по совместительству зять, берёт сердце Софьи Семёновны! А тут она шла по улице и увидела, как толпа националистически настроенных пацанов, человек шесть, окружила девушку-армянку. Редкие прохожие отворачивались и быстро проходили мимо. А Софья Семёновна не прошла. Она вклинилась в середину:

– Ребята, послушайте меня, – она мучительно искала слова, которые были бы значимыми и весомыми в данной ситуации, – не надо...

Вдруг начала медленно оседать на землю и, чтобы не упасть, схватила одного из них за руку. Пацаны разбежались. Девушка тоже убежала, но, завернув за угол, вызвала из автомата скорую помощь.

В ночь на 20 января 1990 года Советская Армия штурмовала Баку с целью разгрома Народного фронта и спасения власти Коммунистической партии в Азербайджане. В городе было объявлено чрезвычайное положение, начиная с полуночи.

Боевые машины давили любой автотранспорт, попадавший на пути, вне зависимости от того, кто в нём находился. Например, при следовании по Тбилисскому проспекту была обстреляна легковая машина. Один из танков развернулся и раздавил её. Находившийся среди пассажиров 13-летний мальчик выбежал из автомашины и попытался укрыться в безопасном месте, но был убит выстрелом в спину.

Британский журналист Том де Ваал пишет: "Танки переползали через баррикады, сминая на своём пути автомобили и даже фургоны скорой помощи. По словам очевидцев, солдаты стреляли в бегущих людей, добивали раненых. Был обстрелян автобус с мирными жителями, и многие пассажиры, в том числе четырнадцатилетняя девочка, погибли."

Огонь открывали даже по сотрудникам милиции, по врачам скорой помощи.

Дмитрий Фурман и Али Аббасов писали: "Ввод войск сопровождался крайней жестокостью – стреляли по любой движущейся мишени и просто по тёмным переулкам и окнам домов. К моменту объявления по радио чрезвычайного положения уже было убито 82 человека... После этого погибли ещё 21 человек. Из 82 трупов, погибших от огнестрельных ранений, у 44 входные отверстия от пуль – на спине, были и заколотые штыками в спину".

Кинорежиссёр Станислав Говорухин по поводу ввода войск в Баку в 7-м номере еженедельника «Московские новости» от 18 февраля 1990 года в статье «Репетиция?» писал: "В ночь с 19-го на 20-е в город всё-таки вошли войска. Но Советская Армия вошла в советский город... как армия оккупантов: под покровом ночи, на танках и бронемашинах, расчищая себе путь огнём и мечом. По данным военного коменданта, расход боеприпасов в эту ночь – 60 тысяч патронов. На сумгаитской дороге стояла на обочине, пропуская танковую колонну, легковая машина, в ней – трое учёных из Академии наук, трое профессоров, одна из них – женщина. Вдруг танк выехал из колонны, скрежеща гусеницами по металлу, переехал машину, раздавив всех пассажиров. Колонна не остановилась – ушла громить «врага, засевшего в городе»... Из многочисленных показаний свидетелей явствует, что военные, вывозя с мест событий обезображенные, раздавленные военной техникой трупы и отдельные части тел, таким образом пытались скрыть следы совершённых деяний."

Вика с Борисом через день забрали маму из больницы, в которой всё равно не могли оказать нужную помощь – больницы были переполнены, а медицинский персонал заметно поредел из-за увольнения армян. Велели ей лежать дома и никуда не выходить. На следующий день, вечером 21 января сотрудница позвонила и сообщила Софье Семёновне, что их общий знакомый, врач Александр Витальевич Мархевка, невзирая на опасность, ездил на машине скорой помощи, помогал раненым и был убит при обстреле машины на Туркянском шоссе. Ему было всего 35 лет.

Софья Семёновна ушла в мир иной, не дожив неделю до своего 70-летия (1920-1990). В Список жертв трагедии Чёрного января надо внести и её имя... (https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_жертв_трагедии_Чёрного_января)

Вика осиротела.

Кремль мотивировал проведение военной акции необходимостью защиты армянского населения, но на самом деле она проводилась для спасения коммунистической власти. 26 января министр обороны СССР Дмитрий Язов, выступая на пресс-конференции, открыто признал, что целью военной операции было не допустить свержение Народным фронтом власти Коммунистической партии.

Президент США Джордж Буш считал ввод войск в Баку оправданной необходимостью для Горбачёва «поддерживать порядок».

=====

Глава 47

Как-то одного мудреца спросили, сколько ему лет, он назвал цифру, гораздо меньшую его возраста и объяснил: "Я считаю только мои хорошие, счастливые, солнечные дни." Красивая притча... А что этот мудрец делает с несчастными, горестными днями? Их надо забыть? Или тоже надо посчитать и положить на другую чашу весов?

У Вики было много хороших дней. Первые пять лет в её жизни они часто переезжали, сменялись детские садики, квартиры, военные городки... Можно начать считать с 1950 года в Баку. Школа, Ваня, Дом Пионеров, кружки, ипподром, школьные олимпиады, подготовка стенных газет и праздничных вечеров – как бурлила жизнь! Засчитываем их, конечно, в самые счастливые и солнечные дни. До 1961 года, когда так неожиданно и несправедливо судьба забрала папу. Потом мамин сердечный приступ из-за Светкиного скандала. Мама и Ваня скрыли от неё, что произошло тогда во дворе, но "добрые" соседи-таки донесли. Вика глубоко переживала. Потом два года переписки с Ваней тоже можно отнести к хорошим. А потом предательство Вани и разрыв с ним. Это ж какие душевные силы надо иметь, это ж какая тяжёлая гиря ложится на другую чашу весов?..

Семь лет она не жила, она смирилась с тяжёлой болью в сердце, она училась, потом была свидетельницей на свадьбе Нигяр, потом гуляла с Борисом, но боль не отпускала. Постоянная тупая боль в душе...

Любовь. Ятаган? Огонь?

Поскромнее, – куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам – ладонь,

Как губам –

Имя собственного ребенка.

(М.Цветаева)

Только с рождением Диночки немного полегчало. Наверное, просто она сильно уставала и не было ни сил, ни времени на горестные воспоминания... Можно считать эти годы как относительно благополучные.

Но судьба не давала расслабиться и наслаждаться жизнью, успехами дочки, путешествиями. А потом начались такие события в городе, о которых писать не хочется. Из-за этого и умерла мама... Как это пережить?

Через год дочка Диночка вышла замуж. Её избранник Владлен – молодой специалист, окончивший Политех в Казани, каким-то образом попал в Баку.

Вике и Борису Эммануиловичу он не очень понравился. Конечно, он красиво говорит, вежлив, услужлив, но что-то в нём есть скользкое, неискреннее. Отговаривать дочку они не стали. Делать нечего, раз Дина довольна, то и им негоже роптать. Молодые зарегистрировались, и Владлен был прописан к супруге в прекрасную двухкомнатную квартиру Бориса Эммануиловича. А Вика с мужем жили в её квартире рядом с постаревшей портнихой тётёй Лизой, которая почти перестала принимать клиентов.

Вика вспоминала Ваню, как что-то очень-очень далёкое, что-то существовавшее в прошлой жизни...

Через год Вика овдовела. Подряд потеряла маму и такого золотого мужа, самого близкого человека. Сколько тепла, любви и заботы она получала от этого доброго человека. Если бы не рождение внука, которого, конечно же, назвали Борисом, она бы не перенесла такого количества ударов. Теперь она, Вика, осталась главой семьи, ответственной за Дину и маленького Бореньку. Как важно иметь в жизни надёжное плечо, чтобы опереться!

Тяжело быть ответственной... И зачем женщины-дуры рвутся главенствовать? Она стала бабушкой – у неё ответственность, для депрессии нет места. Внук Боренька стал центром семьи, светом в окошке и утешением, бальзамом для душевных ран.

=====

Глава 48

В 1992 году был принят общий закон «О приватизации». А специальный закон №463 «О приватизации жилищного фонда в Азербайджанской Республике» вышел 26 января 1993 года. И уже в феврале Валя примчалась в Баку. Прилетела с бойфрендом, жили в гостинице.

Шесть лет назад она получила ордер на мамину комнату и всю галерею на своё имя. Вероятно, это было не бесплатно. Зачем она это сделала? Тогда это казалось странным и ненужным. А сейчас она одной из первых приватизировала свою квартиру.

– Ванечка, ты не волнуйся, на твою комнатку я не претендую. Но мамина комната и вся галерея – мои.

– А зачем тебе квартира в Баку, если ты сюда не собираешься вернуться?

– Мне нужен склад для моего бизнеса. И ещё, подпиши эти бумаги о том, что у тебя нет материальных претензий к маме. Надо же в конце концов вас развести. Может, мать в Москве замуж отдам, да и ты станешь, наконец, свободен.

Ваня встречал в посёлке школьных друзей, вспоминали всех бывших одноклассников, кто где, чем занимается, как живёт. Ваня узнал, что Вика овдовела, что стала бабушкой. Но пойти к ней, встретиться, поговорить он не мог. Как можно? Ведь прошло, страшно подумать, тридцать лет. Для Вани эти годы пролетели совершенно незаметно. Он чувствовал себя как будто замороженным в тот день, когда увидел Вику, выходящую из своего подъезда

в белом платье и фате. Даже внешне он мало изменился, хотя по всем законам природы тяжёлые переживания, скорбь или горе всегда старят человека. Незнакомые люди едва давали ему 35 лет, а знакомые при встрече поражались: "Да ты, Ванёк, совсем не меняешься".

Нигяр жила недалеко, была верной опорой и поддержкой. Она не работала, вырастила трёх детей, теперь растила внуков. Сын младшей дочери Назимчик, был очень слабенький, и семья всё отодвигала время его определения в детский сад. А Боря с трёх лет ходил в садик, приходя к Назиму в гости, рассказывал о детсадовских играх и концертах. Назим тоже просился. Решили попробовать. Ребёнок сразу заболел. Пробовали ещё два раза, после которых идею отдать внука чужим людям Нигяр навсегда похоронила.

– До школы будет у меня, – твёрдо сказала она.

Вся детская комната была завалена игрушками, всякими современными устройствами, всё двигалось, пищало, светило, но всё это не радовало, когда рядом нет друга. Не было большего счастья, когда приходили Вика с Боренькой. Назим давал ему все игрушки, соглашался играть во все игры, изображать любых сказочных героев, восхищался фантазией друга. Если у Вики были какие-то дела, она всегда могла оставить Борю у Нигяр на несколько часов. Довольны были все. Счастливый Назимка не капризничал, съедал всё, чем Нигяр кормила их. Боренька купался в обожании друга.

Дина окончила мединститут с красным дипломом, уже имела несколько печатных работ, поступила в аспирантуру, работала над какой-то очень серьёзной темой в области нейрохирургии. Когда-то её потрясла прочитанная в медицинском журнале статья о том, что в Перу, в оставшемся от цивилизации инков некрополе, некоторые черепа имеют следы трепанации. Причем специалисты все в один голос по некоторым признакам утверждают, что большинство больных успешно перенесли операцию. Как же так, тысячелетия назад инки смело залезали в святая святых, в череп, в самый сложный орган человека, в самый непостижимый... А мы сейчас только чуть-чуть, на ощупь делаем робкие шаги...

С 1993 года все мысли Вики были связаны с заботой о внуке, чтобы максимально освободить дочку для работы над диссертацией. Так и тянулись её годы, средне-пасмурные.

Дина никогда не жаловалась на мужа. Впрочем, жаловаться не было причин. Ни скандалов, ни даже каких-либо трений между ними не случалось. Владлен был очень замкнутый, никогда не делился своими планами, проблемами, делами. Только как-то проговорился, что мечтает перебраться в Москву, закрутить какой-то бизнес. Был так же вежлив и предупредителен, как и раньше, особенно с дорогой тёщей – Викой. Видимо, чувствовал её настороженность по отношению к себе. Он изредка уезжал в короткие командировки.

Часто Дина засиживалась допоздна в лаборатории. Постепенно они стали чужими, жили как добрые соседи. Иногда Дина думала, вот после защиты она сможет больше времени уделять мужу, тогда они поедут все втроём куда-нибудь на курорт...

1998 год. Диссертация почти завершена. Вика сняла все деньги со сберкнижек, ведь защита – это большие расходы. Из Москвы и Ленинграда приедут оппоненты. Их надо как следует принять. А после защиты должен быть банкет, да такой, чтобы не ударить в грязь лицом, как мечтал Борис

Эммануилович. А потом, после защиты, она с Боренькой и Нигяр с Назимом поедут на море в Мардакяны. Вот это будет замечательный отдых.

Спекулянтка принесла на работу спортивный костюм "Пума", девчата уговорили купить: "Ревекка Ивановна, вы в нём так молодо выглядите!" Уговорили. Будет в чем на отдыхе в Мардакянах щеголять.

И в это же время душу Светы начали готовить к реинкарнации. Она быстро забывала все подробности прошлой жизни. В новое тело было запрещено тащить за собой уроки прошлого...

Она уже не помнила двор, в котором прожила всю жизнь, соседей, с которыми так часто скандалила, не помнила Ревекку, Софью Семёновну и даже любимую Валечку. Последнее, что уплывало из памяти, за что она судорожно цеплялась – образ и имя родного сына, перед которым она так сильно виновата, – таяло, как мороженое на солнце... И горькое раскаяние тоже улетучивалось с памятью. Душа была чиста и готова...

Великий сценарист и режиссер реальности – Создатель мира – решил поместить душу Светы в тело чудной еврейской девочки, необыкновенно талантливой, в будущем великой пианистки. И хотя жизнь у девочки должна быть очень непростой и даже тяжелой, но все равно душа Светы замирала в счастливом предвкушении творческого воодушевления, грома аплодисментов и славы... Был назначен важный момент зачатия.

=====

Глава 49

И тут фортуна бросила на весы Викиной судьбы такой огромный чёрный булыжник, что солнце померкло и наступила беспроглядная ночь.

В этот день Вика завела Бореньку к Нигяр, а сама пошла куда-то по своим делам. Дина задержалась на работе допоздна, так как знала, что Владлена два дня не будет дома.

Наконец, в половине десятого она бодро вошла в свой подъезд. Ключ почему-то не входил в замочную скважину. Она внимательно смотрела на ключ, на замок, пытаюсь понять, в чём тут дело. В это время дверь открыли изнутри.

– Здравствуйте. Вы кто?

– Здравствуйте. А вы кто?

В квартире у двери стояла семья: пожилая дама, супружеская пара и девочка лет тринадцати. Они удивлённо смотрели на Дину.

– Я здесь живу. Это моя квартира.

– Это наша квартира. Мы купили её. Вот документы. А как Вас зовут?

– Диана.

– Ваш муж сказал, что вы уже уехали с сыном в Москву, и что он едет следом. Вот получил деньги и уехал. И за мебель мы ему заплатили.

После смерти Бориса Эммануиловича Владлен приватизировал квартиру. Дина знала об этом. И теперь он продал папину квартиру, с такой родной мебелью, без Дины, тайком, как вор. И Дина, и семья стоящая напротив были растеряны, расстроены. Агрессии не было, они понимали состояние противоположной стороны. Дина стояла белая, как мел, потом повернулась и медленно пошла к лестнице.

Она вышла на улицу. Две мысли терзали душу. Обида! Какой мерзавец, негодяй, вор, подлец... И вторая мысль ещё более важная: как я скажу об этом маме?

Дина услышала топот ног сзади, обернулась. Молодая пара – новые хозяева её родной квартиры бежали за нею.

– Простите, мы беспокоимся за вас. Куда вы идёте?

– К маме.

– Поймите нас, пожалуйста, мы ни в чём перед вами не виноваты. Владлен показал нам все документы, мы оформили купчую через адвоката.

– Я понимаю...

Молодые люди молча довели её до дома и, расстроенные, пошли назад.

Когда она вошла в комнату к маме, то увидела сначала соседку тётю Лизу, которая капала из пузырька лекарство в стаканчик, а потом маму, лежавшую на диване.

– Мама, мамочка, что с тобой? Тебе плохо? Что случилось?

– Ничего, дорогая, я справлюсь. Помнишь, папа говорил, что самое главное – чтобы все были здоровы, а остальные проблемы надо перетерпеть и с горем переспать.

– Я чувствую себя ужасно, – вдруг вступила в разговор Лиза, – как я могла не выйти, не посмотреть, что он тут делает? Строчила, строчила как дура, ведь слышала, как он тут ковыряется.

– Ничего не пойму, о чём вы говорите?

И Вика рассказала дочери, что её обворовали. Унесли всё ценное, ювелирные украшения, серебряные ложечки, рюмочки, подстаканники, новое постельное бельё, два новых пледа, и даже тот новый спортивный костюм, который только вчера её уговорили купить сотрудницы, и, самое главное, всю сумму денег, снятую со сберкнижек, приготовленную для Диночкиной защиты.

В сумочке осталось всего несколько манатов, им завтра продукты не на что будет купить. И самое ужасное, что обворовал её Владлен.

У него был свой ключ, когда он вошел, то крикнул громко:

– Тётя Лиза, это я, Владлен, Я здесь посижу, подожду тещу.

Лиза слышала какую-то возню, но ничего плохого не могла подумать. А потом, минут через 40, он крикнул: "Тётя Лиза, я ушёл", и хлопнула входная дверь.

– Он не только тебя обокрал, и меня тоже. – Каким-то спокойным, мёртвым голосом сказала Дина. Потом из глаз потекли слёзы, всхлипывания, плач перешел в истерику. Пришлось плеснуть ей в лицо холодной водой.

Вика уже забыла о себе, она понимала, что дочка чувствует себя виноватой – она привела такого мерзавца в семью. И тут они обе одновременно подумали о Бореньке. А вдруг этот подлец украл и сына тоже! Они бросились к телефону:

– Алло, Нигярушка, Боренька у тебя?

– Конечно, а где он ещё может быть? Уже поздно, а вас нет, я детей покормила и уложила спать. Так что можете за ним не приходите, жалко будить.

– Нигярушка, дорогая, никому не отдавай Борю.

– Чего-то я не пойму, ты несёшь какую-то чушь. Что у вас случилось?

– Не могу сейчас рассказать. Всё очень плохо...

Хорошо иметь верную подругу. Нигяр быстро собралась.

– Я сбегаю к Вике на десять минут, мне её голос не понравился, что-то у них случилось.

Папа Нигяр тоже собрался. Он сказал, что пойдёт с ней – а с папой в доме Нигяр не спорили. Нигяр оставила мужа дома с детьми, да и завтра ему рано

на работу. Папа решил пойти с дочкой не только для сопровождения. Во-первых, уже поздновато дочку одну отпускать, хоть и живут они недалеко, во-вторых, он давно не видел Вику, к которой очень хорошо относился ещё со времён студенчества девочек, ну, а в-третьих, он со своим милицейским чутьём понял, что его присутствие не помешает. И оказался прав.

Как он кипел от возмущения! Сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев, он ругался по-азербайджански сквозь зубы... Как можно обманывать, обворовывать жену, которую ты, мужчина, обязан содержать, тещу – такую благородную женщину, вдову, которая всё делает для твоей семьи!.. Этот сукин сын нарушает кодекс чести мужчины.

– Ну ладно, я устрою ему весёлую жизнь. Подниму всю милицию на ноги, подам документы на Всесоюзный розыск и даже в Интерпол. Засажу его надолго.

Всю ночь Дина с мамой утешали и успокаивали друг друга.

– Ты знаешь, эти его короткие отлучки и это воровство, возможно, имеют одну общую причину. Может, он играл в карты и проиграл большую сумму денег? ("Хорошо, что он ещё Дину не проиграл", – подумала Вика, но сказать такое вслух язык не повернулся.)

Борис в тяжёлых случаях советовал разбивать проблему на отдельные ступеньки и решать их поочерёдно.

– Деньги, доченька, мы одолжим, причём, не всю сумму разом, у Нигяр и у соседки Лизы, ещё Расул, я думаю, даст. Я его встретила недавно, помнишь, он живёт в той коммуналке, где жили Фаня-Феня. И его брат учился со мной в одной группе в институте, так что мы хорошо знаем друг друга. Он стал "новым русским", открыл свой архитектурно-строительный бизнес. Помог соседке Сашеньке, когда она осиротела. Теперь она уехала в Америку сначала к Ане, потом устроилась в Чикаго. Он очень порядочный человек. Ещё надо бы замок поменять.

– Конечно, деньги можно одолжить, но потом их надо отдавать... Я ещё не скоро смогу зарабатывать, а с твоей зарплаты особенно не разгуляешься.

Вика задумалась. Совет Бориса разбивать большую проблему на несколько маленьких и решать их поочерёдно, несомненно, очень правильный, но мысли не удержишь – они забегают вперёд. Действительно, как они будут отдавать такую большую сумму?

"А если взять ещё ночную смену... Так меня надолго не хватит..."

И тут Вика вспомнила про злополучный спортивный костюм, который её уговорила купить старшая медсестра. И она же, медсестра, читала им письмо бывшей сотрудницы из Америки. Мать-одиночка, зубной врач, оставила сына на родителей и поехала в Америку на заработки. Устроилась в семью ухаживать за малышами. На жильё и еду тратиться не надо. Получает в неделю 350 долларов. А если ухаживать за лежачими стариками, то платят ещё больше. Собирает деньги на учёбу сыну, возможно, в Европе. Ищет возможность для сына учиться по программе обмена студентами. Остаться пока не собирается.

Вся поликлиника гудела, все обсуждали и осуждали, судили и рядили, а то и завидовали.

"Вот оно! Я поеду в Америку и долги буду отдавать оттуда", – решила Вика.

=====

Глава 50

Прошло два дня. Принять решение легко, но начать действовать – трудно. Как? С чего начать? Просто пойти в Американское посольство и попросить визу? Наверное, виза стоит недешево, а потом ещё билет на самолёт. Чемодан. Этот мерзавец взял мой чемодан, наполнил вещами и увёз. Даже такая мелочь, как чемодан и то становится проблемой. Надо купить новый. Одолжить у кого-нибудь можно, если уезжаешь на несколько дней, но не на полгода...

И тут она встретила Расула, что было неудивительно – живут же они почти через дорогу. "Как дела? Какие новости?" – обычный трёп при встрече добрых знакомых. Вика никак не могла начать рассказывать. Как стыдно просить. Как стыдно рассказывать о семейных проблемах, о том, что собственный зять обворовал... Это же такой позор...

Расул болтал, не останавливаясь. Рассказывал о Саше, которая пишет о себе немного, в основном, об архитектуре, присылает проспекты, буклеты и фотографии, которые дают ему новые идеи для бизнеса. Вика старалась вникать, делала вид, что слушает и понимает, о чём это он, но, видимо, плохо получалось.

Вдруг Расул резко остановился почти на полуслове:

– Вика, что случилось?

Она не смогла сразу начать, пыталась в уме сначала сформулировать хотя бы первую фразу. И вдруг разрыдалась у Расула на плече. Он быстро увёл её в свой подъезд, поднялись на второй этаж.

– Посмотри, как я здесь всё переустроил, – Расул старался успокоить её, отвлечь, – помнишь нашу старую коммуналку? Теперь она вся моя. Всю выкупил. В квартире дяди Арташеса мой офис, в большой зале, в которой я ещё не снял перегородку, сидят архитекторы и чертёжники. А остальные комнаты – моё жильё. Если вдруг Саша вернётся, я ей обещал, без крыши над головой она не останется. А больше уже никого из наших нет...

Рассказывая, он быстро заварил чай, налил Вике и себе.

– Пей и выкладывай, в чём дело.

Вика рассказала.

– Так, сейчас у нас три часа дня, в Нью-Йорке, должно быть, утро. – Он подошёл к телефону.

– Что ты собираешься делать?

– Звонить Аннушке, естественно. Должен же кто-то тебя там встретить.

Так я узнала о Викиных проблемах и несчастьях.

Как хорошо, когда за дело берётся деловой человек, к тому же добрый и порядочный. Через неделю у Вики был заграничный паспорт с визой, билет и даже чемодан. Собралась она быстро. Пошла в свою поликлинику попрощаться с сотрудницами. А там как раз говорили о ней.

– Ах, дорогая Ревекка Ивановна, как жаль, что вы не пришли хотя бы на полчаса раньше. Только что из кабинета гинеколога вышла женщина с направлением на аборт.

– Сколько мы её ни уговаривали, не смогли переубедить. Говорит, они с семьёй решили уехать отсюда насовсем, в Израиль или, если получится, в Америку. Мол, как я буду с грудным ребёнком в дороге? Один сын есть и хватит...

– Вы, Ревекка Ивановна, смогли бы убедить. Скольких женщин вы сумели уговорить рожать... Потом с детишками приходили, благодарили.

Наконец, этот важный момент зачатия наступил.

Душа Светы, как было решено по плану, попала в тело необыкновенно талантливой еврейской девочки, в будущем великой пианистки. Это же какая удача! И хотя жизнь у девочки, по сценарию Создателя, должна быть очень непростой и даже тяжелой, но все равно новая, очищенная душа Светы замирала в счастливом предвкушении творческого воодушевления, аплодисментов и славы...

Душа трепетала в радостном ожидании и не знала, что её мама идет в больницу с роковой бумажкой – направлением... После того, как её мама сделала аборт... душу Светы снова поставили в очередь...

=====

Глава 51

Ване приснился отец. Он ничего не говорил, но грустно смотрел на сына. Грустно и даже, как показалось Ване, укоризненно.

– Папа, папа, где ты? – закричал Ваня. Отец молчал. – Что мне делать, папа? Как жить?

Отец ничего не ответил. Махнул в сторону окна и растворился в воздухе. А может, не растворился, просто Ваня перевёл взгляд от него в окно. Там, в раме окна, как на экране, он увидел Вику. Она шла по бульвару в обнимку с дочкой. Они с такой любовью смотрели друг на друга.

Ваня с трудом отвёл глаза от окна, но папы в комнате уже не было... Он опять посмотрел в окно. Теперь по бульвару шёл он сам и вёл за руку маленькую девочку с большим белым бантом. А когда она подняла на него свои прекрасные глаза, оказалось, что это Вика – та самая маленькая Вика, которую он первого сентября 1951 года в первый раз взял за руку.

– Помоги мне, – прошептала Вика.

Ваня стал оглядываться, чтобы понять, где опасность, угрожающая Вике, или подсказка, чем он может помочь. Огляделся, а Вики уже не было...

Назавтра сон приснился опять. Что бы это значило? Ваня стал как будто просыпаться, отходить от тяжёлой болезни. Он размышлял о своей жизни.

Во всём, что случилось, виноват только он сам. Почему он всегда отмалчивается?

Когда-то они с Викторией смотрели фильм, в котором прозвучала запомнившаяся фраза: "Надо бороться за любовь". Они долго иронизировали над ней. Если один человек любит безответно, то как он может бороться? Нет любви и всё тут. Как и с кем надо бороться? С тех пор, если фильм не нравился, то с иронией говорили: "Такая ерунда, там борются за любовь".

И только теперь Ваня понял, бороться за любовь надо с обстоятельствами. Почему он был так слаб, вял, подавлен? Надо было кричать во весь голос о том, что это подстава. Надо было ходить за Викторией с утра до вечера, не отставая ни на шаг и говорить, говорить, говорить... Шесть лет она ждала меня, не выходила замуж. А я, идиот, приходил и смотрел на её подъезд. Шесть лет. Роковые шесть лет, как Вика овдовела, а я ни разу не пытался встретиться с ней.

Шесть лет? Неужели шесть лет прошло, как одноклассник встретил его у школы и рассказал о смерти Софьи Семёновны и мужа Вики? Шесть лет!... Нет, что-то случилось со скоростью течения времени. Оно по-разному течёт, когда ты чем-то занят, когда что-то ждёшь, когда спишь, когда, наоборот, не

можешь заснуть, когда душа страдает, когда она, душа, заперта, неподвижна, парализована...

И сейчас тоже он сидит и ничего не предпринимает. Папа, папа, подскажи. Ей наверняка нужна его помощь, вот папа во сне всё время подсказывает что-то.

Ваня вдруг встрепенулся, оделся и помчался. Он был как в гипнотическом сне. Ноги, не контролируемые сознанием, несли его сами к дому Вики.

Вот он уже звонит в заветную дверь.

Вика сидит с дочкой у собранного чемодана. Страх холодком пробирается в сердце. Что она делает? Оставляет дочку с внуком без опоры, как они будут жить без неё? Сейчас приедет папа Нигяр и отвезёт её в аэропорт. Звонок. Но для папы ещё рано. Кто бы это мог быть? Дина открыла дверь.

– Можно увидеть Вику? – спросил незнакомый мужчина.

– Мама, к тебе пришли.

Вика вышла в коридор, увидела Ваню. Она бросилась ему на шею:

– Ванечка, милый, дорогой, ты пришёл!

Ваня обнял любимую так крепко, как много лет назад, когда-то весной на лестничной клетке у тёти Беллы в подъезде.

Горючие слёзы Вики текли по шее и затекали Ване за воротник.

– Как долго я ждала тебя...

В комнате он увидел собранный чемодан и вопросительно посмотрел на Вику. Выслушал всю историю и сердце остановилось на секунду. Как же так, он только обнимал Вику и тут же опять теряет её. Она думала о том же. Они всегда думали и чувствовали в унисон.

– Мы столько лет ждали этого часа, придётся подождать ещё полгода, – тихо сказала Вика, – теперь я буду там спокойнее. Ты же позаботишься о моей дочке и внуке. Они остаются одни. Только тебе я могу доверить заботу о них. Я буду присылать деньги через Расула. Вдруг этот подлец вернётся. Чтобы не испортил Диночке защиту, и вообще жизнь.

Она говорила сумбурно мешая указания и инструкции, перемежая их восклицаниями "Как хорошо, что ты пришёл! Какое счастье! Наконец!"

Ваня, по обыкновению, молчал. Зачем нужны слова там, где тебя и так понимают?

Я б мог сказать:

– Как сорок тысяч братьев!..–

Я б мог вскричать:

– Сильней всего на свете!..–

Я мог бы повторить:

– Дороже жизни!..–.

Но чей-то голос

вкрадчиво и тихо

нашептывает мне, напоминая,

как мало можно выразить словами,

а это все – слова, слова, слова...

И все-таки

всей грешной моей плотью,

душою всею,

клеточкою каждой,

всем существом моим

ежеминутно

не я, но тот,

во мне живущий кто-то,

опять кричит:

– Как сорок тысяч братьев!..–

и вопиет:

– Сильней всего на свете!.. –

едва ли не навзрыд:

– Дороже жизни!..–

но к этому язык мой непричастен,

но все это –

помимо моей воли,

но все это –

не говоря ни слова

и даже звука не произнося.

(Юрий Левитанский)

Так ко мне приехала Ревекка Ивановна, которую я с радостью встретила в Нью-Йорке. Надо было найти ей работу, обзвонила знакомых, может, кому-то нужен замечательный бекиситтер – детский врач. Случайно нашлось место в Вашингтоне в очень достойной семье.

Об этом периоде её жизни будет следующий роман...

Глава 52

Ванина депрессия исчезла, испарилась, растаяла без следа. Утром он вставал рано, летел к Дине, которая уже стояла в дверях, готовая ехать в мед-институт или в больницу, где шёл эксперимент. Ваня поднимал Бореньку, они вместе завтракали, потом он отводил ребёнка в детский сад, ехал на работу. Там всё разваливалось, почти все работники разбежались, зарплату не платили, поэтому ежедневное присутствие не было обязательным. Но Ваня всё равно проводил там несколько часов, работал – доводил "до ума" свои разработки, усовершенствования.

Потом, наскоро перекусив, ехал к Дине, вникал в техническую часть её работы, в медицинские приборы и установки. Его взяли на должность лаборанта на полставки. Затем забирал Борю из садика, вместе готовили обед к маминному приходу.

Как-то он, открыв входную дверь, почувствовал запах газа. Оставил Борю стоять на лестничной клетке у открытой входной двери, забежал домой, открыл настежь все окна в комнате и галерее. Постучал к соседке Лизе, та спала. Разбудил, открыл окна и в её комнате тоже. Велел ей стоять с Борей за дверью. Затем стал выяснять, откуда идёт утечка газа. Сделал в мыльнице немного мыльной пены, намылил ею все стыки газовой трубы. Боря, стоя с тетей Лизой на лестничной площадке у открытой двери, с интересом следил за его действиями. Наконец, утечка была найдена – мыленки раздулись большими пузырями. Ваня взял Борин пластилин, щедро залепил участок трубы и тогда позвонил в ЖЭК и газовую контору, вызвал мастера.

Тётя Лиза восхищалась Ваней, он такой ручастый, всё может, такой услужливый. Карниз у неё в комнате держался на "честном слове", Ваня заметил и, ни слова не говоря, починил. На кухне передвинул стиральную машину, стало намного удобнее. А тут ещё спас весь дом от взрыва. В комнате у Дины переставил мебель, поставил шкаф торцом к стене, выделив Боре уголок для занятий. Посоветовал Дине отправить сына в школу в 6 лет. Назим поднял дома такой крик и настоял, что пойдёт в школу вместе с Борей.

По воскресеньям Ваня брал Борю и Назима в скверик напротив дома, снимал с них носочки и сандалики и, к неописуемому восторгу, разрешал бегать босиком. Закалял.

Купил цветные мелки, чтобы рисовать на асфальте, вспоминал все развивающие игры и задачи своего папы, которые так свежи были в памяти, как будто прошло не тридцать-сорок лет, а тридцать-сорок дней...

Дома мыли ноги прохладной водой, одевал Назима и отводил домой. После обеда ждали звонка от Вики. Она подробнейшим образом рассказывала о своей жизни, о семье, в которой живёт, о медицинской проблеме молодого человека, за которым ей надо ухаживать, даже советовалась с Диной. Ваня был счастлив слышать её голос.

Первого сентября дети пошли в школу №1, что находилась за углом. Нигяр сказала, что будет забирать обоих, освободив Дине и Ване время на завершающий этап подготовки к защите.

=====

Глава 53

– Дядя Ваня, вы так много времени теряете на дорогу, сюда с Баилова путь не близкий. Может, мы вам здесь в галерее раскладушку поставим? На время. Вы тогда сможете ездить к себе домой не каждый день.

– А что тётя Лиза скажет?

– Я так с огромным удовольствием. Всегда спокойнее, если мужчина в доме. Тогда при погромах такого страха натерпелась. Тогда Борис Эммануилович был, а после него стало страшновато, я из-за этого и заказы брать перестала, боюсь, когда кто-то в дверь стучит. Галерея большая, можно даже вот здесь ширму установить или стеночку фанерную поставить, и закуток получится.

Разговор этот был как нельзя кстати. Всё это время Ваня не обращал внимания на присутствие Вали и её активную деятельность во дворе. Она, оказывается, скупила почти все квартиры первого этажа. Некоторые жильцы тоже приватизировали свои квартиры и не знали, что с ними делать. Они с радостью продали их Вале за бесценок. Многие жильцы уехали, спасая себя и детей, бросив всё что было в доме. Приобрести эти квартиры было ещё проще. Из жильцов остались только Ваня и Лариса.

– Ваня, давай поговорим. Я собираюсь переоборудовать весь первый этаж. Здесь будет большой косметический салон, ванны, массажные кабинеты и так далее.

– Понятно. И что ты хочешь?

– Хочу купить твою квартиру.

– А куда я, по твоему, должен деться?

– Честно говоря, никак не пойму, почему ты до сих пор не нашёл себе дамочку с квартирой и не ушел отсюда? Неужели до сих пор свою Вику ждёшь?

– Не твоё дело! – первый раз в жизни Ваня ответил так резко. Оказалось, не так страшно один раз в жизни грубо отбрызнуть зарвавшуюся нахапку. Зашел в свою комнату и демонстративно запер за собой дверь.

Через день Валя со смущённой улыбкой опять подошла к Ване:

– Ну, прости, пожалуйста, ну вырвалось у меня. Я больше не буду. Давай поговорим о квартире.

– Почему одна моя комната мешает тебе сделать косметический салон. Я прихожу вечером, захожу к себе и никому не мешаю.

– Ну подумай, Ванечка. Этого страшного туалета во дворе не будет, а будет джакузи, будут стоять шезлонги, в них женщины в купальниках, в жаркие дни дамы смогут загорать – а тут ты идёшь с работы – посторонний мужчина...

– А квартира Ларисы?

– Её я переселю на второй этаж, и ещё она будет у меня в салоне работать. Я тебе за эту комнатку знаешь сколько заплачу? 15000 манат.

В былые времена Ваня никогда бы не стал торговаться, но сейчас – он сам почувствовал, как изменился.

– Квартиру я тебе сейчас не продаю. Я уеду только на 5-6 месяцев ("Вика сказала, что вернётся через полгода"). Мешать тебе не буду, дамочек твоих

пугать своим появлением не буду. И всего за 10 000 манат. А через полгода поговорим, – сказал Ваня, твёрдо глядя Вале в глаза.

Она поняла, что это уже другой Ваня. Ей пришлось согласиться.

Ваня был доволен собой. Эта неплохая сумма поможет Диночкиной защите, возможно ускорит возвращение Вики и, несомненно, обрадует её. Забрал диван, секретер с книгами, кульман для работы и переехал в галерею Дины.

Диночка с блеском защитила диссертацию. Боря окончил первый класс.

=====

*Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет.
Глядишь, – на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет.*

(С. Маршак)

Прошли годы...

Сейчас Дина работает нейрохирургом в Mount Sinai Hospital.

У неё и её мужа Натана двое детей.

Боренька окончил Колумбийский университет.

Вика и Ваня живут в Манхэттене в районе девяностых улиц, между второй и третьей авеню. Оба на пенсии, ведут очень активный образ жизни, много путешествуют.

Я изредка бываю у них в гостях.

Дополнительная информация

[1] Посёлок Баилов. Главная база русской Каспийской флотилии и Адмиралтейство раньше находились в Астрахани, а в 1867г. были переведены в новый благоустроенный посёлок Баилов. Его строили девять лет по чёткой планировке, были предусмотрены административные, общественные и жилые здания, офицерские и матросские кварталы.

6 мая 1868 года на Баиловом мысу в присутствии Великого Князя Алексея Александровича Романова была заложена пятиглавая церковь, получившая в народе название Морской или Портовой. Против собора был разбит "Адмиралтейский" сквер – прекрасный Баиловский парк (ныне имени Гафура Мамедова).

После того, как высочайшим указанием был запланирован посёлок, началось исследование состояния баиловского холма. Грамотные архитекторы из-за опасности оползней спланировали строительство посёлка в низине, категорически запретив строительство церкви на вершине холма, несмотря на пожелания церковного начальства. (Как красиво и торжественно выглядела бы на холме пятиглавая церковь с двумя престолами, с золочёнными куполами!). И она была построена, но в центре посёлка. К сожалению, церковь простояла только до начала 30-х годов и погибла совсем по другой причине, чем природные катаклизмы.

У главной дороги, соединяющей посёлок с городом, появились закусочные, чайные, лавки. А дальше посёлок разрастался вверх по склону холма методом самостроя, что сулило неприятности в будущем. Стихийно заселявшие его бедняки не думали и не знали о том, что пригорок чреват оползнями. Постройки были самодельные, без разрешения, плана, без правил, без грамотного фундамента, без удобств – трущобы, притулившись к склону...

Оползни на Баиловском склоне активизировались по мере его заселения. После очередных разрушений люди своими силами восстанавливали убогие жилища и продолжали жить. Оползни случались каждые 2-4 года.

Ещё к достопримечательностям посёлка Баилов относилась (так как была разрушена в 2009 г) Баиловская тюрьма, построенная в 1888 году, знаменитая тем, что с марта по ноябрь 1908 года и с марта по сентябрь 1910 года в этой тюрьме сидел Сталин. И он был первым, кому удалось успешно бежать из этой тюрьмы. Впоследствии его камера № 39 была музеем вплоть до развенчания культа личности.

На южной оконечности посёлка на берегу находилась старая шиитская мечеть Биби-Эйбат, построенная в XIII веке. Мечеть была построена над гробницей дочери Мусы аль-Казима.

Надпись, высеченная на каменной гробнице, гласила: «Здесь погребена Укейма ханум, потомок пророка Мухаммада, внучка шестого имама Джафара ас-Садыка, дочь седьмого имама Мусы аль-Казима, сестра восьмого имама Али ар-Риза». Это был один из значительных памятников исламского зодчества Азербайджана.

В разные годы мечеть посещали знаменитые люди, архитекторы, востоковеды, писатели: А.Бакиханов, Х.Натаван и даже Александр Дюма. Мечеть была взорвана в 1936 году, дабы «Удовлетворить ходатайство 300 рабочих нефтепромысла им. Сталина о закрытии в селении Шихово молитвенного дома».

Прошло 63 года, и на месте разрушенной сейчас стоит новая.

=====

[2] Муртуза Мухтаров – нефтепромышленник, миллионер, изобретатель – в 1890 г. построил в поселке Мардакяны белокаменный дворец в мавританском стиле с огромным парком экзотических растений (сейчас это Дендрологический парк Академии Наук Азербайджана).

На скалистой местности площадью около 8 га сначала развернулись работы по подготовке территории. Было завезено несколько тысяч кубометров плодородной земли для озеленения. Вozить приходилось на баржах, затем – на арбах или верблюдах.

Для обеспечения пресной водой виллы, фонтанов и сада в скалах были прорублены широкие (5х10 м) колодцы-водоёмы глубиной 25-30 м. Насосами вода подавалась в любую часть владения. Эти гидротехнические сооружения были созданы безымянными мастерами – простыми работниками М. Мухтарова.

Один из колодцев диаметром 6-7 м находился недалеко от ворот и служил прибежищем в особо знойные дни. Спуск в него до поверхности воды осуществлялся по винтовой лестнице, которая крепилась на консолях, вделанных в скалу, и там, на глубине 35-40 м, было устроено большое помещение, где хозяин и его гости наслаждались прохладой.

Внутри вилла и сад вокруг неё поражали гостей красотой и вкусом, но вход на свою виллу с магистрали М.Мухтаров сделал довольно скромным. Он не любил кичиться своим богатством. После М.Мухтарова многие местные богатеи тоже начали строить свои виллы в Мардакянах, но в отличие от него, пытались поразить друг друга внешней роскошью.

Вообще история жизни Муртузы Мухтарова интересней иного романа.

=====

[3] Муртуза Мухтаров был известен как щедрый благотворитель. Он был попечителем Бакинского реального училища, Темирхан-Шуриной женской гимназии, почётным членом общества распространения грамотности и технических сведений среди горцев Терской области, почётным членом Петербургского мусульманского благотворительного общества, учредителем 40 стипендий для высших и средних специальных учебных

заведений. Был почитателем западноевропейской культуры, вёл борьбу с суевериями и предрассудками. С этой целью издавал в Баку газету «Таракки». Строил школы и мечети.

Много путешествовал. В 1908 году во Владикавказе на средства М. Мухтарова по проекту знаменитого в Баку архитектора И. Плошко была построена уникальная Владикавказская мечеть. В 1910 году в Амираджанах построил величественной архитектуры мечеть. На деньги Мухтарова были построены: в 1913 году маяк на Апшероне (сейчас не действует), ряд зданий в Баку, Кисловодске и даже во Флоренции.

В первые дни революции во дворец верхом въехали вооружённые красноармейцы. М.Мухтаров мог бы пережить конфискацию дворца, но увидев сверху, как копыта лошадей "бандитов" разбивают его мраморную лестницу, как их беспорядочная стрельба откалывает куски прекрасных статуй и барельефов, он не выдержал. Он защищал свой дворец с оружием в руках. Погиб ли он от пули меткого красноармейца или от последней пули, пущенной себе в лоб, мы уже никогда не узнаем.

В первые послереволюционные годы здесь помещался Клуб освобождённой турчанки, а затем Дворец бракосочетания – дворец Счастья.

Прошло много десятилетий. Во время капитального ремонта под слоем старой штукатурки на стене обнаружили тёмное пятно.

Анализ показал, что это кровь. Чья?..

=====

[4] Николай Александрович Козырев(1908-1983) – советский астрофизик, доктор наук. Неспециалистам известен прежде всего как автор маргинальной теории «Причинная механика».

«Козырев был тогда фигурой в советской астрономии значительной, яркой и даже таинственной. Он был другом и научным соперником Амбарцумяна и Чандрасекара. Отсидел десять лет в сталинских лагерях. Создал теорию, доказывающую существование нетермоядерных источников излучения звезд. Он рассчитал новейшую и для своего времени совершенно парадоксальную модель атмосферы Венеры.

Обнаружил на Венере грозы с молниями длиной в тысячи километров.

В начале 60-х ему удалось получить редчайший и сенсационнейший спектр вулкана, извергающегося на Луне, до той поры считавшейся абсолютно мертвым небесным телом...

А в 57-м он объявил: «...принципиально возможен двигатель, использующий ход времени для получения работы. Иными словами, время обладает энергией».

(Аркадий и Борис Стругацкие)

<https://takiedela.ru/2017/06/chelovek-kotoryy-sogrelsya-vremenem/>

«В пространстве-времени Минковского – Эйнштейна в отличие от пространства и времени Ньютона все физические события выстраиваются на некоем меридиане, вытягиваясь в то, что Минковский назвал «линией мировых событий». На этой линии абсолютное прошлое вместе с абсолютным будущим и настоящим существуют всегда. Это «всегда», именуемое «световой конус мировых событий», вызывает и сегодня весьма оживленные дискуссии. Физики, воспитанные в традициях материализма, склонны видеть в линии мировых событий всего лишь удобную математическую модель. Нечто подобное в течение семидесяти с лишним лет переживала система Коперника. Церковь разрешала ее изучение, как математической модели, абстракции, удобной для астрономических вычислений, но верной считалась система Птолемея, где Солнце вращалось вокруг Земли.

Подобным же образом Козырев на основе теории относительности пришел к выводу, что пространство-время Минковского – Эйнштейна должно обладать плотностью, энергией, но в таких малых величинах, что их почти невозможно зафиксировать приборами. Тем не менее Козырев зафиксировал и предсказал энергетический всплеск на Луне, это оказалось извержение вулкана. За свое открытие он получил Ленинскую премию и почётную Нобелевскую медаль.

Пространство-время Козырева в отличие от пространства-времени Эйнштейна – Минковского распространяется мгновенно всюду, т. е. в нем запрет на скорости большие скорости света недействителен.

Пространство-время, таким образом, некая канва из нити линии мировых событий, по которой вышивается физическая реальность.

Эти взгляды близки к афоризму из Каббалы: неправду говорят, что движется время. Время неподвижно. Это мы движемся сквозь него. »

(Д-р филос. наук К.А. Кедров. "Эйнштейн без формул")

Официальная наука до сих пор критически относится к теории Козырева. Возможно, при дальнейшем развитии науки что-то станет яснее...

https://www.youtube.com/watch?v=cSur7v_WiUk

<http://bourabai.kz/kozyrev/index.htm>

[5] Были случаи, когда врачи принимали заснувших летаргическим сном за умерших.

Средневековый поэт Петрарка был тяжело болен, и когда он впал в тяжелое забытие, врачи сочли его мертвым. Очнулся Петрарка спустя сутки в разгар приготовлений к похоронам. После этого он прожил еще 30 лет.

В период с 1910 по 1930 годы в Европе началась чуть ли не эпидемия тафофобии (боязнь быть похороненными по ошибке). Тафофобией страдали и первый американский президент Джордж Вашингтон, и поэтесса Марина Цветаева, и изобретатель динамита Альфред Нобель, философы Мозес Мендельсон и Артур Шопенгауэр, писатели Уилки Коллинз и Николай Гоголь. В молодости Гоголь перенес малярийный энцефалит и после этого всю жизнь у него случались глубокие обмороки с последующим сном. Николай Васильевич опасался, что во время такого сна его могут принять за умер-

шего и похоронить.

Британский писатель Уилки Коллинз каждую ночь оставлял «предсмертную записку», в которой просил читающего тщательно удостовериться в его смерти, если он не проснётся.

Философ Артур Шопенгауэр завещал ждать со своими похоронами пять дней после смерти.

В 1772 г. немецкий герцог Мекленбургский запретил во всех своих владениях хоронить людей ранее, чем через три дня после смерти. Вскоре подобная мера была принята по всей Европе.

Тогда были разработаны «безопасные гробы» с колокольчиком и трубкой, выведенной наружу. В течение нескольких дней после похорон можно было принюхаться к этой трубке или прислушаться – человек мог дать знать, что он жив. Изобретатель Эммануил Нобель, боясь быть похороненным заживо, изобрёл один из первых «безопасных гробов». У его сына Эммануила Нобеля этот страх являлся наследственным, он также страдал тафофобией.

Были и более сложные и дорогие конструкции. В начале XIX века некий немецкий врач-экстремал лично продемонстрировал собственное изобретение. Его заживо похоронили в особом гробу, где он смог провести несколько часов и даже отобедать сосисками и пивом, которые подавались под землю при помощи особого устройства (немцу без сосисок с пивом никак нельзя...).

Сейчас, благодаря множеству умных медицинских приборов, эта проблема ушла в прошлое.

=====

[6] Немного истории: Евреи-ашкенази начали селиться в Баку с 1810 г. И конечно, сразу же появились маленькие синагоги и молельные дома, хотя между молитвенным домом и синагогой нет разницы – ни функционально, ни в статусе. Количество евреев росло и в 1870-е годы открылась, так называемая, синагога ремесленников, потом ещё одна.

В 1899 г евреи города получили разрешение на постройку хоральной синагоги и в марте этого же года произошла торжественная закладка здания. Хоральная синагога функционировала уже на Песах 1901 г., хотя здание было не полностью отделано.

Кроме того, в начале 20-го века существовала Хасидская (точней Хабадская) синагога по ул. Бондарная. Синагога горских евреев находилась на ул. Димитрова (Шамси Бадалбейли)

В 1916 году была открыта еврейская гимназия с преподаванием еврейского языка, истории, религии. После установления советской власти в 1920 году она была закрыта. Преследовались подпольные хедеры и ешивы – религиозное образование было под запретом. В процессе «борьбы с религиозными предрассудками» в апреле 1923 г. состоялся суд над попечителями, раввином и учителями, обучавшими детей в подпольных хедерах, и родителями этих детей.

Власти "закручивали гайки" духовной жизни евреев постепенно – светское образование пока было легальным.

В Баку на улице Красноводской (позднее Красноармейская, а ещё позже им. Самеда Вургунa), 26 была большая 4-этажная школа первой ступени. Фактически это было несколько школ (на каждом этаже своя): еврейская (№ 36. Заведующий Бакунин), горско-еврейская школа (№ 28. заведующий

Аксельрод), грузинская и армянская. На каждом этаже школы шло преподавание на одном из этих языков. Моя свекровь вспоминала, как её, маленькую девочку, отец водил с Шемахинки в эту еврейскую школу.

В 1925-26 году всё преподавание светских предметов в этой интернациональной школе перевели на русский язык. На этаже, где работала еврейская школа, оставили только единственный урок еврейского языка. Но через несколько лет и он был вычеркнут из расписания. Евреям-ашкенази не позволялось иметь свои школы. Постепенно закрывались и другие национальные школы. Горско-еврейские школы функционировали до 1938 года. (Осталась только армянская школа в Арменикенде.) В ходе новой кампании борьбы с религией были закрыты почти все маленькие синагоги и молельные дома.

*Большая центральная Хоральная синагога.
(Открытка из коллекции Ивана Ивановича.)*

В 1935г. закрыли Большую Хоральную синагогу. С фасада здания были сбиты каменные Скрижали Завета. Здание было передано АзГОСЕТу (Еврейскому театру), который был необычайно популярен, но просуществовал не долго, до конца 1939 г.

В 1938-39г. после выселения из Баку курдских евреев, которые селились на Кавказе с 1827 г., последней была закрыта маленькая, мало кому известная, синагога курдских евреев.

Ни школ, ни молельных домов, ни театра... В Баку фактически прекратилась всякая еврейская культурная жизнь. А здание Еврейского театра отдали Театру Музкомедии на несколько лет, а в 1942 – Азербайджанскому Агит Театру.

Во время Великой Отечественной войны оживление религиозной жизни коснулось и евреев. После войны в 1946 году ашкеназским и грузинским евреям под синагогу отдали половину бывшего склада. Это было подвальное помещение. Надо было превратить этот грязный сырой склад в чистые молельные достойные помещения. Здание было невысоким: метра три в высоту и еще метра на три здание уходило под землю. Молельные помещения находились в подвале. Мужчины спускались вниз, а женщины поднимались наверх. В полном объёме синагога для ашкеназских и грузинских евреев заработала в 1952 году. Бедноватая синагога, но кто роптал?

Спасибо и за это...

И хотя синагоги были формально открыты и разрешены, но ходить туда было страшно. Липкий страх вползал в души.

В 50-60-е, и очень возможно, что и в 70-е годы в здании большой центральной Хоральной синагоги располагался АзНИИ гидротехники и мелиорации.

Шли годы, менялось отношение к религии, однако, здание Хоральной синагоги так и не было возвращено еврейской общине...

В самом начале 80-х годов здание предполагалось отремонтировать под театр и передать ТЮЗу, но помещение понравилось певцу Рашиду Бейбутову, и он его "забрал" себе.

=====

[7] Моисей Давидович Шахнович. (1918-1982)

Родился 15 мая 1918 г. в городе Староконстантинове (ныне Хмельницкой области, Украина) в семье рабочего.

В 1937 г. окончил Днепропетровский машиностроительный техникум.

Работал теплотехником на сахарном заводе.

В РККА с 1938 г. В 1941г окончил Бакинское военное пехотное училище.

На фронте с ноября 1941 года. Воевал на Дону, в предгорьях Кавказа и под Сталинградом. Принимал участие в освобождении Украины. Был четырежды ранен.

В ноябре 1942 года накануне контрнаступления советских войск на Волге старший лейтенант Шахнович, его заместитель лейтенант Волков, старший сержант Абызов и ещё шесть солдат-артиллеристов получили приказ пробраться в тыл противника на разведку. Успешно выполнив задание, на обратном пути отряд захватил немецкую батарею и, по приказу Шахновича, артиллеристы открыли огонь по фашистам из их же пушек. Сколько при этом было уничтожено врагов сосчитать трудно. Факт: советские воины под командованием лейтенанта Шахновича выполнили задание, вернулись благополучно в своё расположение и привели 24 пленных.

В другой раз бойцы подразделения Моисея Шахновича уничтожили до 400 фашистских солдат и офицеров, 6 танков, 13 орудий, 7 миномётных батарей и пленили 56 врагов.

1943 год. Тяжёлые бои у Мелитополя. Необходимо захватить плацдарм на берегу реки Молочная. В бой идут только добровольцы: старший лейтенант Шахнович (руководитель отряда), старший сержант Абызов и другие (80 человек). До цели дошли только 20 человек... Им удалось занять небольшой клочок родной земли до подхода основных сил нашей армии.

В самом городе Мелитополе не прекращались бои. В большом и красивом городском парке засели фашисты. Под прикрытием батарей капитана Шахновича пехотинцы идут в атаку, но фашистский пулемёт поливает всех огнём. Шахнович решил сам уничтожить огневую точку. Короткими перебежками, прячась в зарослях, он подобрался непосредственно к огневой

точке. Потянулся к гранате, но подсумок оказался пустым, видимо, по дороге гранаты вывалились. (это официальная версия - А.Н.) Что делать? Не возвращаться же назад. Сильным ударом сапёрной лопаты Шахнович расправился с пулемётчиком. Другому фашисту также не удалось избежать смерти.

В уличных боях за город Мелитополь 12-23 октября 1943 года его батарея уничтожила 2 танка, 4 автомашины, подавила огонь нескольких батарей и отразила ряд контратак противника.

За мужество и отвагу, проявленные в боях при освобождении Мелитополя, Указом Президиума Верховного Совета СССР капитану Моисею Давидовичу Шахновичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=850

=====

[8] Жил в Баку очень интересный человек – изобретатель Генрих Саулович Альтшуллер (1926-1998).

Заявку на свое первое изобретение (вместе с друзьями) подал, когда учился в 10 классе и которое было немедленно засекречено.

С отличием окончил среднюю школу. Поступил в Азербайджанский Индустриальный институт. С первого курса в феврале 1944 года добровольцем пошёл в Красную Армию.

Много изобретений в военной области. С 1946-1948 гг. Генрих задумался о законах, по которым развиваются технические системы и которые можно использовать для создания алгоритма решения изобретательских задач.

То есть можно научить человека изобретать!

Генрих Альтшуллер и его друг Рафаил Шапиро окончили Индустриальный институт вскоре после войны. У них уже были свои изобретения – новый паровой котел, газотеплозащитный скафандр, в котором можно было находиться даже в самом центре пожара.

В 1948 году Г. Альтшуллер вместе с Р. Шапиро изучили состояние изобретательства в Советском Союзе и изложили свои соображения в письме лично вождю всех народов и отцу всех изобретателей Сталину (такая наглость!) с резкой критикой положения дел с изобретательством в СССР. Отпечатали 40 копий и разослали в 40 газет, начиная с самой главной – «Правды». Это письмо тогда, видимо, до Сталина не дошло, а всплыло только летом 1950 года, когда по доносу одного из приятелей они были арестованы и приговорены к 25 годам лишения свободы каждый.

В Воркутлаге Генрих сделал несколько изобретений. В 1954 году друзья были реабилитированы. Его мать не дождалась, покончила с собой за несколько месяцев до того, как дело ее сына было пересмотрено.

Г. Альтшуллер создал теорию решения изобретательских задач. В начале семидесятых годов открыл в Баку первые курсы Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ). Год спустя в Баку начал работать

первый в СССР Общественный институт изобретательского творчества (АзОИИТ). Здесь Генрих Саулович вел учебный процесс, готовил будущих преподавателей ТРИЗ.

(http://www.triz.natm.ru/istoria/alt_triz.htm)

(<https://www.altshuller.ru/biography/>)

[9] Ванников Борис Львович родился в 1897 г. в еврейской семье рабочего-нефтяника в посёлке Биби-Эйбат (близ пос. Баилово). Работал на нефтепромыслах, на дорожном строительстве, учился в Высшем техническом училище имени Баумана в Москве. В 1926 г. был направлен на работу в спешно создававшийся тогда советский военно-промышленный комплекс. Руководил с 1939 г. Наркоматом вооружения. В 1941 году был арестован, подвергнут пыткам, но был освобожден и полностью реабилитирован "на основании указания директивных органов", а через месяц в кабинете Сталина получил назначение на должность Народного Комиссара боеприпасов СССР с просьбой "Обиды за случившееся не держать"...

Руководил Наркоматом боеприпасов до 1946 г. и стал первым "ракетным" Наркомом, организатором советской военной и атомной промышленности.

Генерал-полковник инженерно-технической службы Б.Л. Ванников был первым дважды и первым трижды Героем Социалистического Труда. (За всю историю трижды героев было всего 15 человек. Был еще академик Сахаров, но его звания лишили.)

Ванников был удостоен Сталинской премии в 1951 г. и Государственной премии в 1953 г., шести орденов Ленина, орденов Суворова и Кутузова (оба первой степени) медалей и др. наград; был членом ЦК Компартии и депутатом Верховного Совета СССР

Скончался в 1962 (64 года). Урна с прахом Ванникова захоронена в кремлевской стене на Красной площади в Москве.

Ванников – автор мемуаров «Записки Наркома», опубликованных в журнале «Знамя» только в 1988 г (№1–2, 1988). На родине в мае 1982 года установлен бюст героя. <http://olaylar.az/news/blog-oksana/284639>

Не обошлось без курьёза.

На постаменте читаем:

"...награжден второй золотой медалью "Серп и молот".

А на мундире на бюсте их три.

Оказывается, какой-то высокий чиновник из Президиума Верховного Совета СССР сказал:

"Памятник на родине полагается дважды Герою" – так и было начертано.

А про мундир он ничего не сказал, вот на нем все три звезды и остались.